# МОЛОДЕЖЬ
# РЕЛИГИЯ
# АТЕИЗМ



# МОЛОДЕЖЬ
# РЕЛИГИЯ
# АТЕИЗМ

Вып. 4



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ББК 86.1
М 75

Составитель **М. Ганичева**

Рецензент кандидат философских наук **А. Блюдин**

М $\frac{0400000000-128}{078(02)-88}$ КБ—001—001—88

ISBN 5-235-00409-4

# ОТ РЕДАКЦИИ

Научно-материалистическое мировоззрение — это не обычная сумма знаний, правил на все случаи жизни, которые необходимо усвоить, но итог работы мысли каждого человека, личностного осмысления происходящих вокруг него и в нем самом процессов. Перед каждым новым поколением, вступающим в жизнь, встают, казалось бы, одни и те же нравственные, философские вопросы. Но это не есть повторение пройденного. И наш современник, молодой человек, тоже пытается найти себя, определить свою позицию, нравственные ориентиры, с которыми он обратится к разрешению сегодняшних проблем нашего общества. И если не поставить вопросы духовной жизни на обсуждение, если не искать в этом направлении, то многое в нашей жизни мы не сможем изменить.

Религия сегодня претендует на монополию нравственности, морали, духовности, и мы должны это особо иметь в виду, должны признать, что многое в этой сфере упустили. Поэтому и возникла необходимость вернуться к своим нравственным истокам, открыть заново для каждого человека наши коммунистические идеалы, идейные ориентиры.

Очередной сборник «Молодежь. Религия. Атеизм» познакомит читателей прежде всего с именами молодых авторов из разных городов нашей страны: философов, историков, писателей, комсомольских работников, учителей. На XX съезде комсомола отмечалось, что сегодня, «когда идет борьба старого и нового, сталкиваются мнения и позиции, необходимо изучать и хорошо знать общественное мнение, настроения различных категорий молодежи, их отношение к происходящим процессам», поэтому особый интерес вызывает позиция молодых.

В сборнике открывается несколько новых разделов: «Духовная жизнь общества и молодежь», «Философы прошлого», «Письма в редакцию». В одном из разделов мы поместили материалы «круглого стола», состоявшегося в издательстве в 1987 году, в котором приняли участие ученые, журналисты, писатели. Нам кажется, что в настоящее время важно найти точки соприкосновения между наукой, литературой и реальной жизнью, между молодыми учеными

и литераторами, объединить их усилия в деле воспитания молодежи.

Особенно остро стоит сегодня вопрос об обратной связи с молодежью. Редакция считает, что дискуссии, обмен мнениями — это «болевые» точки комсомола, то, чего ему сейчас не хватает. Мы поместили в сборнике письма наших читателей по различным вопросам: о формировании у школьников научно-материалистического миропонимания, о проблемах богоискательства и богостроительства. Редакция приглашает вас откликнуться на наши публикации, предложить свои вопросы для обсуждения, принять участие в дискуссии с авторами нашего сборника.

# НАУКА И РЕЛИГИЯ

ХОРОБР А.,
Москва

## ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ К БУДУЩЕМУ

Открытия в науке имеют огромное мировоззренческое значение, так как любая отвоеванная у стихийных сил природы область или установленный закон, которому подчиняется взаимодействие материальных явлений или объектов в этой области, кладутся в фундамент описания мира. Один из основоположников диалектического материализма — Фридрих Энгельс отмечал, что материальное единство мира может быть обосновано не набором отдельных фраз, а длинным и долгим процессом развития всей человеческой деятельности и естествознания в частности [1]. Чтобы понять материалистические процессы, происходящие в мире, недостаточно знакомства с отдельными открытиями или достижениями. Необходимо цепочку этих открытий тоже рассматривать в развитии, иначе говоря, понять, как одни открытия обусловливали другие. Как происходил процесс развития естественного отношения человека к окружающему миру? Каковы те причины, которые определяли и определяют процесс развития естествознания?

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 43.

В своей основе развитие естествознания имеет объективные причины. Среди них выделяют развитие производства, становление в XVII—XIX веках эмпирического базиса теоретической науки, превращение науки в непосредственную производительную силу. В этом ряду стоят и такие моменты, которые касаются развития естественного отношения человека к окружающему миру и к самому себе.

Так, прежде чем человек смог обращаться с окружающим миром как с материей и только с материей, ему нужно было выделить эту материю в «чистом виде», без примеси чего-либо духовного, иначе — изгнать духовное из материального, сверхъестественное из естественного. Понять завершенность процессов невозможно, не ответив на вопросы: как происходил процесс разодухотворения мира, как происходил процесс изгнания из природы таинственных сил и, наконец, как произошло смещение акцента с эгоцентризма к эгодецентризму? Здесь под эгоцентризмом понимается мировоззренческая установка, согласно которой человек и Земля находятся в центре мира, а эгодецентризм предполагает отсутствие центра во Вселенной и не рассматривает земную цивилизацию как единственную.

Итак, первый и самый важный шаг заключается в освобождении материального от духовного. Выделяя себя из окружающего мира, человек не сразу стал свободным, то есть эта свобода завоевывалась постепенно и в тяжелой борьбе. Всеобщая взаимосвязь природных явлений подчиняла человека, оставляя на нем свою печать. Первобытный человек жестко подчинялся необходимости внешних явлений. Из-за неразвитости сознания и трудовой деятельности он вел почти животный образ жизни. Следовательно, и весь окружающий мир воспринимался им по подобию с собой, как мир животный.

Все, что было содержанием первобытного сознания, переносилось и на весь остальной мир. Человек одухо-

творял окружающий мир, наделял его своими инстинктами, элементарными нравственными нормами. Природа карала, в представлении первобытного человека, за причиненное ей зло. Лесные духи, оборотни и нимфы были уже сравнительно поздними полуперсонифицированными одухотворенными явлениями природы. Еще позднее такая разобщенность одухотворенных явлений природы монополизируется и узурпируется в едином лице. Мир уже не раздроблен на множество независимых частей и элементов, а собран и классифицирован в три сферы: верхнюю, среднюю и нижнюю. Это находит свое воплощение в мифологических традициях разных народов. В греческом эпосе Зевс — Посейдон — Аид, в русском эпосе Перун — Велес — Род. «К символам Перуна относился конь, солнечный знак, громовой знак. Культ Перуна связан с культом дубовых деревьев на возвышенности. Параллели славянскому Перуну Индра индийской мифологии, германский Тор, балтский Перкунас, «фракийский всадник» Хэрос, Зевс — громовержец... Исследование его культа поучительно в том отношении, что, будучи военным богом, Перун имел вместе с тем прямое отношение к плодородию как хозяин «верхних» вод — дождя»[1]. «Как символ охотнических сил змей Велес может быть сопоставлен с идеей плодородия, жизненных сил земли»[2]. Культ Рода и рожаниц связан со звездами, рождением и смертью человека. Таким образом, мы видим, что за каждую сферу общественной и природной жизни отвечал какой-либо бог, названный определенным именем. У разных народов имена богов разные, но выполняемые ими функции в природе и обществе приблизительно одинаковые.

Духовное начало перестает воплощаться в конкретном предмете или явлении — реке, дереве, камне и т. д.,

---

[1] Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985, с. 88—97.

[2] Там же.

это все уже превращается в некое множество, за которым стоит одно лицо. За все, что на небе и на земле, отвечает Зевс, Перун, Велес, за все, что в воде, — Посейдон, за все, что под землей, — Аид, Род и рожаницы. Главное в том, что элементарные части мира сами по себе потеряли одухотворенность. И вода, и земля, и огонь, и воздух теряют ее. У Гераклита огонь есть то, из чего происходит, во что превращается мир. Но огонь не творец, огнем движет Логос. «Гераклит объявил сущностью судьбы логос, пронизывающий субстанцию Вселенной»[1]. Появилась возможность обращаться с элементами и частями мира как с мертвыми, если понимать «мертвость» как безжизненность и неодухотворенность в сознании древнего грека. У выдающегося философа Древней Греции Платона материя — это как раз мертвая, косная масса.

Духовность отодвинулась за предметы и явления окружающего мира. Она теперь находится по «ту сторону» предметов. Одухотворенность предметов и явлений теперь не самостоятельна. В сознании уже относительно развитого человека они выступают скорее как марионетки тех «сил», которые стоят за ними. Так человек от всеобщего одушевления и одухотворения природы приходит к ее ограниченному одушевлению. То же, что находится до этой границы, например материя у Платона, вода у Фалеса, противоположны духовному. И хотя они по-прежнему находятся в подчинении у духовного (идеи Платона, форма Аристотеля, логос Гераклита определяют эту косную массу), тем не менее произошла эмансипация, освобождение материального от духовного. Всеобщему одушевлению природы наступил конец.

Освободившись от одухотворения предметов и явлений, человек, по существу, впервые «развязал себе руки». Началось активное оперирование этими предметами. Конечно, процесс этот носил длительный характер.

[1] Антология мировой философии. М., 1969, т. 1, ч. 1. с. 276.

Но так как человек сохранял одухотворенность за собой, то мир материальных предметов и явлений находился теперь ниже его самого в иерархической лестнице ценностей. Предметы из равных, как это было у первобытного человека, стали неравными, из цели поклонения они постепенно превратились в средство использования.

На основе разодухотворенных явлений и предметов теперь создается схематика мира в философии древних. Будучи только материальными, они выполняют роль кирпичиков, из которых строится храм мироздания. Постепенно от одухотворения освобождаются целые области природы. Духовное отодвигается еще дальше. Теперь уже и каждая стихия становится материальной, теперь уже бог морей и океанов Посейдон не сможет помешать герою гомеровской «Илиады» Одиссею вовремя вернуться домой к Пенелопе.

Мир, некогда упорядоченный духовно, стал миром еще больше упорядоченным материально, который развивается и движется по своим собственным законам и причинам. Мир стал доступен человеку в еще большей степени и перестал быть прерогативой бога. Сначала необходимо было изгнать бога из Солнечной системы, прежде чем на ее планеты был направлен оптический телескоп Галилея. Поэтому математическое обоснование Коперником гелиоцентрической модели Солнечной системы и выдвижение итальянским философом и гуманистом Джордано Бруно гипотезы о населенной Вселенной, состоящей из тысяч солнц, подобных нашему, исторически предшествовало деятельности Галилея и других астрономов, начавших изучать космическое пространство опытными средствами.

Изгнав духовное не только из явлений окружающей природы, но из ближайшего космического пространства, человек широко открыл двери для их практического использования, которое и стало лишь вопросом времени.

Естествознание нового времени вообще изгнало духовное за пределы природы, мира. Бог у Ньютона только первое одухотворенное начало в природе и в этом смысле последнее. Начав с разодухотворения мира космоса, человек должен был, следуя этой логике, прийти к завершению своей цели. Сегодня в современном космологическом моделировании изгнано, за редким исключением (Леметр и некоторые другие), из объяснения происхождения и эволюции Вселенной это первое-последнее начало. Процесс завершен! Мир целиком одухотворенной природы, такой, каким его себе представлял древний человек, пришел к своей противоположности — миру целиком материальному, в том смысле, что в этом мире-природе не существует самостоятельное духовное начало. Сознание человека, его мысли, идеальные чувственные и теоретические образы рассматриваются как продукт высокоорганизованной материи — мозга. Последний же является не результатом сверхъестественного творения, а результатом длительного, охватывающего несколько миллионов лет, процесса самостоятельного развития материальной природы.

Однако вопросы, связанные с интерпретацией данных естествознания и особенно космологии, не так просты, как это может показаться на первый взгляд. Как и любой форме научного знания, современной космологии приходится сталкиваться в процессе моделирования с некоторыми трудностями. Эти трудности, с одной стороны, обусловлены объективными причинами — спецификой исследуемого объекта космологии, которым является Вселенная как целостное физическое образование, имеющее огромные масштабы. Расстояния до далеких объектов измеряются световыми годами. Поскольку скорость распространения сигналов конечна и не превышает скорости распространения электромагнитной волны в вакууме, то современный наблюдатель, например ученый-космолог, не сможет увидеть то, что делается во всей Вселенной, довольствуясь

лишь тем, что было несколько миллионов, а то и миллиардов лет назад.

Действительно, свет от таких космических объектов, которые образовались почти сразу после Большого взрыва, идет к нам многие миллионы лет. Субъективными причинами являются характеристики относительно непродолжительного существования человечества. Около 5 миллионов лет. Цивилизация насчитывает немногим более 2,5 тысячелетия. Техническая эра, в которой возникли огромные радиотелескопы, ускорители, космическая техника, имеет возраст чуть больше ста лет. Так что вплотную подойти к научному изучению космического пространства человек смог сравнительно недавно.

В настоящее время общепризнанной моделью развития Вселенной, чаще понимаемой как Метагалактика, является открытая модель А. А. Фридмана, советского математика и метеоролога. Эта модель получила блестящее подтверждение в открытии английского астронома Хаббла в 1928 году, который обнаружил факт разбегания галактик в космическом пространстве и интерпретировал этот факт как следствие некогда происшедшего гигантского взрыва. В результате этого взрыва произошел выброс вещества в виде различного рода частиц и излучения. С этого момента прошло около 15 — 20 миллиардов лет, поэтому первичное излучение успело понизиться в своей температуре до трех градусов по шкале Кельвина. Будучи предсказанным, оно было открыто двумя американскими учеными Пензиасом и Вилсоном в 1964 году. Это было вторым крупным подтверждением эволюционной модели А. А. Фридмана.

Работы А. А. Фридмана послужили основанием целого исследовательского направления в космологии, так как были построены на достаточно сильных упрощениях и огрублениях действительного космического пространства и времени. Считалось, что пространство

является однородным; распределение вещества и излучения в любой области одно и то же, а плотность вещества сравнительно мала, где-то порядка одного атома водорода на один кубический метр. Также предполагалось, что пространство изотропно, то есть не существует избранных направлений во Вселенной. Любое направление вверх, вниз, вправо, влево, вперед и назад равноправно и не влияет на характеристики материи и ее атрибутов.

Однако дальнейшие исследования зарубежных и советских космологов показали, что у модели Фридмана возникают трудности, связанные с наличием в ней так называемого сингулярного состояния, при котором плотность вещества и излучения становится практически бесконечной, а его пространственные масштабы превращаются в точку.

Остается до сих пор неясным механизм, который обусловил преобладание в нашей Метагалактике вещества над антивеществом, то есть положительно заряженных частиц над отрицательно заряженными частицами. Не до конца выяснен вопрос о плотности вещества во Вселенной, так как если удастся обнаружить массу покоя нейтрино, а также учесть воздействие других эффектов, то плотность окажется выше указанной. В таком случае разбегание галактик через некоторое время сменится сближением, Вселенная же в целом перейдет к сжатию. И будет ли этот процесс сжатия иметь границу либо продолжится бесконечно, сейчас еще не совсем ясно. По крайней мере, не существует пока общепризнанной точки зрения. Но развитие естествознания в том и заключается, что постепенно происходит переход от познанного к непознанному и обратно.

Непознанное раскрывается в активной преобразующей деятельности человека. И вся предшествующая история познания человека свидетельствует о том, что всякий раз, когда на одном этапе нечто объявлялось

непознаваемым (как правило, так рассуждали и рассуждают религиозно настроенные ученые или представители богословия), то на следующем этапе это находило объяснение в науке. Так было и с явлениями природы, поражавшими воображение древнего человека, так, несомненно, будет и с теми трудностями, которые были описаны выше.

Однако желание воспользоваться трудностями в научном исследовании не оставляет сегодня в равнодушном молчании некоторых ученых от религии. Так в 1981 году в Дюссельдорфе вышла книга профессора Петера Остен-Закена, в которой он пытается по-своему интерпретировать данные космологии. Интерпретировать не как подтверждение развития материи, а, наоборот, как подтверждение существования некой величины «Н» (непознаваемое), которая стоит за миром известных физических законов, с помощью которых мы описываем мир.

«Причина начала творения мира нам неизвестна. Это есть неизвестное. Неизвестная величина, которая в соответствии с приведенными соображениями должна существовать. Мы ничего не знаем об этом неизвестном, по меньшей мере с естественнонаучной точки зрения. Но мы все-таки можем оперировать с ним и в связи с этим могли бы это неизвестное обозначить как «Н» (U — unbekannte)»[1]. Не останавливаясь на этом заключительном слове Петера Остен-Закена, приведем его соображения, на которых оно базируется: «Прежде всего необходимо поставить вопрос, из чего произошла Вселенная? Здесь имеются две возможности: 1) Из ничего. Это означает, что до нее ничего не существовало. Ни материя, ни энергия, ни — в приложении к теории относительности — пространство и время. 2) Мир создан из неизвестного для нас флюида. Может быть, из «третьего» состояния, которое нам неизвестно. Образо-

[1] Peter von der Osten-Sacken. Schöpfung aus dem Nichts, Düsseldorf, Wien, 1981, S. 299.

вался из того, что не имеет ни энергии, ни массы, но что может создавать из себя и энергию и массу»[1]. Вот такие и подобные аргументы приводит автор книги «Творение из ничего». Не упускается им попытка идеалистически интерпретировать вакуумное рождение электронно-позитронных пар и их обратную аннигиляцию. Не принимает он во внимание и то, что энергия вакуума никогда не равна нулю. А раз так, то ни о каком «ничто» не может быть и речи.

Марксистско-ленинская философия связывает себя в определении понятия материи, обозначающего реальность, только с одной характеристикой этой реальности, а именно — существовать вне и независимо от сознания. Ни с какими конкретными характеристиками материальных систем, известных сегодняшнему уровню познания, материя не связывается. Такое определение материи, данное В. И. Лениным, предполагает открытие новых качественных уровней и форм существования материи. Другими словами, заведомо устраняется возможность объявления того, что материя исчезает, а сознание, дух, энергия остается.

Это позволяет рассматривать понятие материи как универсальное понятие. И если сегодня будут вновь открыты какие-либо материальные объекты или явления, то они все равно будут существовать в пространстве и во времени независимо от того, какими бы причудливыми, на наш взгляд, характеристиками они ни обладали. Например, советским космологом А. Д. Линде, а также зарубежными учеными С. Колеманом, А. Х. Гусом и некоторыми другими в настоящее время развивается модель «раздувающейся» Вселенной, одним из начальных состояний которой является состояние ложного вакуума.

Если в обычном (истинном) вакууме плотность энергии очень мала, то в ложном вакууме она может быть очень большой. Он также характеризуется отри-

[1] Ibid., S. 211.

цательным давлением. Подтверждение существования ложного вакуума в действительности еще не получено. Но независимо от этого можно с уверенностью сказать, что он будет описываться основными характеристиками материального мира, то есть будет существовать независимо от нашего сознания, в пространственном и временном описании, будет претерпевать изменение. К нему все равно не будет применимо понятие «ничто», которое предлагает ученый от религии Петер Остен-Закен в своей книге.

Естествознание не нуждается в своем описании мира дополнительным принятием несуществующих величин «Н». Всякое тайное становится явным. И если это не произойдет сегодня, то это непременно произойдет завтра.

Итак, мы видим, что разодухотворение природы было продолжительным процессом, который в некоторых случаях до конца еще не закончен. Параллельно с этим процессом шел другой, который выразим через понятия таинственности и бестаинственности. Под таинственным понимается наличие в объективном мире и в самом человеке сил, которые представлялись ему скрытыми и которые он был не в состоянии поставить себе на службу.

Духовное всегда представлялось человеку как нечто таинственное, сакральное, необъяснимое, лежащее за пределами его познавательной возможности. Поэтому духовное в представлении древнего человека тесно связано с таинственным, за которое, по его представлению, были ответственны в природе сверхъестественные силы. Вследствие этого для естественного объяснения мира требовалось отказаться от таинственности, барьер к которой не мог быть преодолен естественными средствами.

Понимать это следует так, что всякое до сих пор не познанное по причине познавательной способности человека должно быть в принципе познаваемым. Не

должно быть ничего непознаваемого, то есть того, что в философии немецкого мыслителя И. Канта названо «вещью в себе». Вот именно для этого принципа человеку необходимо было заручиться уверенностью в том, что он способен познать все, дело только за временем, а значит, требовалось из природы, мира, космоса устранить принципиальную таинственность, оставив только относительную тайну. Это тоже был не одномоментный акт, а длительный процесс. Но, наконец, изгнав из природы к XVII — XIX векам таинственные и сверхъестественные силы, человек стал объяснять естественные силы с помощью научных теорий и законов.

Разрушив старую схематику мира, в которой раз и навсегда он слепо подчиняется внешним таинственным силам, он может теперь поставить перед собой вопрос — а создал ли он новую, в которую бы он сам гармонично вписывался? К сожалению, на этот вопрос пока однозначно ответить нельзя. Мешают этому глобальные, экологические и другие проблемы, которые требуют скорейшего разрешения.

Слово «глобальный» произошло от латинского globus, что на русском языке означает «шар», «земной шар» и часто понимается как всеобщий, охватывающий все происходящее на земном шаре. К таким проблемам сегодня можно отнести возможность ядерной катастрофы, способной уничтожить жизнь на всей планете, перенаселение планеты и некоторые другие. К экологическим проблемам (экология от греческого oikos — дом, родина) относятся те, которые касаются взаимоотношения человека и среды его обитания. Это уничтожение лесных массивов, загрязнение окружающей атмосферы ядовитыми веществами, нарушение температурного режима на планете.

В определенном смысле экологические проблемы являются частью глобальных проблем. Но решение и тех и других требует целостного подхода. Ведь ясно, что изменять окружающий мир, создавая в нем экологи-

ческий баланс, невозможно без изменения мировоззрения самого человека. И что особенно важно — изменения его самооценки и самосознания. Ибо последнее активно влияет на выработку моральных принципов и норм. Если нормой поведения по-прежнему будет являться безответственность за свое прошлое, настоящее и будущее, то человек вряд ли сможет решить эти проблемы.

Несмотря на то, что из природы вытеснена и изгнана таинственность в понимании ее сущности древним человеком, тем не менее и сегодня у некоторых людей сохраняются представления о таинственном сверхъестественном. Причины этого могут носить социальный, познавательный и психический характер. Наиболее важными являются социальные причины. Если они имеют место в обществе, значит, общественный организм страдает каким-то недугом. Обществом, в котором социальная несправедливость возведена в ранг государственного закона, является капиталистическое общество. Но даже и в нашем социалистическом обществе, где социальное неравенство (наличие эксплуатации человека человеком, нищета, безработица и др.) было упразднено первыми ленинскими декретами и постановлениями Советского привительства в 1917 году, в семидесятые годы, как это было отмечено на XXVII съезде КПСС и ряде Пленумов ЦК КПСС, наблюдались случаи нарушения основного принципа социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Это порой приводило к несправедливости в оплате конкретного трудового вклада и распределении общественных благ. Под влиянием подобных явлений у некоторых людей могли сложиться пессимистические настроения относительно возможности устранения негативных явлений и преобразования общественной жизни в целом. Неспособность разобраться в происходящем и отсутствие волевых качеств для изменения сложившегося положения могли породить в сознании

иллюзию о существовании иного мира, без противоречий и несправедливости.

Между тем в настоящее время таинственность для некоторых религиозно настроенных людей перестала часто присутствовать, так сказать, в «чистом виде», как чистая одухотворенность, как религиозная таинственность. Ибо космос, в который сегодня запускаются спутники, не может быть таинственным и одухотворенным миром Зевса, Перуна или Христа. Причем разодухотворение произошло и с самим человеком. В нем есть начала естественные — биологическое, психическое, социальное, но нет начала сверхъестественного.

Исходя из этого, можно сделать следующий вывод — десакрализация (разодухотворение) окружающей человека природы потребовала и логически привела к десакрализации самого человека. То есть человек, «потеряв» мир загробный, высший мир, мир иной, отличный от земного, сняв с себя задачу подготовки в этом мире к миру «тому», заоблачному, куда якобы возносятся души умерших, теперь мир неземной понимает как материальное космическое пространство.

Старое стремление наполняется после десакрализации космоса новым содержанием. Теперь человека во внеземном мире интересует уже не одухотворенная, бестелесная, а землеподобная материальная заселенность. И действительно, если материальный мир является системой развивающейся, то не исключена возможность возникновения других очагов жизни. Но это только теоретически. В опытном исследовании пока никаких подтверждений не получено. Некоторые энтузиасты упорно продолжают заниматься поисками внеземной жизни и разума. Космическое одиночество, видимо, действует на психику раздражающе и стимулирует поиски. На фоне огромного потока научной литературы о поисках внеземных цивилизаций хочется выделить последние статьи И. С. Шкловского, ставящие под сомнение, правда очень осторожно, плодотворность этого занятия.

(Шкловский И. С. О возможной уникальности жизни во Вселенной. — «Вопросы философии», 1976, № 9, с. 80—93).

Но что заставляет еще больше задуматься, так это возникновение за рубежом целых псевдорелигиозных направлений полумистического толка... Одним из феноменов такого рода является неустанный поиск СВЕРХземного разума. Сегодня такой поиск сверхразумного принимает современную форму. Искать человекоподобного бога в XX столетии — значит вступить в противоречие со стандартами научного мировоззрения. Поэтому теперь этим сверхразумным существом заселяются иные материальные миры.

Впервые его удалось «зафиксировать», правда, в необычной форме — НЛО, в 1947 году летчикам американских ВВС [1]. Сознание людей было настолько готово к чему-нибудь подобному, что уже в 1952 году это явление «наблюдалось» 1500 раз. А далее начались непосредственные «контакты» и «взаимосвязи». Например, по опросам общественности ФРГ, 45 процентов опрошенных высказались за полное и безоговорочное признание посещения в эти годы нашей планеты сверхразумными существами, 50 процентов допускало такие посещения в принципе, скажем в прошлом, в то же время сомневаясь в посещении в момент опроса, и только 5 процентов уверенно высказались против, расценив это как продукт больного воображения [2]. Статистика говорит сама за себя.

На примере НЛО мы видим, что даже современному естествознанию, с его тотальной материализацией космоса, не удалось до конца устранить из сознания людей представления о некоем сверхразуме, в какой бы форме он ни «являлся». Это еще раз подтверждает сло-

---

[1] Peter von der Osten-Sacken. Schöpfung aus dem Nichts, S. 75—79.

[2] Ibid., p. 79—80.

ва В. И. Ленина о необходимости материалистической интерпретации данных естествознания.

Из изложенного выше мы видим, что проблема таинственности и одухотворенности приняла в XX веке превращенную форму. И если раньше под космическим разумом понималось сверхъестественное божество, то теперь космический разум — это фантастические сверхразумные существа, «населяющие» предположительно каждую десятимиллионную звезду во Вселенной. На наш взгляд, немаловажное значение в этом сыграло смещение акцента с эгоцентризма к эгодецентризму.

«Земля, «специально сотворенное» обиталище человека, почиталась как бы осью, вокруг которой вращались «колеса» космоса... Картина существования человека на Земле, принятая в XX веке, как нельзя более далека от этого эгоцентрического бреда. Земля теперь лишилась своего исключительного места в мире, и ее положение считается во многих отношениях типичным для всех частей Вселенной» [1], — вот что пишет один из представителей современной космологии П. Девис. Примечательно то, что идея космологического эгодецентризма похожа на идею социального эгодецентризма. Нет избранного места в космическом пространстве, которое однородно и изотропно. Нет и избранных наций и государств. В то же время мировоззрение древних греков (в Афинах особенно) опиралось на представление об избранности нации, которая является носителем культуры, и в этом смысле все географические и этнические описания Земли имели своей отправной точкой, или точкой отсчета, — Афины. Ну а там, где живут греки, и должен быть центр мира — Земля. Следовательно, вокруг Земли (за исключением систем Пифагора и Аристарха Самосского) вращаются другие планеты. И в древнееврейском эпосе местом обитания является Земля, которая была положена богом в центр

---

[1] Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979, с. 257—258.

мира. Это в равной степени характерно и для многих других культур восточной и западной мифологической традиции.

С другой стороны, в результате кругосветных путешествий XVI—XVII веков, а также развития техники, науки и капитализма, который, по словам К. Маркса, стирал все и всяческие границы, в корне изменились представления о центре. Таких центров оказалось слишком много, чтоб отдавать кому-то предпочтение. Контакты между нациями и государствами расширяются и все больше начинают носить интернациональный характер. Приблизительно в то же время в Европе, например, у Дж. Бруно (1548—1600), возникают первые представления об отсутствии центра в мире. То есть развитие идей об обществе и национальной жизни сказывается и на развитии всей схематики космоса. Ибо в то время не было открытий коротковолнового космического фона, подтвердившего изотропию пространства, ни открытия Хаббла, установившего разбегание галактик. Общественное бытие накладывает специфический отпечаток на научное мировоззрение. И в первую очередь такое влияние оказывает организация структуры общества. Общество, в котором любой элемент, будь то индивид, народ или нация, свободен и не подчинен жестко единому центру власти, то есть обладающий некоторой автономией, рассматриваемый как микрокосм, строит соответственный макрокосм, в котором тоже нет центра (власти бога) и где каждый элемент равноправен с остальными.

Несомненную важность имеет также то, что избранный народ, кем, например, считали себя греки, являющийся носителем культуры, имел и определенную ответственность перед варварами. «Народ-эталон» несет бремя этой ответственности, пока не иссякнут его возможности и эту эстафету не примет другой народ. В процессе же децентрализации культуры и общественной жизни эта ответственность снимается. В этой связи хочется

отметить, что с начала XX столетия оплотом мира и справедливости на планете стала Страна Советов, первое государство, не преследующее по своей природе экспансионистских целей. И не исключена возможность, что среди окружающего мира капитализма, полного наживы и прибыли, торгашества и псевдокультурного зверства, вспомним хотя бы рембоманию и прочие продукты «свободного мира», наша страна, вобравшая в себя культурное достояние многих народов, и прежде всего культуру русского народа, является сегодня очагом общечеловеческой культуры и прежде всего духовности.

Конечно, сегодня человек не может вернуться к убеждениям двухтысячелетней давности и рассматривать Землю в качестве центра Вселенной. Но те мировоззренческие сдвиги, которые произошли в сознании современного человека, нуждаются в тщательном и всестороннем анализе. Потому что следствием «эгоцентрического» взгляда, при котором наша жизнь и цивилизация носила печать единственности и в этом смысле уникальности, сегодня является размен ее на эгодецентрическую плюральность. Человек иногда не чувствует и не осознает в себе долг последнего человека, несущего всю ответственность за жизнь и разум в нашей Вселенной (Метагалактике). Ибо, если погибнет наша Земля в результате ядерной или какой-либо иной катастрофы, то, дескать, жизнь вообще погибнуть не может! Почему? Да потому, что «при анализе технической цивилизации мы исходим из того факта, что она существует около 100 000 лет, а это приводит нас к выводу, что в нашей Галактике существует приблизительно 10 тыс. цивилизаций, и наш ближайший разумный сосед был бы удален от нас на расстояние, равное 100 тыс. световых лет»[1].

Люди сегодня не подозревают, какую ответственность они с себя сняли и как это отразилось на их мировоззрении. Наука, соединившись с техникой, часто

[1] Peter von der Osten-Sacken. Schöpfung aus dem Nichts, S. 81.

стала носить бесчеловечный характер, в чем признается и сам П. Девис: «Загрязнение среды, генетическая инженерия и контроль над мыслями людей — вот примеры злоупотребления наукой в угоду технологии и социальному устройству общества» [1].

Таким образом, человек, с таким трудом избавившись от религиозных предрассудков, раскрепостив природу и себя из-под власти духов и сверхъестественных сил, пока еще не осознал до конца всю ответственность своего положения. Если раньше он был элементом этого одухотворенного механизма, пусть самым высокоразвитым, но все-таки подчиненным, а вся ответственность лежала «на плечах» сверхъестественного, то впоследствии человек взял на себя право распоряжаться законами природы и общества, поставив себе на службу бывшие стихийные силы. Последнее же зависит от развитости и способности самого человека. Либо это приведет к окончательному овладению этими силами, либо произойдет конфликт и человек будет раздавлен непосильной ношей, став жертвой своего же собственного «господства».

В заключение можно сказать, что в истории человечества материализация природы победила над ее одухотворением, десакрализация над ее сакрализацией и в конечном счете эгодецентризм над эгоцентризмом. То есть, с одной стороны, природа теперь бездуховная материальная сущность, не имеющая центра в лице человека, обладающая однородностью и изотропностью, как сказал бы космолог. С другой стороны, сам человек тоже стал для себя в своей основе сущностью материальной и бестаинственной.

Спрашивается, сколько может «стоить» человеку потеря его первобытной гармонии и тождества со всем природным царством? Технология, вероятно, скажет в лице своих представителей, что это стоило человеку при-

---

[1] Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979, с. 255.

обретения техники, наука — научного знания. Но можно сегодня с уверенностью сказать, что при неразумном отношении к завоеваниям человеческой свободы это может стоить ему потери жизни. И разве существует более высокая ценность, чем эта?

Думается, что решение проблем, волнующих сегодня человечество, будет найдено без обращения взоров на «небо» и вне зависимости от «вероятного» числа возможных цивилизаций в нашей Галактике и вообще во всей Вселенной. Ответственность перед жизнью планеты зиждется на уникальности нашей формы жизни, каким бы количеством форм дублирующих ее она ни подтверждалась в будущем. Нам наша жизнь важна для самих себя, а не для сторонних наблюдателей с далекой звезды.

ЗАХАРОВ А.,
Благовещенск

## «ДВОЙНОЕ ДНО» КОНЦЕПЦИИ «ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ»

В июне 1985 года президент США Р. Рейган выступил с «обращением» к народам стран Восточной Европы. Эта речь, широко разрекламированная и преподнесенная в качестве «жеста доброй воли», была передана по радиоканалам «Голоса Америки» и «Свободной Европы». В ней президент, в частности, заявил о своем стремлении способствовать преодолению «неестественного» разделения Европы на два враждебных блока, а также дал понять, что важнейшим условием решения общеевропейских проблем он считает «возрождение религии в странах коммунистического лагеря» [1].

[1] The Washington Post, 1985, 15.06. — P. A. — 8.

В последние годы задача «воссоединения Европы под знаменем христианства» стала для противников социализма одной из основных. В «евангелизации» и «христианизации» они усматривают наиболее эффективный способ идеологического разложения социалистических стран, причем первейшим объектом религиозной обработки становится молодежь. Это неудивительно, поскольку молодежь — будущее Европы, будущее европейского социализма. Пытаясь заразить молодых граждан социалистических стран религиозной идеологией, поборники «христианского единства» рассчитывают лишить социализм будущего.

Президент Рейган — далеко не единственный, кто добивается этой цели; важнейшие задачи в антисоциалистической кампании по «воссоединению» Европейского континента решает католическая церковь.

С первых веков своего существования католицизм стремился распространить свою экспансию на Восток. Еще на рубеже VIII и IX веков, «располагая силами Западной Европы, Карл Великий двинулся на Восточную с проповедью римских начал, единства политического и религиозного»[1]. Но многочисленные попытки римской церкви подчинить славян своему духовному влиянию, продолжавшиеся почти 1000 лет, не увенчались сколько-нибудь значительными успехами — к XX веку прочную и широкую опору в славянских землях католицизм нашел только в Польше.

Что касается России, то здесь государственный характер православной церкви и ее практически полная монополия на народное образование делали шансы католических проповедников безнадежными. С полным основанием усматривая в католицизме инструмент политической экспансии Запада, русские князья, как отмечает С. М. Соловьев, с самого зарождения русской госу-

---

[1] Соловьев С. М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. — В кн.: Соловьев С. М. Избр. труды. Записки. М., 1983, с. 11.

дарственности справедливо полагали, что с католическим духовенством «нельзя было думать о народной и государственной независимости славян»[1].

Поэтому, естественно, что миссионерские настроения в католических кругах оживали именно в периоды временного ослабления России: так было в Смутное время, когда католические священники шли на Москву в обозе Лжедмитрия и польских интервентов, то же самое происходило и после первой мировой войны.

В 1917 году на самой окраине Европы, в маленькой португальской деревушке Фатима, произошло «чудо»: трем крестьянским девочкам, пасшим скот, явилась богородица и согласно церковной версии сказала им, что мир в Европе будет восстановлен только после того, как Россия обратится в католичество. «Чудо» произошло в исключительно нужный для католической церкви момент — Россия находилась меж двух революций, и политическая обстановка в стране была крайне неустойчивой. Едва ли случайно и то, что события разыгрались именно в Португалии, на краю Европы — только на Восток могла указать отсюда богородица. Она «являлась» девочкам шесть раз, причем собиравшиеся толпы людей не видели и не слышали ничего, однако пастушки неизменно утверждали, что контакт состоялся.

Несмотря на то, что «фатимское чудо» вызвало множество вопросов, ему была суждена долгая жизнь. После Октябрьской революции верхушка католической церкви обрела в нем желаемое «теоретическое» обоснование для призывов свергнуть власть «безбожных коммунистов» в России. В 1967 году, отмечая пятидесятилетие «чуда», паломничество в Португалию совершил папа Павел VI. Пользуясь случаем, глава католической церкви не преминул вновь выразить свое сожаление по поводу «безбожия» Восточной Европы. А десять лет спустя, в 70—80-е годы, концепция «новой евангелиза-

[1] Там же.

ции Европейского континента» заняла ключевое место в политической доктрине Ватикана.

В этот период призывы к «европейскому единству» приобрели ярко выраженный наступательный характер, и прежде всего по отношению к социалистическим странам. Перемены произошли значительные — ведь в 60-е и в первой половине 70-х годов идея «объединения» Европы пропагандировалась католической церковью только на Западе. Тогда, стремясь доказать правящим кругам капиталистических государств «жизненность» и «действенность» католицизма, Ватикан рекламировал идею «единства под эгидой церкви» в качестве важнейшего инструмента для укрепления капиталистической интеграции западноевропейских стран. По этой причине, намечая для Европы кандидатуру святого-покровителя, папа Павел VI остановил свой выбор на деятеле западноевропейского христианства — святом Бенедикте Нурсийском, что вызвало немалое недоумение католиков восточной части континента. Патроном Европы Бенедикта объявили в 1964 году. Через несколько лет, в 1969 году, Ватикан сделал официальное заявление о том, что на католической церкви лежит обязанность помочь объединению Европейского континента в политическом плане. Эта идея реализовалась в назначении специального посланника Ватикана при Европейском совете — совещательно-консультативном органе капиталистических стран, — а также в учреждении апостольского представительства при Европейском экономическом сообществе (Общий рынок).

Иными словами, 10—15 лет назад, говоря о «евроединстве под покровительством матери-церкви», католические идеологи имели в виду западноевропейское единство буржуазных стран. При этом Ватикан руководствовался также (и не в последнюю очередь) следующим соображением: чем крепче узы, связывающие страны ЕЭС, тем меньше шансы коммунистов на участие в правительствах, прежде всего в Италии и во Франции.

Концепция «единой Европы» в это время имела скорее оборонительный, нежели наступательный характер: медленно и с большим трудом приспосабливаясь к духу перемен, католическая церковь помышляла лишь о том, чтобы отстоять свои прежние позиции. Такое положение дел сохранялось, как было отмечено выше, до конца 70-х годов.

Начало 80-х годов ознаменовалось серьезным сдвигом вправо в политическом спектре почти всех ведущих западных государств. «Консервативная волна» не обошла стороной и Ватикан. Усиление напряженности в противостоянии двух мировых систем совпало с избранием на папский престол польского кардинала К. Войтылы, возглавившего католическую церковь под именем Иоанна Павла II. Сейчас с уверенностью можно сказать, что победа кандидата-поляка на конклаве осенью 1978 года не была случайной: с одной стороны, стоит вспомнить о загадочных обстоятельствах смерти предшественника Войтылы, Иоанна Павла I, отравленного, как полагают исследователи, агентурой масонской ложи П-2 [1]; с другой стороны, избрание поляка обеспечили голоса наиболее реакционных католических кардиналов — представителей ФРГ и США. И наконец, активизация католической церкви в Польше в период кризиса, вскрытые западными журналистами финансовые связи Ватикана с профсоюзным объединением «Солидарность» указывают на то, что определенные круги очень хотели видеть на папском престоле именно Войтылу.

После смены власти внимание Ватикана к социалистическим странам заметно усилилось. Одной из первых акций нового папы стало указание о начале издания ватиканского официоза «Оссерваторе Романо» на польском языке, вслед за чем последовало распоряжение о расширении вещания «Радио Ватикан» на Польскую Народную Республику. В 1980 году почитаемые в сла-

[1] Подробнее об этом см.: Яллоп Д. Кто убил папу римского? М., 1986.

вянских землях святые Кирилл и Мефодий были провозглашены «со-патронами Европы» (вместе с упомянутым св. Бенедиктом). Одновременно Ватикан подталкивал епископаты католической церкви в социалистических странах к конфронтации с властями по вопросам «свободы совести», что заметно обострило отношения церкви и государства в некоторых странах народной демократии.

В 1979 году во время визита в Польшу Иоанн Павел II впервые заговорил о единстве Европы применительно к социалистическим странам. В одном из своих официальных выступлений он сказал, что, «несмотря на различия в традициях, характеризующие западную и восточную части Европы, в каждой из этих частей живет то же самое христианство, которое берет свое начало от одного Христа, которое принимает одно Слово Божье, которое связано с одними и теми же двенадцатью апостолами» [1]. Эта мысль прозвучала в Польше, по крайней мере, трижды (отметим — именно социалистическая страна была избрана в качестве трибуны). Это оказалось преддверием переориентации доктрины «единой Европы» — теперь интересы папского престола распространялись и на Восток, то есть на страны социалистического содружества. Ватикан предлагал принципиально новое понимание Европы: отныне, говоря о Европе, католические иерархи имеют в виду «духовное единство от Португалии до Урала и от Исландии до Мальты». Ватикан, как известно, всегда чрезвычайно чутко реагировал на всякое изменение политического климата в мире, и поэтому есть все основания полагать, что нынешнее повышенное внимание к «европейскому единству» не может не иметь политического подтекста. Попытаемся же раскрыть этот подтекст.

Призывая народы континента к объединению, Ватикан стремится подчеркнуть свою «аполитичность»,

---

[1] Return to Poland. The collected speeches of John Paul II. — L., Collins, 1979, p. 84.

утвердить за собой статус единственного незаинтересованного арбитра, способного трезво и беспристрастно взглянуть на «распри» капитализма и социализма. Тем самым обосновывается политическая состоятельность церкви и ее практическая незаменимость. Описывая нынешнее состояние Европы, католические руководители умышленно сгущают краски. При этом, ярко обрисовывая все кризисные явления, свойственные капиталистической части континента, главной болезнью настойчиво объявляют идеологические разногласия двух систем. «Первый же взгляд на Европу, — говорит Иоанн Павел II, — обнаруживает недостаток единства, раскол, разделяющий народы Востока и Запада»[1].

Корень этого раскола папа усматривает в «неправомерно огромной» роли «идеологий». Если вспомнить, что под термином «идеология» в Ватикане имеют в виду доктрины, отрицающие сверхъестественное вмешательство в историю и ориентированные на «ложные» земные ценности (в официальных церковных документах марксизм, например, неоднократно обвинялся в стремлении «построить рай на земле»), то несложно определить, в кого папа метит своими упреками. «Идеологии», препятствующие восстановлению «изначального культурного единства Европы», клеймятся Иоанном Павлом II как «соблазн, в течение долгих столетий и в самых разных исторических формах достигший такого влияния на народы Европейского континента, которое вплотную подвело эти народы к грани уничтожения»[2].

Альтернатива, предлагаемая церковью, сводится к воссоединению европейских наций под эгидой христианства, то есть все идеологические различия стираются, а их место занимает «одинаково близкая всем европейцам» христианская религия. Но так ли нейтрально хрис-

---

[1] L'Osservatore Romano (weekly edition in English), 1985, 21.10, p. 2.

[2] Ibid., p. 2.

тианство? И действительно ли католический проект полностью аполитичен? Практические шаги, предпринимаемые Ватиканом в деле «объединения», доказывают обратное.

Прежде всего церковь стремится отвлечь от социальных проблем молодежь, которой католические деятели отводят главную роль в избавлении Европы и мира в целом от «материалистических идеологий». Нынешний папа уделяет молодежи особенно много внимания. Западные журналы пестрят его фотографиями в окружении молодых людей. Практически каждую неделю, несмотря на всю свою занятость — под духовным началом папы римского свыше 700 миллионов католиков, — он выкраивает время для аудиенций, даваемых делегациям католической молодежи со всего мира. Во время своих многочисленных зарубежных поездок Иоанн Павел II особенно любит встречаться с молодыми католиками на стадионах или в спортивных комплексах.

Набор лозунгов, обращенных главой католической церкви к своим слушателям, остается практически неизменным: папа призывает молодых людей сказать «нет» «идеологиям ненависти и классового эгоизма» и «да» — «церкви Христовой». Если верить католической пропаганде, отмечает советский исследователь И. Я. Кантеров, «вера в Христа устраняет социальный пессимизм, убивает потребность в алкоголе и наркотиках, создаст непреодолимые барьеры на пути сексуальной распущенности и цинизма. Все трудности будут преодолены, уверяют церковники, если молодежь свяжет свою жизнь с именем Христа, поскольку только его учение способно вылечить «уставшее и больное общество» [1].

Следует отметить, что, неизменно осуждая наркоманию, безработицу, «сексуальную революцию», папа встречает понимание у определенной части молодежи, не примыкающей к политическим партиям. В качестве

---

[1] Кантеров И. Я. Клерикализм — идеология духовного насилия. М., 1986, с. 28.

противоядия от бездуховности католические идеологи предлагают нынешнему молодому поколению «взяться за решение подлинно великих духовных задач». Европейской молодежи, в частности, рекомендуется приложить усилия для «христианского объединения Европы», что подразумевает отказ от борьбы за право на труд, на образование, против милитаризма и полицейских репрессий.

Другим очевидным свидетельством политического подтекста концепции «единой Европы» является ее откровенно антисоциалистическая направленность. Подчеркивая общность «христианских основ» европейской культуры, руководство католической церкви стремится к размыванию противоречий, существующих между двумя социальными системами. По словам Иоанна Павла II, «на Западе человеком пожертвовали ради материального благополучия, на Востоке же человека принесли в жертву политическим структурам» [1].

Принципиальные различия социализма и капитализма полностью игнорируются — и на капиталистическом Западе, и на социалистическом Востоке человеку живется одинаково плохо. Помочь в такой ситуации, как заявляет Иоанн Павел II, может только церковь, которая, «исходя из самой своей природы и специфики своей миссии, призвана восстановить сотрудничество, равенство и мир среди европейских народов» [2]. Из этих предпосылок выводится политическая по своему смыслу идея равной ответственности социализма и капитализма за все неурядицы в современном мире — за гонку вооружений, загрязнение окружающей среды, нищету развивающихся стран и т. п.

Основным конфликтом последних десятилетий предлагается считать эксплуатацию экономически развитым «Севером» (куда католические идеологи включают как капиталистические, так и социалистические государст-

---

[1] L'Osservatore Romano, 1985, 21.10, p. 2.

[2] Ibid., p. 2.

ва) отсталого, голодающего «Юга» (развивающиеся страны). По словам главы католической церкви, в аспекте своего единства «Европа представляет собой часть того, что обычно называют высокоразвитым Севером в отличие от представленного молодыми народами Юга... Отбросив гегемонистские амбиции и узкие экономические расчеты, Европа — как Восток, так и Запад — должна искать пути для реформ и решений, способных благотворно повлиять на нынешнюю драматическую ситуацию»[1].

Сокрушаясь по поводу голода и нищеты «молодых» народов, папа римский ищет виновных не там, где их нужно искать. Очевидно, сетования Иоанна Павла II вызваны не столько стремлением действительно облегчить участь отсталых регионов мира, сколько чисто идеологическими попытками «уравнять» две системы. Ведь нынешний папа не может не знать о том, что не социализм, а бывшие державы-колонизаторы взрастили бедность в «третьем мире».

В процессе объединения Европы под эгидой христианства католическая церковь отводит социалистическим странам особую роль. Тезис о единстве корней европейской христианской культуры положил начало теории, в которой страны социализма трактуются как наиболее питательная среда для религиозного возрождения, так как молодежь этих стран в отличие от своих сверстников из капиталистического мира в гораздо меньшей степени заражена разлагающим духом потребительства («материализма» — в терминологии Иоанна Павла II), преступности, наркомании, безработицы.

Это умозаключение — яркий пример того, как из верных посылок можно сделать совершенно сомнительные выводы. Ведь отсутствие в Восточной Европе большинства социальных недугов Запада свидетельствует совсем не о том, что у молодых людей из ГДР, Венгрии,

---

[1] Ibid., p. 2.

Польши, Чехословакии, СССР больше времени для посещения церквей. Нас же, исходя из наших собственных социальных успехов и преимуществ, пытаются убедить в том, что социализм предоставляет религии новый шанс, придает ей столь необходимый сегодня живительный импульс.

Конечно, идея «социализм — надежда католической церкви» возникла не на песке. Значительную роль в ее формировании сыграли, в частности, субъективистские ошибки прежнего польского руководства по отношению к религии. Газета «Правда» приводила следующее сравнение: если в довоенной буржуазной Польше в среднем ежегодно строилось 60 католических костелов, то в последние двадцать лет, то есть в период с 1965 по 1985 год, эта цифра достигла 93[1]. Это, безусловно, не могло не затронуть сознания определенной части молодых людей.

На подобные факты и опирается Иоанн Павел II, постоянно указывая на якобы открывающиеся перед католицизмом благоприятные перспективы в восточной части Европы. В своем обращении к руководителям европейского духовенства он, например, заявлял: «В том виде, который был приобретен в результате сложнейших событий нашего столетия, Европа представляет собой величайший в истории вызов христианству, но, в то же время, *открывает новые перспективы и творческие возможности* для проповеди и воплощения Евангелия» (выделено мною. — *А. З.*)[2]. Трудно ошибиться, предположив, что Ватикан заинтересован не столько в «возвращении Европы к христианским истокам», сколько в идеологической эрозии социализма. Утверждения о том, что религия распространяется и укрепляется в той мере, в какой развивается социализм, есть политическая по замыслу попытка дискредитировать социалистический строй. И совершенно закономерно, что Ватикан тесней-

[1] Правда, 1987, 12 января.
[2] L'Osservatore Romano, 1985, 21.10, p. 1.

шим образом сотрудничает с западными спецслужбами в деле распространения католической литературы среди молодежи социалистических стран.

О значительности задач «евангелизации» социалистического мира в общей стратегии католицизма свидетельствует то огромное внимание, которое в последнее время уделяется Ватиканом славянским народам. Перспективам христианства в славянских землях Иоанн Павел II посвятил одну из своих последних энциклик[1] — «Апостолы славян» (1985). Энциклика посвящена деятельности в славянских областях монахов-просветителей, братьев Кирилла и Мефодия (католическая церковь считает «солунских братьев» — по старому названию города Солоники — католическими святыми, поскольку среди восточных славян они проповедовали под патронажем папы римского. Однако аналогичные претензии выдвигает и православная церковь, утверждающая, что Кирилл и Мефодий действовали с благословения «православного константинопольского патриарха[2]).

Непосредственным поводом для написания энциклики «Апостолы славян» формально послужило 1100-летие со дня смерти одного из братьев, Мефодия. Но, бесспорно, обращение к столь далекому прошлому в документах такого значения, как папские энциклики, с необходимостью должно иметь выход в современность. И такая связь действительно есть: основной задачей этой энциклики является обоснование новой евангелизации славян католической церковью. Обращение Иоанна Павла II к деятельности братьев по распространению христианства должно быть воспринято не иначе как призыв «восстановить в согласии и мире единство, на-

[1] Энциклика — послание папы римского ко всем католикам или к католикам отдельной страны, последователям другого вероисповедания и иногда к неверующим. В энцикликах обсуждаются наиболее важные вопросы, волнующие католическую церковь. Энциклики обязательны к исполнению всеми католиками.

[2] Подробнее см.: Зуев Ю. Взгляд с расстояния в 1000 лет. — В кн.: Молодежь. Религия. Атеизм. Сб., вып. 2. М., 1985, с. 23—25.

рушенное со времен Кирилла и Мефодия, — единство Востока и Запада»[1].

Не осталось незамеченным и то обстоятельство, что главный акцент глава католической церкви сделал именно на политическое, а не на религиозное единство. Поясняя, о чем идет речь, одна из солидных французских буржуазных газет — «Монд» — писала: «Иоанн Павел II вновь оживил свою излюбленную идею: христианское единство Европы от Атлантики до Урала, произвольно нарушенное вследствие политических случайностей»[2] (нетрудно понять, что здесь имеется в виду под «политическими случайностями» — конечно же, образование в Европе социалистических государств). Та же газета подчеркивает, что в центре внимания папы — «единство, снимающее все идеологические и геополитические барьеры». Повторяем — «снимающее все идеологические барьеры», то есть уничтожающее социалистическую идеологию.

Современная ориентация доктрины на Восток мотивируется определенной антикоммунистической логикой. По замыслу проповедников «единой христианской Европы», верующие — в первую очередь молодые — должны усвоить, что если в деле восстановления единства континента папа апеллирует в основном к социалистическим странам, то, следовательно, именно на этих странах и лежит главное бремя ответственности за трудности Европы.

Папа определенно пытается убедить католиков в том, что некапиталистический мир искусственно поддерживает климат вражды и недоверия. По его мнению, коммунисты «не желают распахнуть двери Христу», и в этом беда континента. Энциклику «Апостолы славян» Иоанн Павел II заканчивает призывом молиться «за полную религиозную свободу славянских народов», якобы ли-

---

[1] Slavorum Apostoli, § 13 L'Osservatore Romano, 1985, 8.07, p. 3.

[2] Le Monde, 1985, 4.07, p. 8.

шенных возможности открыто проявлять свои религиозные чувства. Документ, таким образом, обнаруживает политическое «двойное дно». Американская «Нью-Йорк таймс» не без удовольствия отмечала, что «энциклика примечательна не только тем, что в ней сказано, но еще больше тем, о чем папа предпочел не говорить»[1]. Документ написан в мягких тонах, но выдержанность тона не должна вводить в заблуждение: в Ватикане просто учли неудачный опыт прямой конфронтации католической церкви с социализмом в 50-е годы (символом этой конфронтации стал венгерский кардинал Миндсенти, открыто вдохновлявший контрреволюционный мятеж в Венгрии в 1956 году).

Сегодня основная ставка делается на «тихое» проникновение католицизма в социалистический мир. Именно поэтому, как заявил на пресс-конференции по представлению энциклики журналистам кардинал Й. Томко, папа предпочел «не обвинять, а молиться». Церковь считает, что «все люди, все нации, цивилизации и культуры играют свою роль и занимают особое место в непостижимом промысле божьем и во всеобщей истории спасения»[2]. Церковь, подчеркивает энциклика, готова вывести славянские народы «на путь истинный», но для этого социализму нужно только отказаться от атеистической идеологии. Этим «только» Ватикан, по сути дела, стремится обеспечить себе беспроигрышную позицию: совершенно очевидно, что отказ последователей марксизма от атеистического мировоззрения невозможен, а в таком случае католические иерархи смогут прямо заявить, что церковь сделала все от неё зависящее, но коммунисты не проявили доброй воли и продолжают сеять недоверие на Европейском континенте. Именно здесь следует искать объяснение той настойчивости, с которой Ватикан внушает славянским наро-

---

[1] The New York Times, 1985, 3.07, p. A-16.

[2] Slavorum Apostoli, § 19 L'Osservatore Romano, 1985, 8.07, p. 4.

дам, что «они тоже, вместе с другими народами, являются наследниками того обещания, которое бог дал Аврааму»[1], — обещания «новой земли и нового неба».

Практика «объединения Европы» неизменно носит антикоммунистический характер. Организации католической молодежи, активизировавшие свою деятельность в 80-е годы, воспитываются церковным руководством в духе подозрительности к коммунистам, а иногда и прямо противопоставляются коммунистическим группировкам. В тех странах, где католическая церковь располагает традиционно прочным влиянием, эта тактика приносит свои плоды. В самый разгар антивоенных выступлений итальянцев, в 1982 году, Иоанн Павел II объявил следующий, 1983 год «святым годом» — в ознаменование 1950-летия распятия Иисуса Христа. На этот год была намечена широкая программа религиозных мероприятий с участием молодых верующих. По всей стране церковь организовала «марши веры» — шумные манифестации под лозунгом «примирение и покаяние». В «святых местах», находившихся на пути следования «маршей», проводились встречи молодых католиков с офицерами и солдатами армий стран НАТО. Празднование «святого года» во многом предопределило то, что протесты итальянской общественности против размещения на базе в Комизо (Сицилия) американских ракет первого удара оказались не столь мощными и продолжительными, как, например, антивоенные выступления молодежи ФРГ.

Современная католическая концепция «единой Европы» с полным одобрением была встречена самыми реакционными кругами Запада. В одном из номеров за 1984 год журнал «Триалог», издаваемый Трехсторонней комиссией — координационным центром монополий США, Японии и Западной Европы, — опубликовал статью бывшего советника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского, в которой католиче-

[1] Ibidem, § 20.

ской программе «европейского единства» дается очень высокая оценка. Автор заявлял, что покончить с расколом Европы необычайно важно для восстановления «морального и духовного здоровья» Старого Света; это, по его мнению, великая цель, вполне достойная «западных стран». Более того, Бжезинский от имени Трехсторонней комиссии призвал папу Иоанна Павла II к участию в «крестовом походе» ради достижения этой цели [1]. Этой затее симпатизирует и президент США Рейган, не скрывающий своего удовлетворения нынешней политикой Ватикана. Заявления папы о том, что «американцы могут гордиться гражданским и социальным прогрессом американского общества» [2], вызывают ответные реверансы Вашингтона: именно в период администрации Рейгана между Ватиканом и Соединенными Штатами были установлены официальные дипломатические отношения. Решая важные политические вопросы, президент США не упускает случая сослаться на авторитет «своего друга» Иоанна Павла II. Добиваясь от конгресса весной 1985 года выделения очередных 14 миллионов долларов на вооружение и подготовку никарагуанских «контрас», Рейган аргументировал это также и тем, что «Иоанн Павел II поддерживает все действия США в Латинской Америке» [3].

Итак, один из французских буржуазных журналов имел все основания назвать Иоанна Павла II «подлинным даром божьим». Современная политика Ватикана как нельзя лучше устраивает правящие круги Запада, и поэтому буржуазная печать не скупится на восторженные оценки. Сегодня католические идеологи еще более резко подчеркивают непримиримость марксизма и христианства не только в идейном, но и в политическом плане, как это делается, например, в последней энциклике нынешнего папы — «Господу животворящему»

---

[1] См.: За рубежом, 1985, № 4, с. 14.

[2] Правда, 1984, 10 декабря, с. 6.

[3] Newsweek, 1985, 24.04, p. 35.

(1986). Западная печать с удовлетворением отмечала, что согласно Иоанну Павлу II сопротивление святому духу в современном мире «достигло кульминации в учении исторического и диалектического материализма, составляющего сущность марксизма»[1]. В этом документе марксизм упоминается в одном ряду с такими «симптомами разложения современного мира», как гонка ядерных вооружений, международный терроризм, молодежная преступность и не спадающая на Западе волна абортов. Подобная оценка не нуждается в комментариях.

Подводя итог, отметим, что, выдвигая и пропагандируя концепцию «единой Европы», Ватикан преследует вполне определенные политические цели; их едва ли можно назвать нейтральными, поскольку эти цели явно согласуются с современными устремлениями организаторов политики ведущих капиталистических государств. Цели эти состоят, во-первых, в подрыве позиций социализма в европейском балансе сил, прежде всего через идеологическое разоружение молодежи социалистических стран, и, во-вторых, в укреплении положения католической церкви за счет объективных социальных противоречий, существующих на континенте.

БАЛАГУШКИН Е.,
Москва

## СТАВКА НА МИСТИКУ И ОККУЛЬТИЗМ

...Джон Леннон из ансамбля «Битлз» был убит сумасбродным завистником. Жизнь его оборвалась неожиданно, в зените славы и богатства. На это никак не

[1] International Herald Tribune, 1986, 31.05, p. 6.

рассчитывал Бхактиведанта Свами Прабхупада, основатель кришнаитской секты в Америке. Он скандально оконфузился, поскольку незадолго до трагической кончины Леннона публично предсказал ему безоблачное будущее. Правда, с одной оговоркой, ради которой и была затеяна эта игра в мистику: Леннон должен остаться сторонником кришнаизма и продолжать поддерживать его.

Пророчество престарелого монаха, отправившегося в свои 69 лет пропагандировать за океан древний восточный мистицизм, было незамысловато. В открытом письме Бхактиведанта утверждал, что в чудесном сновидении узрел прошлую жизнь Джона Леннона. Все было по канонам архаического учения о перевоплощении человека и его ответственности за свои поступки по мистическому «закону возмездия» — кармы.

Следуя этим древним суеверным представлениям индуизма Бхактиведанта уверял, что ливерпулец Леннон в «прошлой жизни» был индусом, простым музыкантом, но уже тогда сочувствовал и помогал кришнаитам, издавна известным в Индии. Вывод этой наивной притчи, сочиненной сектантским идеологом, прост: за свою былую поддержку кришнаитов Леннон, перевоплотившийся в англичанина, получил щедрые дары — стал славен и богат. Следовательно, он теперь должен позаботиться о процветании этой секты. Заканчивалось открытое письмо так: «Ныне, в этой жизни, если он использует свой талант для того, чтобы дать миру сознание Кришны, он достигнет высшего совершенства в жизни».

«Битлы», как и многие лидеры молодежной контркультуры, были подвержены богоискательским настроениям и не раз попадали в зависимость от самозваных «пророков». Сначала они увлекались трансцендентальной медитацией, но потом основатель этого мистического движения престарелый Махариши Махеш Йоги предстал в их глазах героем низкопробной мелодрамы — соблазнителем 19-летней актрисы, их спутницы Миа

Фэрроу, и они с громким скандалом расстались с ним.

Новым их увлечением стал экстатический культ индийского бога Кришны, и секта поспешила воспользоваться влиянием этого ансамбля на западную молодежь и возможностью получения немалой материальной помощи.

В 1969 году Бхактиведанта с группой приверженцев расположился в одном из флигелей британского поместья Леннона, которое сделал на время своим пропагандистским центром. Другой «битл» — Харрисон — в 1973 году купил в дар кришнаитской организации поместье под Лондоном, которое стало ашрамом и сельскохозяйственной коммуной кришнаитов, привлекая к себе сотни тысяч посетителей со всего мира. Позднее Харрисон вложил 100 тысяч долларов в строительство Золотого дворца, сооруженного в США в память почившего основателя движения Харе Кришна, который много сделал, чтобы привлечь на свою сторону лидеров антиконформистски настроенной молодежи. К их числу принадлежал и Аллен Гинсберг — американский поэт, стоявший во главе еще прежних выступлений битников, а потом и сменивших их хиппи. Он активно поддерживал Бхактивенданту в начале его проникновения в молодежную контркультуру США, даже играл на гармонике в оркестре, который сопровождал своей музыкой ритуальный танец кришнаитов — киртану. Во время танцевального празднества хиппи в Сан-Франциско он призвал 5 тысяч его участников посещать культовые ритуалы, которые Бхактиведанта стал проводить в своем пропагандистском центре.

Так с помощью молодежных лидеров создавалась некая мода на религиозный мистицизм в среде «бунтующей» молодежи Запада. Бхактиведанта в беседе с Ленноном, его женой Йоко и Харрисоном совершенно откровенно говорил: «Если что-то воспринято лидирующими людьми, то и ординарные люди следуют этому. Если лидеры говорят, что это очень хорошо, тогда и

другие также это принимают. Милостью бога, Кришны, вы являетесь лидерами. Тысячи молодых людей следуют за вами. Они любят вас. И если вы дадите им что-то действительно спиритуальное, лицо мира изменится»[1].

Целью миссионерской активности Бхактиведанты первоначально была американская молодежь, уже испытавшая отвращение к капиталистической действительности, но разочаровавшаяся также и в своих возможностях достичь социального освобождения на пути леворадикального движения. Она искала утешения в наркотическом и мистическом опьянении. «Мы обращаемся к молодежи, которая ищет», — говорил кришнаитский миссионер, подразумевая специфические богоискательские настроения американской молодежи[2].

Первые кришнаитские центры в США возникли в так называемых «столицах» хиппи — в нью-йоркской Ист-вилледж и в сан-франциском районе Хайт-Эшбери. Впоследствии американский социолог Стиллсон Юда отмечал: «Контркультура — та социальная среда, в которой движение Хари Кришна пустило корни и процветало в свои первые годы»[3].

«Множество важных граждан в Сан-Франциско были очень довольны, что Свами Бхактиведанта работает среди молодых людей», — отмечается в официальной биографии кришнаитского идеолога[4].

Американские власти, заинтересованные в умиротворении «бунтующей молодежи», в переводе ее опасного социального критицизма на безвредные для господствующего строя рельсы сектантского движения, пронизанного монашеским аскетизмом и мистицизмом, одобряли

---

[1] Search for Liberation. Featuring a conversation between John Lennon and Swami Bhaktivedanta. Los Angeles, 1981, p. 4.

[2] Satsvarupa dasa Goswami. Srila Prabhupada — lilamrta, v. 3. Only he could lead them. Los Angeles, 1981, p. 49—50.

[3] Satsvarupa dasa Goswami. Srila Prabhupada — lilamrta, v. 3. Los Angeles, 1981, p. VII.

[4] Ibidem, p. 39—40.

и поддерживали миссионерскую деятельность возникших кришнаитских центров. Это вполне объясняет феноменальный успех их усилий в создании «Международного общества сознания Кришны», которое располагает несколькими десятками центров в США, более сотни — по всему миру, имеет бюджет в 100 миллионов долларов, зарабатывая на неоплачиваемом труде сектантов до 30 миллионов в год.

И эта оценка не случайна, ведь подъем нетрадиционного для Запада восточного мистицизма отнюдь не воспринимался как влияние, отвлекающее от господствующей христианской традиции или враждебное ей. Напротив, в распространении религиозной мистики Востока видели «пробуждение у человека интереса к религиозной вере вообще или к большей преданности в отношении своей собственной религии» — так писал буржуазный религиовед Т. Хопкинс в предисловии к кришнаитским изданиям[1].

Буржуазный либерализм и реформизм, современная западная философия и традиционная церковная идеология все меньше служат опорой индивиду в его капиталистическом окружении. Все реже эти испытанные в прошлом средства манипуляции сознанием человека оказываются в состоянии внушить ему надежду на избавление от социальных антагонизмов, гарантировать устойчивую систему ценностных ориентаций, указать смысл жизни и пробудить чувство исторического оптимизма. «Будучи не в силах сладить с обострением проблем нисходящей фазы развития капитализма, правящие круги империалистических стран прибегают к средствам и методам, заведомо неспособным спасти общество, обреченное самой историей»[2].

Используя обновление вероучения и обрядности, современные нетрадиционные религии и культы проявляют чрезвычайно деятельный характер. В общей массе

---

[1] Ibidem, p. VIII.

[2] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 12.

им свойственна развитая организационная система, что во многих случаях придает им характер сплоченных, по существу, сектантских объединений. Обычно их возглавляют фанатично настроенные мистики, которые претендуют на статус «живых богов». Так, новым Иисусом Христом назвался выходец из Южной Кореи Сан Мён Мун, американец Дэвид Берг присвоил себе титул библейского пророка Моисея, глава изуверской секты Ананда Марг объявил себя воплощением сразу трех древнеиндуистских богов — Брахмы, Кришны и Шивы. Ссылаясь на мнимые божественные полномочия, эти религиозные экстремисты властно распоряжаются всей повседневной жизнью своих приверженцев. Созданные ими сектантские организации занимаются под предлогом религиозного спасения активнейшей производственно-финансовой деятельностью и нередко приобщаются к политике.

Особенно активно современный религиозный мистицизм проявил себя в воздействии на молодежное движение протеста в западных странах, обещая иллюзорный выход из многообразия социальных проблем, толкающих молодое поколение на выступления против капиталистической системы. С одной стороны, это проблемы, затрагивающие общество в целом, — неудовлетворенность системой образования и профессиональной подготовки, необеспеченность работой, растущее недоверие к официальной системе ценностей капиталистического общества, ослабление связи с господствующей церковью. С другой стороны, острейших противоречий полны внутрисемейные отношения молодых людей: здесь и проблема родительского авторитета, и дефицит равноправия и гуманизма в буржуазной семье, и недоверие молодежи к институту брака, основанному на частнособственнических интересах. К тому же молодежь сталкивается с рядом болезненных проблем в плане своей личной жизни, порожденных культом насилия и секса, процветанием наркомании и растущей бездуховности,

ощущением бессмысленности человеческого существования, раздавленного властью государственно-монополистического капитала.

Неустранимость этих проблем из повседневной жизни современного капиталистического общества питает молодежные выступления, подчас стихийные и неорганизованные, которые заканчиваются разочарованием, отказом от социально-политической активности и обращением к «религиозному пути спасения» в рамках так называемых «молодежных» религий и сект.

В последние годы стало заметным влияние нетрадиционных религий и религиозно-мистических культов в нашей стране. Причины к тому особые, не похожие на те, что породили настолько широкое и интенсивное их распространение в капиталистическом мире, что там они именуются «религиозно-мистической волной». Однако обнаруживается и прямая связь нетрадиционных религий на Западе с появлением мистических настроений и некоторых нетрадиционных религиозных групп в нашей стране. Мода на мистицизм стала предметом своеобразного экспорта в общем потоке проникающих к нам из-за рубежа влияний в сфере идеологии, культуры и быта. Но в еще большей степени неомистицизм стал предметом идеологической экспансии и средством проведения социально-политических диверсий в рамках «крестового похода» и развернувшейся психологической войны против нашей страны. Одно из ее направлений — идеологическое наступление на наш политический и общественный строй под религиозным флагом.

Нередко лидеры мистических культов подвигаются на роли политических авантюристов, облаченных в религиозно-сектантские одеяния «живых богов». Так, глава «Церкви объединения» Мун, прозванный «Иисусом из Сеула», с фанатичным упорством взывает к «последней битве с сатаной», имея в виду третью мировую войну с целью уничтожения мирового коммунизма. В мистическом ослеплении он планирует «марш на Москву»

и даже «освобождение» Советского Союза по образцу американской агрессии на Гренаде. О вооруженном вмешательстве в дела нашей страны рассуждает и самозваный пророк Раджниш. Другой «живой бог» и политический авантюрист — Анандамурти (Саркар), явно подражая гегемонистским устремлениям германского фашизма и современного сионизма (недаром эмблемой секты Ананда Марг он сделал комбинацию из свастики и «звезды Давида»), пропагандирует идею установления теократической диктатуры в мировом масштабе, возглавляемой группой сектантов высшего ранга. В деятельности этих сектантских организаций религиозные идеи прямо и непосредственно служат обоснованием и выражением крайне реакционных политических идей.

«Тайные учения» сегодня разливаются широким потоком по всему миру. Только кришнаиты распространяют более 100 книг и брошюр в год, издают международный журнал. Секта Раджниша выпустила около 400 книг, в том числе одну под провокационным названием «Берегитесь социализма!». Специально для пропаганды в нашей стране готовятся многотомные проповеди, наставления и учебные пособия ориентированного на мистицизм «Братства самореализации», многочисленные сборники материалов, восхваляющие популярного за рубежом мистификатора Сатья Саи Баба и других аналогичных лиц.

В этом потоке религиозно-мистической литературы много недоброжелательства и клеветы в отношении демократии и социализма, восхвалений капиталистической системы, а нередко встречается и прямое оправдание фашизма и гитлеризма. В проповедях Раджниша, к примеру, восхваляется социальное неравенство, превозносится элитаризм и принижается демократия. Он внушает своим последователям: «Коммунизм — это великая эпидемия. Чем раньше она исчезнет из мира, тем лучше». Он считает капитализм наилучшей социальной

системой и с помощью ориенталистской мистической мифологии даже пытается оправдать преступления Гитлера перед человечеством. Все это не только завозится к нам из-за рубежа, но еще и тайно тиражируется внутри страны.

Свойственный капиталистическому Западу бум религиозного мистицизма превратил тайную, эзотерическую литературу различных сектантских школ в своего рода оккультный ширпотреб, ставший одной из разновидностей современной буржуазной «массовой культуры». Стратеги психологической войны силятся привить вкус к этому образчику массовой культуры и у советской молодежи. Не случайно целые склады такой литературы современных западных и дореволюционных авторов по мистике и оккультизму были накоплены в кришнаитских группировках, в подпольной «школе» Гринблата, в группе Григорьева и у других активных пропагандистов мистизма. В докладе начальника управления специальных (подрывных) операций ЦРУ сказано на этот счет вполне определенно: «Книги отличаются от всех иных средств массовой информации прежде всего тем, что даже одна книга может значительно изменить отношение и поведение читателя в такой степени, на которую не могут подняться ни газеты, ни радио, ни телевидение или кино... Это, конечно, верно не для всех книг, и не всегда, и не относительно всех читателей, но это случается достаточно часто. Поэтому книги являются самым важным орудием стратегической (долговременной) пропаганды».

Речь идет о тщательно планируемой и настойчиво проводимой идеологической экспансии, в которой используются многочисленные средства манипуляции сознанием советских людей с целью ослабления их общественных ориентаций и активной жизненной позиции, насаждения религиозности и придания ей националистической и антисоветской направленности. Все чаще этой цели служит восточная религиозная философия,

мистика и оккультизм, чему в известной мере благоприятствует закономерный рост интереса во всем мире к странам Востока и богатству их древней культуры, находившейся как бы в тени в условиях колониализма.

Ныне возможности для «встречи» с древней культурой Востока неизмеримо расширились, и это необходимо учитывать в нашей идейно-воспитательной работе прежде всего для формирования у человека способности к сознательному и критическому отношению к специфическим проявлениям восточного религиозного мистицизма. Проникшая в нашу страну мода на мистицизм побуждает многих обращаться к «экзотической» Индии, некритически воспринимая и произвольно перетолковывая разные течения индийских религий, начиная от буддизма и кончая учениями различных сект и культов в индуизме.

Нельзя не учитывать, что именно капиталистический Запад является сегодня источником моды на религиозный мистицизм, хотя и черпает его из религий разных эпох и народов, подвергая при этом модернизации в соответствии с особенностями религиозного сознания современного человека.

Достаточно ли у нас сформирована готовность человека к «сознательной критике религии», что В. И. Ленин считал обязательным условием идейно-воспитательной работы в массах, — именно в отношении к нетрадиционным формам идей и представлений? Проявления богоискательского интереса к религиозному мистицизму и оккультизму (об этом свидетельствует опыт многих пропагандистов, выступающих по данным темам, и ряд социологических опросов) говорят о значительной недоработке в деле идейной борьбы с проявлениями нетрадиционной религиозности и неомистицизма.

Нельзя не видеть слабость, если порой не безоружность наших пропагандистов научного атеизма перед множеством различных изданий по теософии, дзэн-буддизму, мистифицированной психотерапии, астрологии и

другим оккультным наукам, которые усердно распространяют поборники моды на мистицизм. Ведь критической литературы, обстоятельно анализирующей каждое из этих «учений», у нас все еще нет. Поэтому неудивительно, что тайное, «эзотерическое знание», протендующее на превосходство над строгим научным знанием и тешащее легковерных людей иллюзиями, начиная от обещания раскрыть таящиеся в них сверхъестественные силы и кончая посулами чудодейственного врачевания, привлекает к себе многих.

Дезинформация на этот счет пущена в ход самая различная, вплоть до утверждений, что преступная группа мистиков во главе с Абаем Борубаевым подготавливала научные исследования сверхвозможностей человеческой психики, а Николай Рерих является чуть ли не духовным отцом современных кришнаитов. Такова мимикрия неомистицизма: являясь непримиримым врагом науки, он не прочь при случае опереться на ее престиж и даже использовать в своекорыстных целях авторитет известных деятелей культуры. Николай Рерих никак не может быть отнесен к сторонникам кришнаизма, поскольку это неоориенталистское течение получило известность лишь в последней трети XX века после возникновения движения Харе Кришна в США, когда художника уже не было в живых. Его старший сын Ю. Н. Рерих, крупный ученый-востоковед, работал в конце жизни в Академии наук СССР. Кришнаиты пытаются ухватиться за увлечение Елены Рерих, жены художника, неотеософией, так называемой агнийогой, но тем лишь обнаруживают свою склонность к мистификации и путанице в отношении принципиально различных религиозных учений.

Проповедники из кришнаитской секты используют для приманки уверения о своей компетентности по вопросам истории духовной культуры древней Индии. В действительности они враждебны демократическим традициям индийского народа, вульгаризируют его ду-

ховное наследие. Кришнаиты, приехавшие в Индию из стран Запада, были встречены с недоверием и откровенной враждебностью как носители реакционных замыслов свернуть страну с взятого ею курса прогрессивного социального развития, экономической самостоятельности и политического суверенитета.

Не так давно отношение к первым проявлениям кришнаизма в нашей стране было отмечено непониманием и недооценкой негативного значения этого религиозно-мистического феномена. Порой наблюдалось даже равнодушное попустительство деятельности проповедников из этой секты, которые чуть ли не в открытую пропагандировали вероучение и обряды кришнаитов. Были случаи, когда кришнаиты устраивали свои моления в студенческих общежитиях, на эстраде одного из парков культуры и отдыха. Однажды обманным путем сектантам удалось провести вечер ритуальной обрядности в районном Дворце пионеров. Систематически с этой противозаконной целью использовались квартиры советских граждан. Все эти сектантские выступления лишь слегка маскировались: то под «лекции» о философии йоги, то под какие-то «эстрадные выступления», а фактически религиозно-мистические обряды отправлялись во всей полноте: распевали мантру Харе Кришна, исполняли экстатический танец киртану и даже ели прасад — освященный у алтаря Кришны фруктовый плов.

Это была не безобидная игра, а скорее трагикомичный фарс, который разыгрывался при личном участии зарубежных эмиссаров кришнаитской секты. Вишнупад, возглавляющий кришнаитские группы в странах социализма, он же американский гражданин Роберто Компаньола и его секретарь Киртирадж — также подданный США Дэвид Якубко тайно приезжали в нашу страну. Они вербовали новичков в сектантскую организацию, проводили инициации (ритуальные посвящения) заблудших студентов в монашеский статус кришнаизма.

В этой темной игре порой открыто происходило поругание чести и достоинства советских людей. Нельзя без возмущения смотреть на фотографию, запечатлевшую омовение ног Вишнупада. С фанатичной набожностью эту изуверскую процедуру проделывает не какой-то юродивый, а научный сотрудник одного из московских вузов. Эта вода затем была с раболепным подобострастием распита его единомышленниками в качестве «целебного напитка после омовения лотосоподобных ног гуру». Легкомысленно вверив свои судьбы кришнаитской организации и ее американским руководителям, молодые люди поплатились здоровьем, трагедиями своих разрушенных семей, превратились в тунеядцев, отказавшихся от учебы и общественно полезного труда. Сами же кришнаитские эмиссары избегают столкновения с властями. Когда милиция однажды составила акт об их участии в ритуальном собрании кришнаитов, не имеющем правовой санкции, зарубежные эмиссары «Международного общества сознания Кришны» поспешно покинули нашу страну.

В последние годы религиозно-мистические организации стали применять изощренные методы пропаганды, нарушая существующее законодательство: распространяют подпольные миниатюрные издания своих сектантских материалов, разбрасывают листовки, которые нередко снабжают грифом общества «Знание», распространяют магнитофонные записи проповедей, молитв, религиозных песнопений, различные предметы культовой обрядности, выручая от незаконной продажи этих материалов большие суммы денег.

Руководители религиозно-мистических групп, действующих в стране, систематически нарушают законодательство о религиозных организациях, а порой совершают различные уголовные преступления. На этот случай зарубежные сектантские эмиссары снабжают их инструкциями, с помощью которых они должны уметь ввести в заблуждение следствие по их уголовным делам

и попытаться скрыть истину от суда, их инструктируют, как маскировать свою антиобщественную деятельность. Вишнупад в одном из своих распоряжений потребовал от кришнаитов сохранять видимость участия в общественно полезном труде советских граждан, а в случае разоблачения покидать крупные города и переселяться в отдаленные районы страны, где, пользуясь неизвестностью, можно будет продолжать незаконную миссионерскую работу среди населения.

Если ныне реакционный характер кришнаизма у нас общепризнан (хотя преодоление его влияния все еще остается актуальной задачей), то менее широко распространена правильная оценка негативной роли встречающихся проявлений оккультизма, врачевания и мистической психотерапии.

Без помех около десяти лет действовали в Москве врачевательные группы под руководством устранившегося от общественно полезного труда А. С. Гринблата, который в 1980 году создал на их базе подпольную «Школу эволюционно-социальной йоги». О безмятежном спокойствии, в котором находилась эта религиозно-мистическая организация, действовавшая в обход советского законодательства, свидетельствует стихотворение под названием «Гуру Аркадию», обращенное к Гринблату. В нем есть такие строки:

Плывет корабль спокойно в водах,
На мостике наш капитан
Нам говорит: «На свете йога
Нашла спасенья чудный храм».

Лишь в конце 1986 года Гринблат был осужден за мошенничество, за организацию и руководство незарегистрированной группой, деятельность которой под видом проповедования религиозного вероучения и исполнения религиозных обрядов была сопряжена с причинением вреда здоровью граждан.

Среди причин распространения мистики в стране

главную роль играют наши внутренние проблемы — возникшие противоречия в развитии общества, наши ошибки и упущения, которые решительно были вскрыты партией, взявшей курс на перестройку. Накопившиеся трудности и нерешенные проблемы, появление застойных и других чуждых социализму явлений пробудили религиозно-мистические настроения, связанные с попыткой уйти от действительности в область нереальных фантазий.

Как отмечалось в докладе М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, «возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества, как-то незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые всегда были присущи нашему народу и которыми мы гордимся, — идейную убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм. Неизбежное следствие этого — падение интереса к общественным делам, проявление бездуховности и скептицизма, снижение моральных стимулов труда»[1]. Это придало антиобщественную направленность проявлениям неомистицизма в различных сектантских группировках.

При проведении атеистического воспитания среди студенчества и молодой интеллигенции первоочередное внимание следует обратить на формирование идейной непримиримости к неомистицизму. Ведь социологические исследования показывают, что в среде молодежи этой категории нередко преобладает индифферентное отношение к этому феномену (в частности, среди вузовской молодежи и даже у ее актива). Настораживает и тот факт, что численность молодых людей, которым свойственны мистические настроения, хотя в общей массе и незначительна, однако более чем в десять раз превышает численность верующих, придерживающихся ста-

[1] О перестройке и кадровой политике партии. Тезисы доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 янв. 1987 г. — Правда, 1987, 28 января.

рых религиозных воззрений. В этой связи требуется значительная перестройка атеистической работы среди вузовской молодежи, поскольку пока критика нетрадиционных религий и неомистицизма или вовсе отсутствует в пропагандистских выступлениях перед этой аудиторией слушателей, или отодвинута на задний план.

Случается, что наши газеты и журналы, заботясь об увеличении своего тиража, стараются поднять читательский интерес к своим публикациям с помощью всякого рода сенсационных сообщений, в том числе о каких-то таинственных и мистических явлениях, которые на поверку оказываются чистым вымыслом или грубо искаженной информацией. Подобными журналистскими сенсациями оживляется и мода на мистицизм. Известны факты, когда на страницах нашей периодической печати появлялись статьи и заметки, авторы которых брались пропагандировать деятельность некоторых религиозно-мистических групп, появившихся в нашей стране, и даже делали попытки возвеличить реакционные фигуры отдельных представителей современного мистицизма. Для примера достаточно назвать публиковавшиеся отзывы о мистике и обскурантисте Порфирии Иванове.

Влияние новых религиозно-мистических культов во многом связано со спекуляциями на основе проблем личной жизни современного человека. Проблемы физического и психического здоровья, рационального образа жизни, совершенствования и гармонического развития всех сил и способностей индивида особо остро стоят в эпоху НТР, предъявляющей высокие требования к человеческому организму, нервно-психической организации и интеллектуальным способностям человека, уровню его профессиональной подготовки, образованности и культуры.

Идеологи мистицизма уверяют, что лишь с их помощью человек сможет успешно справиться с проблемами «нового века». Эти обновления иллюзии религиозного мистицизма получили некоторое распространение и у

нас в качестве своеобразной, превратной реакции на трудности решения задач социально-экономического развития страны. Это, конечно, не только не способствует их конструктивному решению, о чем наивно рассуждают руководители мистически настроенных групп «коммунистического самопрограммирования» и «школы эволюционно-социальной йоги», но, несомненно, оказывается деструктивным фактором в мобилизации сознания и энергии людей, принадлежащих к этим группировкам, на решение поставленных партией задач.

Что же касается капиталистического общества, то оно часто оказывается в противоречии с новыми требованиями научно-технического прогресса, последствия которого в этих социальных условиях подчас оборачиваются во вред человеку и даже угрожают его существованию на земле. К тому же благодаря интенсификации производства, не имеющей, как кажется, границ, а также и других видов трудовой активности катастрофических размеров достигает тенденция ухудшения здоровья трудящихся. Да и в целом капиталистический образ жизни с присущей ему массовой безработицей, наркоманией и преступностью способствует разрушению самой человеческой личности. Даже уже имеющиеся завоевания трудящихся в социальной сфере власти стремятся максимально сократить, примером чему является наступление рейгановской администрации на социальные права различных слоев населения США.

Эти обстоятельства весьма благоприятствуют популярности религиозно-мистических организаций в западном мире. Ведь их пропагандисты обещают своим приверженцам быстрое и радикальное разрешение всех проблем их личной жизни и достижение успеха в делах. Подобными иллюзиями тешат людей так называемые терапевтические культы, представляющие собой, по сути дела, современную разновидность магии и мистического врачевания. Оккультные «целители», опирающи-

еся на определенные мистические настроения, появились и в нашей стране.

Весьма откровенно об истинных целях рекламных обещаний чудесного исцеления высказался известный з зарубежных странах мистик и «живой бог» Сатья Саи Баба. В обращении к своим почитателям он заявил: «Многие из вас приходят ко мне, чтобы решить те или иные проблемы здоровья и психической озабоченности. Проблемы эти всего лишь приманки, приводящие вас сюда. Но главной целью является то, чтобы вы могли получить милосердие и укрепить свою веру в божественное. С проблемами и заботами — добро пожаловать сюда, ибо они учат вас смирению и почитанию».

Доказано, что массовое появление в послевоенной Японии целителей, прибегающих к мистике и оккультизму, во многом объясняется неудовлетворительным состоянием медицинского обслуживания широких слоев населения в этой стране. Некоторые из этих оккультных врачевателей стали популярны в Западной Европе и Америке, как, например, японец Осава.

Поветрие мистицизма принесло и в нашу страну знахарские рецепты Осавы, которые он претенциозно называет макробиотическим дзэн-буддизмом, эклектически соединяя модную «альтернативную кухню» — сыроедение, или макробиотику, — с мистикой древнейших даосских и дзэн-буддистских представлений. Осава предлагает противоестественную жесточайшую диету, которую рекламирует как средство увеличения продолжительности жизни и чудодейственного излечения от любых болезней. Согласно его рецептам ежедневный рацион питания должен состоять всего лишь из горстки сырой гречихи или рисовой муки и тем не менее гарантировать результаты, обескураживающие всякого здравомыслящего человека, — излечение от самых тяжелых и даже не поддающихся лечению недугов, таких, как последствия глубокого обмораживания, тяжелые формы сифилиса и рак. Ни о каком научном обосновании

здесь речи нет, даже не учитывается несходство совершенно различных поражений организма.

Популярность знахарских трактатов Осавы заключается отнюдь не в результативности его врачевания (на этот счет достаточно отметить, что медицинские учреждения в ряде стран оспаривают юридическую допустимость его практики), а в мистическом ореоле, которым окутана его крайне примитивная и небезопасная даже для здорового человека диетическая рецептура.

В современных мистических культах применяется широкий спектр воздействия на организм, психику, интеллект и нравственно-эстетическое сознание человека. Аскетические ограничения в питании могут сочетаться с регулярным применением экстремальных охлаждений.

Встречаются люди, которые всерьез относятся к рекомендациям умершего несколько лет тому назад Порфирия Иванова. Он проповедовал необходимость изнурительного ритуального голодания, которое приводит к резкому нарушению естественного обмена веществ в организме и поэтому небезопасно для человека, рекомендовал также «целительное» воздействие экстремально низких температур, причем не только для здорового человека, но и для тяжелого больного, находящегося в жару, с высокой температурой, — и все это будто бы для скорейшего и радикального его выздоровления.

По существу, речь идет о мистифицированной физио- и психотерапии, но только в особой, изуверской форме, целью которой является достижение экстатического состояния психики мистически настроенного человека и символизирующего его слияние с обожествленной природой. Сам П. К. Иванов, страдавший тяжелой формой шизофрении (из-за этой болезни у него была инвалидность первой группы), использовал эти средства жесточайшего воздействия на свой организм для достижения состояния экстатического транса. Ныне находятся люди, готовые ему в этом подражать.

Врачебная экспертиза неоднократно устанавливала,

что «ивановцы-порфирьевцы» занимаются опасной профанацией методов закалки и лечебного голодания, применяемых под строгим врачебным контролем современной наукой. Ни о каком оздоровлении организма и повышении трудоспособности человека в проповедях П. К. Иванова речь не идет. Считая себя пророком, божеством — носителем мистических природных сил, он изрекал сумасбродные утопические воззрения, согласно которым следует вовсе (?!) отказаться от пищи, одежды, жилища и вести пещерный образ жизни. Эта бесчеловечная, антигуманная позиция П. К. Иванова находила свое завершение в его не менее абсурдном утверждении о «вредности и ненужности» общественно полезного труда.

Обещание чудодейственного исцеления средствами древневосточной магии и оккультизма служило вовлечению легковерных людей в подпольную «Школу эволюционно-социальной йоги». Ее руководитель А. С. Гринблат был далек и от профессиональной медицины, но тем не менее активно пропагандировал и практиковал безответственное в отношении здоровья доверившихся ему людей врачевание.

Руководитель школы эволюционно-социальной йоги стремился развернуть антинаучное врачевание в широком масштабе и предписывал в особой инструкции «проводить диагностику и целительство с использованием знаний школы», создал из подготовленных им фанатиков особое подразделение «оккультной защиты», которую намеревался превратить в «спецгруппу целителей школы».

Из заключения комплексной экспертизы по материалам уголовного дела этого «оккультного терапевта» явствует, что «влияние занятий и рекомендаций А. С. Гринблата имело непредсказуемый эффект, поскольку большинство рекомендаций имели самый общий характер, не учитывающий индивидуальных особенностей и конкретной жизненной обстановки занимающих-

ся в школе эволюционно-социальной йоги. Многие из рекомендаций, особенно по методам лечения и самолечения, несомненно, небезопасны для здоровья людей. Не обоснованные научно, не регламентированные на научной основе предписания о нагрузках при выполнении физических упражнений, о режиме и качестве питания небезопасны для здоровья людей, отрицательно влияют на их самочувствие и работоспособность».

Тем не менее врачевание не было главной и единственной целью школы эволюционно-социальной йоги. Само название этой школы говорит о ее ориентации на религиозно-мистические утопии, сформированные на эклектическом сочетании обрывков различных индуистских религиозно-философских учений — йоги, шиваизма, ведантизма с добавлением представлений созвучной восточному мистицизму теософии. В этом пестром религиозном одеянии идеологических воззрений «школы» нашлось место и пантеизму — обожествлению природы.

Школа эволюционно-социальной йоги и аналогичная ей по своим утопическим ориентациям группа «коммунистического самопрограммирования», по существу, полностью отвергают стратегию поступательного движения страны. Согласно воззрениям этих самодеятельных организаций главным фактором общественного развития нашей страны должно явиться манипулирование эмоционально-психическим состоянием личности на основе методов восточного мистицизма для достижения экстатического транса. В нем они видят главное и единственное средство, которое якобы только и может обеспечить совершенствование личности и общества в целом. Отсюда и проявления мессианских настроений, претензии на роль сверхъестественных спасителей страны. В послании «школе» и ее друзьям говорится:

Мы — карма-йоги.
Наш путь тернистый,
Мы все — в дороге,
Мы все — горнисты!

С пафосом религиозного мистицизма они призывают своих единомышленников «помочь отчизне с высот астральных». При этом их фантазия поднимает их до масштабов библейского мифа о всемирном потопе: де, «было спасение от Ноя, теперь спасение от нас».

Подобные мессианские настроения не имеют ничего общего с формированием активной жизненной позиции советского человека, с установкой на активизацию человеческого фактора в интересах нашего общего блага. Лидеры подобных религиозно-мистических групп ведут людей к отказу от общественно полезного труда, толкают к тунеядству, приучают к пагубному опьянению мистическим экстазом.

Достижение этой антиобщественной цели обеспечивалось в «школе» эволюционно-социальной йоги системой действенных организационных средств, таких, как устав и членство, обряды посвящения, денежные взносы, символика, внутригрупповая дисциплина, безоговорочное подчинение главарю — Гринблату, игравшему роль харизматического лидера — восприемника божественных откровений Брахмы и Шивы.

Однако, не надеясь на эффективность своих проповеднических усилий и требований дать клятву верности Брахману и «школе», Гринблат прибегал также к средствам прямого подчинения и насилия в отношении доверившихся ему людей. Он сформировал отряд личной охранки, так называемую группу социальной защиты, которая состояла из лиц, владеющих приемами каратэ, обязанных почти круглосуточно опекать своего сектантского главаря и членов его семьи. Это было продиктовано не только непомерными амбициями честолюбивого мистика, но и вполне утилитарными соображениями о необходимости подавлять ропот недовольства финансовыми злоупотреблениями Гринблата, который тратил на себя большие суммы денег, собранные с членов «школы», и присвоил в конечном итоге согласно материалам уголовного дела 27 205 рублей.

К тому же приходилось вести упорную борьбу с теми, кто начинал догадываться об антиобщественном характере этой организации и отваживался на критику ее деятельности. Отступники становились объектом шантажа и угроз — обычная тактика в деятельности сектантских групп и врачевательских культов; достаточно сослаться на зарубежную сайентологию, которая упорно преследует своих противников, особенно из числа медиков, ополчившихся на ее знахарскую противозаконную практику.

Факты показывают, что современные культы мистической терапии, как и сходные с ними группы экстрасенсно-оккультной практики, имеют тенденцию превращаться в активные экстремистские организации, которые выступают в ореоле религиозных утопий и обладают антиобщественным характером — откровенным или закамуфлированным, смотря по обстоятельствам.

Какова же судьба человека, попавшего в орбиту притяжения религиозно-мистического культа? Судьба трагическая во всех случаях, даже если удается выбраться из сектантской группы, мертвой хваткой удерживающей человека в своих рядах. В западных странах родители вынуждены помещать вырвавшихся из секты молодых людей в специальные психиатрические лечебницы. Сектантский принцип «Отдай все!» действует разрушительно и на материальное благосостояние человека, и на его психическое здоровье, и на взаимоотношения с семьей. В худших случаях секта является причиной того, что человек в безумном отчаянии совершает самоубийство.

Сектантские эмиссары, проникающие под благовидными предлогами в нашу страну, и доморощенные лидеры религиозно-мистических групп также ответственны за трагедии, в которые они ввергают доверившихся им молодых людей. Они принуждают их бросить семьи, отказаться от учебы и труда, превратиться в ревностных поборников реакционных религиозных иллюзий, на распространение которых они должны отдать все свои силы

и способности. Под влиянием сектантского мистицизма человек становится фанатиком, готовым служить марионеткой в руках стратегов психологической войны. Различные формы деятельного проявления современного религиозного мистицизма активно противостоят мировоззренческим, нравственным, гражданским основам социалистического образа жизни.

МИКУЛЬСКИЙ Д.,
Москва

## «АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА» В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРЕССЫ

Со времени ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, в конце декабря 1979 года, основанием для которого явилась просьба афганского правительства, враждебные демократическому Афганистану реакционные мусульманские круги продолжают муссировать «афганскую проблему», оказывая бандитам-душманам не только моральную, но также политическую и военную помощь. Особенно усердствуют реакционные мусульманские силы таких стран, как Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Египет. Не последнюю скрипку в этом антиафганском и антисоветском концерте играет клерикальная пресса многих стран Востока.

В публикациях зарубежных мусульманских религиозных деятелей по Афганистану наблюдаются следующие четыре подхода. Во-первых, это позитивный подход, признающий правомерность присутствия ограничен-

ного советского военного контингента в этой стране, провозглашающий соответствие политики правительства Афганистана принципам ислама. Нам известна только одна публикация, выражающая этот подход, — статья видного египетского религиозного деятеля шейха Халиля Абд аль-Керима, опубликованная в египетской прогрессивной газете «Аль-Ахали» от 29 января 1986 года. Совершивший осенью 1985 года поездку по Афганистану шейх призывает верующих мусульман Египта поддерживать законное правительство Афганистана, осуждает террористическую деятельность душманов.

Второй подход — это подход нейтралистский, подход замалчивания положения в Афганистане. Такому подходу следуют наиболее солидные мусульманские периодические издания, такие, как орган улемов египетского мусульманского университета аль-Азхар «Минбар аль-Ислам» («Кафедра ислама»), орган Союза индийских улемов журнал «Аль-Баас аль-Ислами» («Исламское возрождение»), орган министерства по делам ислама и вакуфов ОАЭ журнал «Манар аль-Ислам («Минарет ислама»), органы министерства вакуфов и исламских дел Марокко журналы «Даават аль-Хакк» («Призыв правды») и «Аль-Иршад» («Наставление»), которые воздерживаются от публикации материалов, так или иначе затрагивающих «афганскую проблему», тем более материалов, враждебных Советскому Союзу.

Третий подход — объективистский по форме, но по сути своей враждебный правительству демократического Афганистана и Советскому Союзу. Этот подход представлен официальной египетской газетой «Аль-Ахрам» («Пирамиды»), на страницах которой изредка появляются сообщения западных информационных агентств о военных действиях в Афганистане, о террористических актах, совершаемых так называемыми афганскими повстанцами против мирного афганского населения, против правительственных учреждений, против советских

военнослужащих и гражданских лиц, находящихся на территории этой страны, однако такие сообщения никак не комментируются.

Очевидно, что умеренные мусульманские круги, позицию которых выражают органы печати, придерживающиеся нейтралистского и объективистского подходов, не желают, с одной стороны, портить отношения с Советским Союзом и Афганистаном, а с другой — не хотят подчеркивать свою причастность к проблемам современной политики, стремясь остаться, по крайней мере, в глазах читателей упомянутых газет и журналов всецело погруженными в рассмотрение чисто религиозных вопросов.

Четвертый подход — это подход беззастенчивой клеветы на демократический Афганистан, на политику Советского Союза в отношении этой страны. Наиболее часто клеветнические материалы, посвященные «афганской проблеме», публикуются в кувейтском фундаменталистском еженедельнике «Аль-Балаг» («Уведомление»), саудовской правительственной газете «Ахбар аль-алам аль-ислами» («Известия мусульманского мира»), органе Лиги исламского мира журнале «Аль-Урва аль-Вуска» («Наикрепчайшая связь»), который печатается в Женеве, иранском правительственном еженедельнике «Эхо оф ислам» («Эхо ислама»), гонконгской газете «Хонг Конг Муслим Херальд» («Мусульманский вестник Гонконга»).

Реакционная мусульманская пресса отражает позиции наиболее косных и экстремистских, антисоветски и антидемократически настроенных кругов мусульманских религиозных деятелей, социальной базой которых являются правые отряды национальной буржуазии, мелкобуржуазные и люмпен-пролетарские городские слои, кулачество. К сожалению, четвертый подход представлен наибольшим числом публикаций.

На каких же основных моментах останавливаются враждебные клерикальные мусульманские органы печати, освещая «проблему Афганистана»?

Прежде всего вполне законное с точки зрения международного права присутствие ограниченного контингента советских войск в Афганистане эти газеты и журналы объявляют «советской агрессией»[1].

Соответственно бандитов-душманов называют борцами за веру — муджахидами, а их преступную деятельность — джихадом — «священной войной».

Например, такой видный религиозный и государственный деятель Саудовской Аравии, как генеральный директор Управления научных исследований, исламского призыва и ориентации в Саудовской Аравии Абд аль-Азиз ибн Баз, заявил в интервью так называемому Афганскому агентству новостей (душманскому), что преступления афганских душманов — «это джихад против врагов Аллаха и мусульман-коммунистов, джихад во имя Аллаха. Поэтому этот джихад полностью соответствует установлениям ислама и благородному корану»[2].

Авторы статьи «Коммунизм и его замыслы», помещенной в журнале «Аль-Балаг», утверждают, будто «афганские муджахиды совершают героические подвиги, подобные тем, какими столь богата мусульманская история»[3]. Этой лжи вторит газета «Хонг Конг Муслим Хералд», заявляющая, что так называемое афганское движение сопротивления — это истинно исламское движение, которое не носит фанатичного или экстремистского характера[4]. Оставим это заявление на совести издателей газеты.

Важным тезисом реакционной мусульманской пропаганды по проблеме Афганистана, которая разворачи-

---

[1] См., напр.: Абд аль-Хаким Табиби. План решения афганской трагедии. — Аль-Урва аль-Вуска. Женева. Осень, 1986, № 23, с. 12.

[2] Интервью Афганского агентства новостей с генеральным директором Управления научных исследований, исламского призыва и ориентации в Саудовской Аравии. — Аль-Балаг, 1986, от 23 марта. Интервью было также перепечатано саудовской газетой «Ахбар-аль-Алам аль-Ислами».

[3] Аль-Балаг, № 831, 1986, 23 февраля.

[4] Хонг Конг Муслим Хералд, 1986, февр., с. 2.

вается на страницах клерикальной мусульманской прессы, является утверждением о том, что террористическая, бандитская деятельность душманов — это якобы национально-освободительная борьба, которую будто бы ведет весь афганский народ, а не кучка наемных бандитов. В этой связи, например, главный редактор журнала «Аль-Урва аль-Вуска» Абд аль-Хаким Табиби утверждает, имея в виду душманов, что «афганская нация борется за справедливое и святое дело» [1].

Из сообщений советской и зарубежной прессы хорошо известно, что действия душманов идут на убыль, что многие простые афганцы, некогда попавшие под влияние враждебных законному народному правительству Афганистана реакционных элементов по причине политической безграмотности, теперь прозревают и благодаря политике национального примирения, провозглашенной правительством Афганистана, безбоязненно переходят на сторону прогрессивных сил. А вот Абд аль-Хаким Табиби заявляет, будто «народное (то есть душманское. — *Д. М.*) сопротивление ширится и охватывает все новые районы страны» [2].

Рассматривая перспективы, открывающиеся перед главарями душманских банд, реакционная мусульманская пресса указывает на необходимость достижения их полного единства. Например, в интервью с Абд аль-Азизом ибн Базом, опубликованном в кувейтском журнале «Аль-Баланг», подчеркивается необходимость «добиться союза всех руководителей афганского джихада» [3].

Иранский правительственный еженедельник «Эхо оф ислам» сообщает в этой связи, что «муджахиды предпринимают шаги к объединению своих усилий; недавно образовалась объединенная группа «Хизб-и-ислами»

---

[1] Абд аль-Хаким Табиби. Указ. соч., с. 12.
[2] Там же.
[3] Аль-Баланг, 1986, 23 марта.

(«Исламская партия»)[1]. Журнал «Аль-Урва аль-Вуска» даже называет те душманские группировки и их руководителей, которые вошли в новое объединение. Это следующие организации:

1) Исламская партия Афганистана, руководитель — Мухаммед Юнис Халис;

2) Движение исламской революции, руководитель — Мухаммед Наби Мухаммед;

3) Исламская лига, руководитель — Бурхан ад-Дин Раббани;

4) Афганский фронт национального спасения, руководитель — Сабгат Аллах Муджаддиди;

5) Афганская исламская партия, руководитель — Галаб ад-Дин Хекмайар;

6) Национальный фронт, руководитель — Пир Сеид Галяни[2].

7) Исламское единство во имя освобождения Афганистана, руководитель — Аб ар-Расуль Саяс[3].

Шесть из семи названий указанных организаций так или иначе связаны с исламом. Это указывает на то, что руководители афганской контрреволюции придают большое значение исламскому фактору для обмана простых афганцев.

Реакционная мусульманская пресса не жалеет усилий, чтобы склонить все мусульманские страны независимо от их конкретной политической ориентации к оказанию помощи так называемым мусульманским повстанцам. В интервью с Абд аль-Азизом ибн Базом, опубликованном в кувейтском журнале «Аль-Балаг», говорится: «Ошибаются те мусульманские страны, которые воздерживаются от поддержки джихада в ООН и других международных организациях, а также те режимы, правящие в мусульманских странах, которые утверж-

---

[1] Афганистан — семь лет войны. — Эхо оф ислам, 1986, февр. — март, с. 5.

[2] Галяни также является крупным торговцем наркотиками.

[3] Аль-Урва, аль-Вуска, с. 18.

дают, будто этот джихад не носит исламского характера. Эти режимы — вероотступники (кафиры). Афганским муджахидам необходимо помогать всеми возможными средствами»[1].

Газета «Хонг Конг Муслим Херальд» полагает, что душманы смогут одержать победу только в том случае, «если им будет оказываться широкая международная мусульманская помощь»[2]. Газета негодует по поводу того, что большинство мусульманских стран «ограничиваются принятием резолюций осуждающего характера по поводу советского присутствия в Афганистане», она предлагает «мобилизовать мирное общественное мнение в поддержку муджахидов в Афганистане и добиться оказания широкой международной гуманитарной помощи афганскому мирному населению», которое страдает от пресловутых «советских зверств»[3].

Объявляя душманов «борцами за свободу» и «за дело ислама», реакционная мусульманская пресса не скрывает того, что они получают помощь от американских империалистов. В № 836 от 30 марта 1986 года журнала «Аль-Балаг» сообщается, что в течение последних пяти лет афганские контрреволюционеры получили от ЦРУ США военную помощь в размере 650 миллионов долларов. Какую же позицию занимает журнал по этому поводу? Так называемым муджахидам, то есть душманам, нужно оружие, каким бы ни был источник его получения. У авторов статьи хватает цинизма ставить преступников-душманов на одну доску с борющимся против американской агрессии народом Никарагуа. Они пишут: «Нельзя упрекать руководителей Никарагуа за то, что они получают оружие от СССР. Поэтому нельзя упрекать и афганских душманов за то, что они сражаются американским оружием».

Отождествления душманов с благородными последо-

---

[1] Аль-Балаг, 1986, 23 марта.

[2] Хонг Конг Муслим Херальд, 1986, февр., с. 2.

[3] Там же.

вателями Сандино — всего только один шаг к отождествлению Советского Союза и США, коммунизма и империализма. Реакционная мусульманская пресса называет коммунизм «красным дьяволом», а империализм — «черным дьяволом», призывает душманов защищаться как от СССР, так и от США. Непонятно только, чего больше в этих заявлениях — вопиющего политического невежества или циничного расчета?

Беззастенчиво извращает реакционная мусульманская пресса цели политики СССР в Афганистане.

Иранский правительственный журнал «Эхо оф ислам», например, утверждает, что целью ввода советских войск в Афганистан было не оказание помощи народу и законному правительству этой страны, а «ее подчинение в течение нескольких недель» [1].

Извращая политику Советского Союза в Афганистане, реакционные мусульманские круги любят совершать экскурсы в давнее и недавнее прошлое. Одной из мишеней подобных «исторических изысканий» являются советско-афганские отношения. Например, в статье «Коммунизм и его замыслы», напечатанной в кувейтском журнале «Аль-Балаг» [2], утверждается, будто именно Советский Союз организовал свержение королевского режима в Афганистане в 1973 году и «заменил» его диктаторским режимом Дауда. Все это СССР якобы проделал для того, чтобы помешать «исламскому движению» прийти к власти. Затем, мол, Советы, первоначально объявившие режим Дауда прогрессивным, свергли его, когда представилась возможность, организовали в 1978 году Апрельскую революцию. Однако хорошо известно, что одним из принципов ленинской внешней политики СССР является принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Поэтому Советский Союз не имеет отношения ни к «организации» антимо-

---

[1] Эхо оф ислам, 1986, февр. — март, с. 5.

[2] Аль-Балаг, 1986, 23 февр.

нархического переворота Дауда, ни к Апрельской революции, тем более что руководители Советского государства, верные заветам В. И. Ленина, прекрасно понимают, что революцию экспортировать и навязывать народу другой страны невозможно. Для того чтобы революцию поддерживали массы, в той или иной стране должны сложиться определенные социально-экономические предпосылки, должна созреть революционная ситуация.

Говоря о подлинно бескорыстной экономической помощи СССР Афганистану, авторы упомянутой статьи клеветнически утверждают, будто различные предприятия, учебные и научные учреждения, которые строились на территории Афганистана при участии советских специалистов, создавались для того, чтобы Советский Союз мог присваивать природные богатства этой небольшой страны. Такие заявления могут оказать воздействие на совсем невежественного читателя, который практически ничего не знает о внешней политике Советского Союза, о том, что предоставляемая Советской страной экономическая помощь всегда носит бескорыстный характер, чего нельзя сказать о так называемой «помощи», которая «оказывается» западными странами, прежде всего США, ведь посредством этой так называемой «помощи» западные транснациональные монополии выкачивают из развивающихся стран баснословные прибыли.

Главный редактор журнала «Аль-Урва аль-Вуска» Абд аль-Хаким Табиби выносит свое осуждение не только по поводу афгано-советских, но и по поводу афгано-русских отношений. Он следует примеру многих антисоветчиков, искажая не только внешнюю политику СССР, но и внешнюю политику Российской империи. По его мнению, русские на протяжении двух последних столетий неоднократно стремились подчинить себе Афганистан и Иран. Ярким примером такого пресловутого русского экспансионизма А. Х. Табиби считает отторжение Россией «таких исконных иранских земель, как Грузия

и Армения». [1]. Теперь, как он утверждает, «после заката звезды Британской империи», не только над Афганистаном и Ираном, но уже и над Пакистаном «нависла тень «русской угрозы» [2].

Такое утверждение является чистейшей воды фальсификацией. Царская Россия, хотя и имела свои интересы в Афганистане и Иране, никогда не стремилась к аннексии этих двух стран, хотя с Ираном у нее и были военные столкновения. Дипломатическая поддержка Россией Афганистана способствовала укреплению его позиций в борьбе против экспансии Великобритании.

Как известно, присоединение Армении и Грузии к России имело большое прогрессивное значение для этих двух народов, ибо благодаря этому армяне и грузины приобщились к передовой русской культуре и совместно с другими народами России включились в борьбу против царского самодержавия. Армению и Грузию никоим образом нельзя считать «исконными иранскими землями», ибо армяне и грузины по своему этническому происхождению, по языку и культуре коренным образом отличаются от иранцев. Присоединение Армении и Грузии к России спасло армянский и грузинский народы от поголовного истребления и насильственной ассимиляции фанатичными иранскими феодалами.

В чем же видит А. Х. Табиби спасение от происков «коварных русских» на Ближнем и Среднем Востоке? Он считает, что нет ничего лучше, как создать после вывода советских войск из Афганистана федерацию трех мусульманских государств — Афганистана, Пакистана и Ирана, которые тесно связаны между собой этническими и культурными узами. А. Х. Табиби считает, что такое федеративное государство явилось бы прообразом будущих Соединенных Мусульманских Штатов, к кото-

---

[1] Аль-Урва аль-Вуска, осень 1986 г., № 23, с. 26.
[2] Там же.

рым впоследствии могли бы присоединиться также Турция и Бангладеш[1].

Надо ли говорить о том, что подобные планы носят ярко выраженный панисламский характер. Их осуществление поставило бы под угрозу национальную самобытность и государственный суверенитет многих народов Ближнего и Среднего Востока, способствовало бы усилению позиций реакционных религиозных кругов, создало бы опасный очаг агрессии и экспансионизма у границ Советского Союза и Индии.

Что касается освещения хода военных действий в Афганистане реакционной мусульманской прессой, то он также носит абсолютно ложный и извращенный характер. В органах печати, отражающих позицию реакционных мусульманских кругов, регулярно публикуются явно завышенные данные о потерях афганской армии и советских войск в Афганистане, сообщения о мнимых дезертирствах афганцев из правительственных войск и их переходе на сторону душманов. И конечно же, эта ложь получает обоснование. Реакционная мусульманская пресса заявляет, что «в Афганистане безбожный коммунизм столкнулся с незыблемой доктриной ислама, поэтому победа муджахидов неизбежна»[2].

Беззастенчиво вмешиваясь во внутренние дела Советского Союза, саудовский религиозный деятель Абд аль-Азиз ибн Баз заявляет о том, что «победа афганского джихада приведет к освобождению мусульманских земель, находящихся под советским игом»[3]. Абд аль-Азиз ибн Баз имеет в виду, разумеется, советские республики Средней Азии и другие районы традиционного распространения ислама в СССР, которые представляют собой неотъемлемую часть Советского государства, а их коренное население является не «угнетенными мусульманами», а полноправными гражданами Советского Союза.

---

[1] Аль-Урва аль Вуска, осень 1986 г., № 23, 1986, 7 апр.
[2] Аль-Балаг, 1986, 7 апр.
[3] Там же, 1986, 23 марта.

Поэтому надежды Абд Аль-Азиза ибн База и его единомышленников на отторжение исконных советских земель от нашей страны несбыточны.

«Примечательна» и трактовка реакционной мусульманской прессой проблемы афганских беженцев в Пакистане и других странах Ближнего и Среднего Востока. Реакционные мусульманские круги уделяют этому вопросу немало внимания. Так, в кувейтском журнале «Аль-Балаг» от 7 апреля 1986 года была помещена анонимная статья «Афганские беженцы в Пакистане». В статье отмечается, что в настоящее время в Пакистане находится около трех миллионов беженцев из Афганистана. История, говорится в статье, не знает эмиграции, подобной по своим масштабам эмиграции афганцев. Появление афганцев в Пакистане ухудшило отношения этой страны с Советским Союзом и Афганистаном. Советские войска, голословно утверждает журнал, наносят удары по афганским беженцам через афгано-пакистанскую границу.

В саудовской газете «Ахбар аль-алам аль-ислами» от 8 апреля 1986 года сообщается о том, что в Турции в настоящее время находится около 900 беженцев-киргизов из Афганистана. Ими руководит племенной вождь Хаджи Рахман Гуль Хан.

Оба органа подчеркивают, что часть афганских беженцев объединена в боевые группы так называемых «борцов за веру» — муджахидов, то есть, попросту говоря, в душманские банды, и являются важной силой, борющейся против законного правительства Афганистана и ограниченного советского военного контингента, находящегося на его территории.

Надо ли говорить о том, что Советский Союз никогда не идет на нарушения международного права, поэтому заявления о нанесении советскими войсками через пакистанскую границу «ударов по беженцам» — это ложь чистейшей воды. Другое дело, что и советское командование, и афганское руководство пытаются разъяснить

афганцам, оказавшимся на чужбине, бесперспективность борьбы против народного правительства Афганистана, показать, что такая борьба носит преступный характер и не отвечает интересам трудящихся Афганистана. Вполне понятно, что, публикуя материалы об афганских беженцах, правая мусульманская пресса не называет истинных виновников трагедии этих людей — реакционные круги Афганистана и Пакистана, а также империалистическую агентуру в странах Ближнего и Среднего Востока, которые обманным путем заманили сотни тысяч плохо разбирающихся в сложной политической обстановке афганцев на чужбину и натравливают их на законное правительство демократического Афганистана.

Беспочвенная аргументация реакционной мусульманской прессы рассчитана на весьма плохо информированного читателя, но она, по всей видимости, оказывает определенное воздействие на общественное мнение в странах зарубежного Востока. Думается, однако, что провозглашенная законным правительством демократического Афганистана политика национального примирения окончательно выбьет почву из-под ног врагов афганского народа, драпирующихся в одежды зеленого исламского цвета. Ведь эта политика рассчитана не только на прекращение братоубийственной войны с теми, кто по тем или иным причинам повернул оружие против законной власти, но также на то, чтобы привлечь к сотрудничеству с народным государством широкие слои афганской общественности, в том числе и мусульманских религиозных деятелей, до недавнего времени враждебно или нейтрально относившихся к прогрессивному режиму. Факты свидетельствуют о том, что все больше мулл, которые традиционно пользуются влиянием на афганские народные массы, начинают понимать, что именно демократическое правительство является подлинным защитником интересов афганских мусульман. А это обстоятельство представляет собой один из важных факторов достижения мира в Афганистане.

# ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА И МОЛОДЕЖЬ

ИЛЬЕНКОВ Э.

## ПРОБЛЕМА ИДЕАЛА В ФИЛОСОФИИ[1]

*Известный советский ученый, доктор философских наук Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979) был разносторонне талантливым мыслителем. Чем бы он ни занимался — логикой или эстетикой, этикой или психологией, педагогикой или историей философии, — везде он находил какие-то новые черты, открывал новые пути исследования. При этом очевидные вроде бы вещи он умел рассмотреть в столь неожиданном ракурсе, что они раскрывали ему непонятные для других секреты, а нам оставалось только удивляться, как же мы раньше ничего подобного не замечали!*

*Э. В. Ильенков — автор нескольких книг, самые известные из которых «Диалектическая логика» (М., 1974, 1984) и «Об идолах и идеалах» (М., 1968). Проблема идеала — одна из постоянных тем в творчестве Э. В. Ильенкова.*

---

[1] Отрывок из работы «Об идолах и идеалах» в кн.: Искусство и коммунистический идеал. М., 1984, с. 106—117.

Проблема идеала сложна и многогранна. И в первую очередь, естественно, возникает вопрос о том, какое место занимает понятие идеала в теории отражения, как оно может быть интерпретировано с точки зрения этой теории. В самом деле, теория отражения учит, что правильно и истинно лишь такое знание, которое отражает то, что есть в действительности. А в идеале выражается не то, что *есть,* а что *должно быть* или то, что человек *хочет* видеть. Можно ли истолковать желаемое или должное, может ли быть «истинным» идеал?

Философия давно усмотрела здесь трудность и давно же пыталась ее разрешить. Материалисты прошлых эпох упирались в эту проблему в ходе своей борьбы против церковноидеалистических учений, против религиозного идеала и старались решить ее в согласии с теорией отражения, с одной стороны, и с требованиями реальной жизни — с другой. Но сделать это удалось лишь Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, и именно потому, что они были не просто материалистами, но материалистами-диалектами. Посмотрим же, как это произошло.

«Бог сотворил человека по образу и подобию своему», — говорится в известной книге; а человек отплатил ему за это той же черной неблагодарностью, с ядовитой иронией добавил автор другой книги. А если отставить в сторону шутки и сказки, развил ту же мысль третий автор, то надо прямо и ясно сказать, что Человек создал бога точно так же, как создал он книги и статуи, хижины и храмы, хлеб и вино, науку и технику; поэтому запутанный вопрос о том, кто кого и по какому образцу создал, разрешается в простой и ясной истине: Человек создал самого себя, а потом и свой собственный автопортрет, назвав его «богом». Так что под видом «бога» Человек познавал самого себя и поклонялся лишь самому себе, думая, что он познает себя, и поклонялся лишь самому себе, думая, что он познает какое-то другое, нежели он сам, существо,

и религия на самом деле всегда была лишь зеркалом, отражавшим Человеку его собственную физиономию.

Но в таком случае, ухватился за это объяснение четвертый мыслитель, автор Библии был, по существу, совершенно прав, только он выразил ту же мысль применительно к иллюзиям своего века: да, Человека действительно создало существо, изображенное на иконе, ибо икона только портрет Человека, созданный самим Человеком. А если так, то нет ничего плохого в том, что Человек старается подражать во всем нарисованному на портрете персонажу. Ведь художник, рисуя свой собственный портрет, старательно скопировал в нем одни лишь плюсы, одни лишь достоинства живого грешного человека, и в виде «бога» Человек изображен исключительно с лучшей его стороны. «Бог» лишь псевдоним Идеального Человека, идельно-поэтическая модель Совершенного Человека. Идеал, заданный Человеком самому себе, Высшая Цель человеческого самоусовершенствования... А все дурные, все злые и подлежащие преодолению человеческие черты тот же художник изобразил на другом автопортрете, названном им «Дьявол».

Так что «бог» — вовсе не натуралистическое изображение грешного и реального земного Человека, который представляет собой и «бога» и «дьявола» в одном-едином лице, в сплаве. «Бог» — это Человек, каким он должен быть или стать в результате своего собственного самоусовершенствования, а «Дьявол» — тот же Человек, каким он не должен быть, каким он должен перестать быть в результате того же самого процесса самовоспитания, то есть идеальная модель человеческого несовершенства и зла.

Иными словами, «бог» и «дьявол» являются категориями, с помощью которых Человек старается рассортировать и различить в самом себе Добро и Зло — подлинно человеческие совершенства от атавизмов чисто животного происхождения. Поэтому-то, рассматривая

образ «бога», человек может судить о том, какие именно реальные черты своей натуры он ценит и превозносит («обожествляет»), а какие — ненавидит и проклинает как «дьявольщину», — стараясь преодолеть их в самом себе.

Итак, хотя Человек и создал и «бога» и «дьявола», а не наоборот, не «бог» создал, а «дьявол» испортил Человека; легенда о сотворении и грехопадении Человека — это высокопоэтическое художественное произведение, в форме которого Человек сделал первую попытку осуществить Самопознание, в самом себе различить Добро и Зло, Разум и Неразумие, Человеческое и Античеловеческое. А значит, не надо упразднять религию с ее представлениями о «божественном» и «греховном», а надо только переосмыслить древние сказки (не веруя в них буквально) в морально-человеческих категориях. Надо понять, что, поклоняясь «богу», человек поклоняется Лучшему в самом себе, что религия создала в виде бога Идеальный образец высшего человеческого совершенства и что в христианстве Человек обрел высший человеческий Идеал, всем понятный и для всех приемлемый. А атеисты, старающиеся доказать, что нет ни бога, ни черта, тем самым оказывают Человеку очень плохую услугу, лишая его критериев различения Добра и Зла, Дозволенного и Недозволенного!

Стоп! — ответили атеисты. Хотя все получается довольно логично, да не до конца. Действительно, Человек проецирует на голубой экран небес лишь свои собственные представления о самом себе, о добре и зле, обожествляя (то есть приписывая «богу») одни свои реальные черты и осуждая (то есть объявляя «дьявольскими наваждениями») другие. Человек и в самом деле вынужден был вначале противопоставить самому себе свои собственные деятельные силы и способности, изобразив их как силы и способности некоторого другого, нежели он сам, существа, чтобы рассмотреть их как некий вне себя находящийся «предмет» и критичесжи

оценить, чтобы впредь усваивать лишь те способности, которые ведут к добру и благу, и не подражать тем, которые ведут к злу. Именно вынужден был, так как другого зеркала, кроме небесного свода, у него тогда не было, а без зеркала рассмотреть самого себя, очевидно, невозможно.

Но почему и зачем и далее осуществлять «самопознание человека» под видом «познания бога», совершенно неясно. Зачем смотреться в зеркало небес, когда уже созданы гораздо более совершенные и ясные зеркала, отражающие Человеку все детали и подробности его собственного образа? Конечно, религия всего-навсего зеркало, но примитивно-первобытное и потому очень тусклое и к тому же весьма кривое зеркало, поверхность которого, как и «небесный свод», обладает очень коварной кривизной. Оно увеличивает, доводит до космических размеров, перевертывает глядящегося в него человека вверх ногами... Оно отражает в гипертрофированно-увеличенном виде все то, что перед ним находится, и до некоторой степени похоже на микроскоп, позволяющий разглядеть то, что не видно невооруженному глазу.

Но что же именно кладет Человек на предметное стекло такого своеобразного микроскопа? Что именно видит он в окуляре?

Реальное Добро и Зло в самом себе, в реальном Человеке?

Если бы дело обстояло так, то лучшего зеркала, чем голубой небесный свод, и искать было бы не нужно. Беда в том, что рефрактор религиозных небес отражает не реальное Добро и реальное Зло, а лишь собственные представления Человека о том, что такое добро и что такое зло. А ведь это — увы! — далеко не одно и то же. Человек способен, к сожалению, трагически ошибаться на этот счет. И тогда увеличительное стекло религии лишь усугубит масштабы его ошибок.

Малозаметное и скромное семя Зла, принятое за по-

хожий на него зародыш Добра, разрастется в его глазах в целые заросли благоухающих цветов. И наоборот, слабый и невзрачный росток человеческого счастья, принятый по ошибке за росток сорной травы, предстанет огромным колючим чертополохом, источающим яд греховности и погибели. И что самое трагическое, человек будет видеть райские розы там, где торчат сплошные колючки, и будет бежать запаха настоящих роз, убежденный в том, что чувства его обманывают, что перед ним только дьявольское наваждение, соблазны.

Разве не так случилось с христианством? Разве не молились люди целые тысячелетия Кресту — варварской виселице, на которой распяли Человека, «сына человеческого»? Разве не плакали они от умиления, глядя на изможденный, покрытый предсмертным потом лик «спасителя», распятого на радость фарисеям? Разве не видели они в этой картине образ высочайшего блаженства и божественной чести? Видели и молились. Христианская церковь целые тысячелетия старалась внушить людям, что высшую цель и предназначение человека составляет подготовка к загробной жизни, к вечной жизни по ту сторону могилы. Реально — в могиле. Чтобы поскорее и повернее достигнуть вечной жизни, надо вести себя соответствующим образом и способом. Если задана цель движения, то и пути приходится выбирать соответствующие: умерщвление плоти и ее стремлений, отказ от «посюстороннего» счастья, покорность судьбе и власть имущим, молитва и пост. Самый верный путь к могиле. Тогда «лучшим человеком» оказывался монах-аскет в жалком рубище, подпоясанном веревкой, и опоэтизированное фантазией изображение «лучшего человека» глядело на людей со всех икон скорбными очами распятого на кресте «спасителя». Путь к нему — путь на Голгофу, к искупительному страданию, к самоуничижению, самобичеванию, к избавлению от грязи и мерзости земного существования...

И долгие столетия феодального средневековья Чело-

век принимал христианский Идеал и пути его осуществления за единственно верный и единственно возможный образ высшей сути мира и жизни.

Почему? Да просто потому, что иконный лик «спасителя» был совершенно точным зеркалом, отражавшим Человеку его собственный, измученный и покрытый потом ужаса и страдания лик, лик «спасаемого». Потому что каков реальный Человек, таков и его бог. Очень просто.

А раз так, то небеса религии отражают Человеку вовсе не то, каким он «должен быть», а то, каков он на самом деле есть. Со всеми его плюсами и минусами. Но минусы отражаются в таком зеркале не как минусы, а как плюсы. И наоборот. И вовсе не пути выбираются тут в зависимости от избранной цели, а, наоборот, сама цель рисуется в соответствии с путями, которые Человек избрал, — их направление просто прочерчивается в фантазии до конца, до той точки, которой достигает взор.

По иконе можно довольно точно определить, каков реальный Человек и по каким путям он шествует в своей жизни, куда идет. А вот надо идти в этом направлении или не надо, на иконе не прочтешь. Икона запрещает даже задаваться таким вопросом, на то она и икона.

Она послушно отобразит Человеку его собственное лицо, покажет ему, каков он *есть* на самом деле, но — и здесь ее коварство — заключит отображение в золотой багет почитания и поклонения. Поэтому-то иконы и идеалы религии просто-напросто форма морально-эстетического примирения Человека с самим собой, то есть со своим нынешним, наличным обликом и способом существования, увековечение в сознании, в фантазии, в поэтизирующем воображении «наличного бытия» Человека. Сегодняшнее бытие и сознание Человека превращается в виде иконы в Идола, которому надлежит молиться и поклоняться. И если Икона превращается

в глазах верующего в Идеал, в образ лучшего грядущего, то Идеал незаметно для него самого подменяется Идолом.

Таков уж механизм религиозного «самосознания», его суть, а вовсе не результат ошибок и неисправностей. Ибо он устроен с таким расчетом, чтобы Человек глядел на самого себя как на некоторое другое, нежели он сам, Существо, забывая о том, что он видит только себя самого.

Именно в этом как раз и заключается специфическое отличие религиозной формы «самосознания» от любой другой; в отсутствии сознания того факта, что в виде образа бога Человек глядится в свой собственный образ. Если «специфика» — отсутствие такого сознания — исчезает, то вместо религии мы имеем перед собой совсем другую форму «самосознания», ближайшим образом — искусство.

Искусство тоже зеркало. Человек и поныне, например в театре, изображая на сцене самого себя, старается, уютно сидя в партере, рассмотреть свое собственное изображение как бы со стороны, как предмет осознания и оценки. Осознавая то, что происходит на сцене или экране, он осознает лишь сам себя, и тем яснее и лучше, чем яснее и лучше экран отражает ему его собственное лицо.

Но, в отличие от зеркала религии, зеркало искусства не создает, а как раз наоборот, развеивает роковую иллюзию. Оно прямо предполагает, что Человек видит в нем самого себя, и только самого себя. Поэтому религия и сердится всегда на подлинное искусство: на зеркало, в которое глядится только тот, кто действительно хочет увидеть и осознать самого себя, а не свои фантазии о себе.

Если же Человек будет смотреть в зеркало, понимая, что перед ним всего-навсего зеркало, то он скажет: никакой не бог, а только мое Я глядит на меня сквозь прозрачное стекло в раме. И если мне не нравится гля-

дящая на меня физиономия, то, значит, Я на самом деле не такой, каким себя до сих пор мнил, не такой, каким я хотел бы себя видеть. Поэтому не обвиняй зеркало в злокозненной склонности к искажениям, а постарайся сделаться таким, каким ты хотел бы себя видеть. Тогда и в зеркале искусства и науки ты увидишь себя таким. Не раньше.

А каким ты хотел бы себя видеть?

Тут-то и загвоздка. Чего-чего, а этого беспристрастно-правдивое зеркало тебе сказать не может. Тут требуется другое зеркало, которое представляло бы желаемое за действительное, отражало бы на своей поверхности не фактическое положение дел, а мечту и рисовало бы не реального Человека, а его Идеал, совершенного, идеального Человека. Человека, каким он должен быть сообразно его собственным представлениям о себе самом.

Но разве не старалась делать это любая религия? Разве не нашел Человек эпохи Возрождения именно в богах Греции высеченные в мраморе чертежи «совершенных людей»?

И может быть, христианский идеал был лишь временным заблуждением, следствием трагической ошибки, которую можно исправить и впредь не повторять? Может быть, люди в виде распятого Иисуса обожествили в самих себе не то, что следовало бы обожествлять? Может быть, они просто-напросто сконструировали ошибочный идеал, то есть цель морального самоусовершенствования? Может быть, надо нарисовать новую икону, задать себе в образной форме новый Идеал — образец совершенного Человека — и подражать во всем новому богу?

Тем более что такие боги — красивые, сильные, мудрые, подлинные чертежи человеческого совершенства — уже были созданы некогда могучей человеческой фантазией и воплощены в мраморе античных статуй... Тех самых статуй, которые Человек, начавший молиться рас-

пятому «спасителю», принял за изображения вредных чертей и вводящих в греховные соблазны ведьм. Статуй, которые — с обломанными руками и отбитыми носами и даже вовсе обезглавленные — оставались человечески красивыми. Может быть, если Человек станет равняться в своей жизнедеятельности на эти божественные образцы, он опять станет прекрасен, мудр и могуч?

И на рубеже XV—XVI веков возник новый Идеал — идеал возрождения античной красоты, силы и ума Человека. Его готовую «модель» люди увидели в богах Греции — в Зевсе и Прометее, в Афродите и Нике Самофракийской. А значит, и в самом Человеке сместились представления о Добре и Зле: в самом себе Человек стал почитать за красоту то, что он раньше воспринимал как греховное безобразие, за ум — то, что до этого третировал как языческое безумие, и перестал принимать бессилие за силу. И наоборот.

Столкнулись два Идеала — два образа, два чертежа, две «модели» совершенного Человека. По образцу которого от них следует создавать, вернее, пересоздавать реального, грешного человека?

Но в таком случае спрашивается, чему и кому мешает надпись «Давид» на цоколе статуи Микеланджело, изображающей прекрасного, сильного и хитроумного юношу. Не остались ли здесь от религии только имена и названия? А тогда какая разница? Чем отличается в таком случае — по своей реальной задаче и функции — зеркало такого искусства от иконы? В самом деле, разве не висела целые столетия над алтарем заштатной церквушки «Сикстинская мадонна», прежде чем поменяла свою квартиру на более светлую и удобную? Изменилось ли в ней хоть что-нибудь, когда она переменила службу по религиозному ведомству на работу в музее живописи?

Главное, рассудили мыслители, не имена, не названия, прибитые на багетах икон. Главное — понимание или непонимание того обстоятельства, что на иконах

изображен Человек, сам Человек, а вовсе не вне и до него существовавшее существо по имени бог. Главное — понять, что бог только синоним и псевдоним Человека с большой буквы, Идеального Человека, по образу которого следует и впредь формировать людей.

Стало быть, если религию понять правильно, то есть не как способ познания бога, а как способ самопознания Человека, то все становится на свои места. Зачем же тогда воевать искусству и науке против религии? Надо просто разумно поделить обязанности: науки и трезвое искусство будут отражать то, что есть, а религия и ориентированное на ту же задачу искусство — то, что должно быть, то есть задавать Человеку Идеал его собственного самоусовершенствования.

Какая разница, окрестишь ты этот идеал именем, взятым напрокат из Библии, из православных святцев или же из безбожного календаря? Важно одно, чтобы Идеал был обрисован по существу правильно, чтобы он задавал Человеку верное направление на путях нравственного, физического и интеллектуального самоусовершенствования, а не нацеливал его (как в прошлом христианство) на добровольную деградацию, на физическое и умственное вырождение. А уж называть его божественным или нет — совершенно безразлично.

Казалось бы, такое рассуждение могло вполне устроить религию: ей отводилась вполне почетная и почтенная роль в разделении труда. Но содружества все-таки почему-то не получилось. Религия с негодованием отвергла новое объяснение роли и отказалась исполнять предложенную ей должность. Почему? Что именно не устраивало ее в приведенном рассуждении и выводах из него? Разве она и до сих пор не исполняла указанной роли и на самом деле, независимо от собственных иллюзий? Или это объяснение не ухватывало в механизмах религиозного самосознания чего-то очень важного и главного, того, без чего вообще нет религии?

Да, не ухватывало. И религия, отказываясь от пред-

ложенной ей доброжелателями роли и функции, была права. Она понимала сама себя лучше, чем ее толкователи. Секрет заключался просто в том, что религия никогда не исполняла и не могла исполнять той роли, которую ей приписали доброжелатели. Она исполняла как раз обратную роль, и с исполнением последней и были приспособлены все механизмы ее отражающего устройства.

А именно: вся система религиозных образов вовсе не рисовала Человека таким, каким он «должен быть» или «должен стать» в результате самоусовершенствования. Наоборот, она рисовала его именно таким, каким он был и каким он должен оставаться. Она всегда выдавала «наличное бытие» Человека за Идеал, за предел, за верх всякого возможного совершенства, коего Человек не должен и не может преступать. Изображая Человека, религия и изображала его не как Человека, а как бога, как вне Человека, до Человека и над Человеком стоящее «высшее существо», диктующее Человеку именно тот способ существования, который он до сих пор и практиковал.

С точки зрения религии никаким «самоусовершенствованием» Человек с большой буквы заниматься не может и не должен. Самоусовершенствоваться могут и обязаны только отдельные «человеки». Они обязаны стараться уподобиться тому образу Человека, который тут выдается — под именем бога — за вечный, первозданный и не подлежащий сомнению Идеал, за эталон совершенства. А эталон согласно самому его понятию меняться не должен. В этом отношении христианский эталон совершенства подобен той платиновой линейке, хранившейся в Париже, которая называлась «метр».

И религия всегда противилась — как самой ужасной ереси — тезису о том, что бог сконструирован Человеком по своему образу и подобию. Ведь в таком случае Человек, если он сам по себе изменился, если он лучше понял самого себя, точнее, чем прежде, нашел

меру своего собственного совершенства, вправе «уточнить» и эталон. Тогда он вправе пересоздать бога, вправе даже его сменить на более подходящего для себя, выбрать бога по своему росту, построить новую модель совершенства.

Поэтому в форме религиозного идеала Человеку преподносится образ его собственного вчерашнего дня. Религия всегда относила «золотой век» к прошлому. Иными словами, механизмы религиозного сознания, по существу, приспособлены к тому, чтобы изображать вчерашний день как образец, а сегодняшний — как «испорченный вчерашний», как результат «отпадения человека от бога».

Поэтому-то к религиозному умонастроению и склонны те люди, которым — в силу тех или иных причин — становится жить день ото дня все хуже и хуже, те именно люди, которым «прогресс» не несет ничего, кроме неприятностей. И они правы: для них вчера было лучше, чем сегодня, и они мечтают о том, чтобы сделать завтра похожим на вчера. Их правоту как раз и выражает религия, а религиозный идеал всего лишь идеализированный вчерашний день.

«Идеализированный» — здесь значит представленный со стороны одних лишь плюсов и тщательно очищенный от всех минусов, без коих плюсы существовать — увы! — не могли и не могут. В силу особенностей религиозного Идеала он всегда коварно обманывает людей. Попытка формировать Будущее по образцу идеализированного Прошлого приводит к тому, что вместе с желаемыми плюсами Человек — хочет он того или не хочет — воспроизводит заодно и все неразрывно связанные с ними минусы...

Так происходит даже тогда, когда в качестве Идеала берутся действительно красивые и человечески заманчивые образы прошлого, например античные боги — идеальные чертежи человеческой красоты, силы и мудрости. Люди Возрождения не поняли хорошенько того

грустного обстоятельства, что «возродить» античных богов, то есть сформировать образ современника по образу и подобию Зевса и Прометея, Афродиты и Ники, невозможно, не воспроизведя и всех тех условий, на почве которых эти боги могли бы дышать и жить. В частности, без рабовладения, без массы «говорящих орудий», за счет которых жили и создавали свои произведения подлинные творцы статуй Зевса и Прометея, те люди, которые создали античных богов по своему образу и подобию. То есть без тех самых условий, которые, создав богов, их же и погубили, их же и распяли на кресте новой веры...

И дорого пришлось заплатить людям за познание, выводом которого явилась простая и ясная истина: если ты хочешь идти вперед, стряхни с себя все иллюзии религиозного идеала, каким бы заманчивым и прекрасным он ни был. Не ищи идеала в прошлом, даже в самом прекрасном. Он подведет тем трагичнее, чем он по видимости красивее. Изучай прошлое не только со стороны его плюсов, но и со стороны неразрывно связанных с ними минусов, то есть не идеализируй прошлое, а объективно его исследуй.

А идеал, то есть тот образ, в согласии с которым ты хочешь сформировать будущее, стало быть, в согласии с которым ты должен действовать сегодня, ищи на другом пути.

ЛЕВИЧЕВ Н.,
Москва

## ПРАВО НА КУЛЬТУРУ

Достижение нового качественного состояния общества требует заинтересованности молодежи в процессе перестройки. Как отмечал В. И. Ленин, «чем глубже пре-

образование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»[1].

И важнейшая миссия комсомола — добиться понимания каждым молодым человеком остроты переживаемого момента, его переломного характера. Только осознав, какие масштабные задачи стоят перед нами и какая высокая степень личной готовности к их решению сегодня требуется, мы сможем им соответствовать.

Молодому поколению предстоит в кратчайшие сроки достичь качественно нового уровня производства, человеческих отношений, ускорить динамику общественных процессов. Одним из долговременных факторов интенсификации в этих условиях выступает высокая духовная культура личности, основанные на ней гражданская сознательность, государственное отношение к жизни, к общему делу. Сегодня умение комсомольских организаций работать с юношеством проверяется именно тем, как мы можем воздействовать на духовный мир молодежи, помогать ей реализовать свои запросы и увлечения, разумно распорядиться свободным временем.

Такие важные для нас понятия, как информация и пропаганда, наполняются особым смыслом, когда речь идет об информации в сфере культуры, о пропаганде духовных ценностей. Ведь именно в «троянском коне» закордонной массовой культуры наш идейный противник стремится протащить в сознание молодежи семена аполитичности и воинствующего невежества.

Но мы, наверное, погрешим против истины, если будем объяснять душевную черствость, эмоциональную глухоту, неприятие идеалов социализма отдельными молодыми людьми и группами молодежи лишь тлетворным влиянием Запада.

Все ли мы сами делаем, чтобы подрастающему поколению маяками служили не стандарты чуждого обра-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

за жизни, не пошлые поделки, а образцы высочайшей нравственности, гуманистические ценности подлинного искусства?

Давайте попробуем разобраться.

С детства, со школьных лет уж во всяком случае, воспринимаем мы истину об открытости нам всех путей-дорог, в том числе и путей к сокровищам мировой и отечественной культуры. Мы привыкли к мысли, что нам все доступно: для нас музеи в царских дворцах, для нас библиотеки с огромными фондами, для нас театры — от ТЮЗов и кукольного до Большого и МХАТа. Приобщайся — не хочу...

Почему же многим не нравится, какая сейчас растет молодежь? Возьмите газету, поговорите с коллегами по работе, знакомыми, попробуйте спросить об этом в очереди — вам скажут, что интересуются мальчики и девочки совсем не тем, чем должно. Как вы догадываетесь — не Рафаэлем, не Мусоргским, не Шотой Руставели. Мальчики и девочки интересуются свежими записями «металлического» рока, фильмом «Танцор диско», модными журнальчиками.

Данные, так сказать, визуальных наблюдений подтверждаются результатами социологических исследований. В структуре молодежных интересов все в большей степени проявляется преобладание развлекательно-потребительской ориентации: снижение позитивного влияния классического наследия, народного творчества, рост популярности «легких жанров» музыки, литературы, кино, шумный успех ряда дешевых ремесленных поделок.

90 процентов опрошенных молодых людей коллекционируют записи популярной рок-музыки. При этом лишь 1,2 процента имеют магнитофонные записи музыки классической. Мы далеки от снобистского противопоставления этих жанров, но нельзя не видеть, что для молодого человека музыкальный мир оказался раско-

лотым, поляризованным на две малосоприкасающиеся сферы.

По данным уральских ученых, лишь 2,5 процента посетителей эстрадных концертов бывают на концертах симфонической музыки и 3,4 процента на концертах камерной музыки, а из посетителей симфонических концертов только 10 процентов интересуются эстрадой. В целом структура музыкальных интересов наиболее ярко свидетельствует о развлекательно-потребительской ориентации молодого поколения. К такому же выводу приводит анализ предпочтений молодежи в области литературы и кино. Лидируют такие жанры, как приключенческая литература, детективы, фантастика, исторические повести и романы. Данные кинопроката расставляют фильмы последних лет по степени их популярности следующим образом: «Пираты XX века» (более 100 млн. зрителей), «Анжелика — маркиза «ангелов» (80 млн.), «Анжелика в гневе» (75 млн.), «К сокровищам авиакатастрофы» (около 50 млн.), «Смерть среди айсбергов» (почти 50 млн.), «Пришла и говорю» (25 млн.) и т. д. Комментарии, как говорится, излишни: к шедеврам мирового кино эти фильмы явно не относятся.

Как отмечалось на совещании в ЦК КПСС, «сегодня образовался порочный слой вполне грамотных, вполне образованных людей, отвергающих сколько-нибудь серьезные духовные занятия. Они не читают ничего, кроме детективов, они ходят в кино только на остросюжетные фильмы, из всех музыкальных жанров признают только хард-рок. Их притязания на культуру агрессивны и ограничены. Они требуют развлекательности и чего-то такого, что там есть, не желают утомлять себя серьезными раздумьями и пламенными страстями, удовлетворение лишь простейших запросов становится для них привычным, с ними связывается ощущение этакого психологического комфорта. Они культивируют в себе только потребителей, именно этого доби-

вается идеологический противник, а это уже человеческий фактор со знаком минус» [1].

Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивал, что отставание в культурном отношении является тормозом Советской власти. Это предостережение приобретает особое значение сегодня, на переломном рубеже развития нашего общества.

Партийный съезд стал для нас не только уроком новаторства, но в первую очередь уроком правды. Правдивость, честный и трезвый анализ действительного положения дел становится отличительной чертой нового стиля общественной жизни. И мы должны прямо и честно сказать себе, что проявления элементов деформации в сознании и поведении молодежи в последние годы стали следствием недостатков в работе всего идеологического комплекса.

Необходимо отметить, что становление облика молодого современника пришлось на период господства остаточного принципа выделения ресурсов для развития социально-культурной сферы. Результатом стало резкое снижение доступности духовных ценностей для значительной части населения, прежде всего молодежи. «Завоеванные в ходе строительства социализма гарантии доступности духовных ценностей для молодежи далеко не всегда обеспечиваются конкретной работой учреждений культуры», — было отмечено в Отчетном докладе XX съезду ВЛКСМ.

Давайте посмотрим на «культурную ситуацию» не сверху, а изнутри — с точки зрения молодого человека, юноши, подростка.

По данным Всесоюзного социологического исследования, лишь 61,3 процента молодежи считают, что имеют реальную возможность познакомиться с духовными ценностями, и 48,7 процента — удовлетворить свои запросы в области духовной культуры.

Как известно, именно в юношеском возрасте ощу-

[1] Сов. культура, 1986, 23 окт., с. 2.

щается наивысшая потребность в духовном общении и возможна наивысшая «плотность», интенсивность этого общения. Именно в это время нужно вобрать в себя заряд жизненной активности, почувствовать свое место в цепи времен, идейные и духовные корни. Недаром «вечными книгами» становятся для нас те, которые мы страстно полюбили в юности.

Итак, наш юный друг идет в книжный магазин (мы ведь помним, что именно книга — важнейший фактор передачи духовного опыта).

Даем справку: процесс книгораспространения среди молодежи вызывает, мягко говоря, беспокойство. Две трети молодежи указывают на постоянные затруднения в приобретении художественной литературы. Даже школьники часто прибегают к услугам спекулянтов. Юношеству оказываются недоступны многие книжные серии и специальные издания, которые адресованы молодым: ЖЗЛ, «Эврика», «Библиотека юношества», «История Отечества». Ставшие предметом коллекционирования, эти книги, по тактичному выражению социологов, попадают путем сложного перераспределения в руки части населения с преимущественными материальными возможностями.

Что ж, обидно, но дело, наверное, поправимо — стоит только пойти в библиотеку? И снова справка: шесть из десяти обращений молодого читателя в библиотеку не удовлетворяется. Рост числа библиотек и объемов хранения в последние годы отнюдь не сопровождался пропорциональным повышением численности постоянных читателей. Прекратился и рост книговыдачи.

О том, что театр перестал быть властителем дум молодого поколения, написано и сказано уже немало. Причины этого, разумеется, кроются и во внутренних проблемах его развития, следствием которых стало падение посещаемости ряда периферийных театров. В то же время 63 процента населения страны лишены воз-

можности регулярно общаться с театральным искусством. Если же взять младший и средний школьный возраст, на спектакле в детском театре один ребенок может побывать в среднем раз в шесть лет [1].

Самым массовым искусством мы привыкли считать кино. По данным Госкино СССР, абсолютное большинство киноаудитории составляют молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. В среднем молодежь бывает в кино от 35 до 50 раз в году. Казалось бы, можно радоваться, но чувство это не возникает при знакомстве с уже приводившимся списком «фильмов-чемпионов»: идя на поводу у невзыскательной части публики, кинопрокат формирует ей столь же непритязательную к художественным достоинствам кинолент молодую смену.

К тому же цифры не оставляют повода для благодушия и в сфере кино. Обеспеченность городского населения местами в постоянных кинотеатрах составляет 12,4 места на 1 тысячу жителей при нормативе 20—30 мест. В Туркмении, Киргизии, Азербайджане этот показатель не превышает 6 мест. В 250 городах РСФСР с населением от 20 до 40 тысяч человек, а также во вновь возведенных районах крупных промышленных центров нет стандартных кинотеатров [2]. Особенно остро ощутили на себе плоды ведомственной экономии на объектах соцкультбыта молодые жители городов и районов нового освоения. Билет в кино, как и другие культурные услуги, стал здесь дефицитным товаром, иногда — предметом спекуляции.

С известной долей уверенности можно сказать, что основным каналом приобщения молодежи к духовным ценностям становится телевидение. Сформировано уже целое поколение, для которого телевидение полностью вытеснило из жизни такие традиционные культурные

---

[1] См.: Керинская Н., Скоморохова Н. Где поставить театральное кресло? — Сов. культура, 1986, 25 сент.

[2] См.: Культура и средства массовой информации: Социально-экономические проблемы. М., 1985, с. 159.

институты, как музей, театр, выставочный зал. С одной стороны, это приоткрывает дверь для миллионов зрителей в Эрмитаж или, скажем, в музей имени А. С. Пушкина на декабрьские вечера. Но, с другой стороны, телевидение, становясь для многих людей прежде всего источником развлекательной информации, не позволяет обеспечить многогранное духовное развитие молодежи.

При расширении информированности, чаще весьма поверхностной, относительно новинок культурной жизни резко возрастает престиж элитарных форм духовного потребления — присутствия на вернисажах, творческих вечерах, концертах. Парадокс заключается в том, что в обстановке дефицита культурных услуг их содержательная сторона порой уходит на второй план. Появляется категория зрителя, которому не столь важно, участником какого рода события он станет — концерта эстрадной или, скажем, симфонической музыки. Престиж «мероприятия» определяется степенью превышения спроса над предложением. Билеты на концерт выдающегося пианиста Владимира Горовица в Большом зале Московской консерватории распределялись, например, в обстановке такого ажиотажа, что их обладателями смогли стать некоторые люди, не умевшие даже правильно произнести фамилию пианиста. Обиднее всего это было осознавать студентам фортепианного факультета консерватории, готовым отдать последнюю рубашку за возможность проникнуть в концертный зал в этот день. Один из них, рассказывают, провел даже всю ночь в подсобном помещении в шкафу со швабрами, пробравшись туда загодя, но наутро был, к сожалению, выдворен бдительной уборщицей. «Культурные услуги во многом становятся престижным товаром, объектом элитарного потребления. Известно, что студенты московских вузов разработали целую систему коллективного добывания билетов в лучшие театры, организуя ночные очереди. На почве дефицита даже тяга к прекрасному ока-

валась способна порождать такие явления, как спекуляция и взяточничество».

Мы частенько недооцениваем значимость малых отрезков времени, мыслим образами десятилетий (60-е, 70-е, 80-е годы), а то и целых эпох. Но что значит в молодости 3—5 лет? За эти годы успевает полностью смениться калейдоскоп молодежных кумиров, модных увлечений, привязанностей и антипатий.

За этот срок человек может выстроить свой внутренний мир, а может остаться духовно нищим и потерять себя безвозвратно. Педагоги знают, какой важной может оказаться для молодого человека даже единственная встреча с незаурядной личностью, завораживающей картиной, пронзающей сердце книгой. Молодой талантливый прозаик Сергей Алексеев признавался, какой толчок души испытал он в юности, когда с геологической партией набрел на таежную избу, в которой оказались старинные книги в тисненых кожаных переплетах. Может быть, это был один из случаев, пробудивших впоследствии в нем писателя, создавшего спустя десять лет роман «Слово», удостоенный премии Ленинского комсомола, — слово о великой духовной силе русского народа, о воспитании исторического самосознания, о спасении и сохранении культурных памятников и традиций.

Многое делается для сохранения нашего культурного наследия. Партия, государство после XXVII съезда КПСС пошли на кардинальные меры поддержки художественной культуры. Знаменателен факт создания новых организаций, призванных сберегать и приумножать отечественные культурные ценности: Советского фонда культуры, Всесоюзного музыкального общества, Союза театральных деятелей СССР.

Готовы ли мы к тем возможностям, которые открываются перед нами сегодня? В новых условиях работу предстоит вести не с позиций «шлагбаумной психологии» и кабинетного формотворчества. Необходимо моби-

лизовать огромные духовные ресурсы социализма в борьбе за молодежь. Сколько их — мальчишек и девчонок, подменяющих культуру подлинную, ради обретения которой «душа обязана трудиться», мнимой, достигаемой без всяких усилий. Подмена идеалов идолами, инородными или доморощенными, неважно, социально опасна, ведет к нивелировке личности, бездуховности, нравственной ущербности и мировоззренческому инфантилизму. И если не научиться включать шедевры отечественного искусства, народного творчества в «среду обитания» подрастающего поколения, мы можем его в буквальном смысле потерять.

Несколько лет была закрыта музей-квартира А. С. Пушкина на Мойке, встали на капитальный ремонт, до предела сузив экспозицию, Третьяковская галерея и Русский музей (читатель может продолжить этот перечень). Уже трудно вспомнить, когда начался ремонт в крупнейших национальных библиотеках, в том числе для юношества, ограничивающий доступ прежде всего к редким изданиям, первоисточникам. Поколение 30-летних никогда (никогда!) не видело в центре Ленинграда не обезображенного строительными лесами храма «Спаса на крови» — не только архитектурного, но и исторического памятника народовольческому движению.

Ремонты нужны. Реставрация жизненно необходима. Но нельзя не видеть, какими социальными, духовными и политическими просчетами оборачивается затянутый на десятилетия «долгострой» культуры, когда мы выводим колоссальные «производственные мощности» из сферы духовного воздействия на молодежь. Помним ли мы при этом, что часть нынешних молодых так и останется с урезанными представлениями о духовном богатстве своей Родины? Часто ли мы ставим вопрос о том, что проволочки и задержки в развитии материальной базы музеев и других учреждений культуры социально опасны?

Нельзя закрывать глаза на появление у Русского музея и Третьяковки нахального и вездесущего конкурента — китч-среды, формирующей свои эталоны и образцы. И что толку в нашем понимании несопоставимости, несовместимости шедевров национальных художественных сокровищниц и бутафорских эрзац-афишек, вырезанных с глянцевых обложек разномастных журналов, привезенных «оттуда»? Стены рабочих и студенческих общежитий оклеиваются последними, далеко не всегда из-за пресловутого «преклонения перед Западом». Просто хочется уюта, хочется индивидуализировать свое жилье, а хороших, но дешевых репродукций всемирно известных картин в магазине не купишь. Те, что издаются в уникальных с полиграфической точки зрения альбомах, редки, дороги и недоступны для молодежи. Не купишь и пейзажика или натюрморта молодого художника — пусть не шедевра, но подлинного творения.

Порой мы сами, ослепленные сверканием яркой и привлекательной оболочки «массовой культуры», занижаем истинный уровень духовных потребностей юношества. Занижаем, когда организуем концерт для комсомольского актива и приглашаем только эстрадных звезд, когда составляем разжеванную телепрограмму для молодежи, когда для работы в комсомольском агитпоезде предпочитаем приглашать вокально-инструментальный ансамбль, а не камерный оркестр — вообще, когда берем на себя смелость определять, «что нужно народу».

Недавно в творческой командировке на русском Севере побывала молодая поэтесса самобытного дарования, осваивающая традиции такой сложной поэтической формы, как верлибр. Ее стихи, при точности и лаконичности языка, неординарности образов, частых культурно-исторических ассоциациях, в ряде издательств отвергались под предлогом «сложности для понимания массовым читателем». Так вот, эти самые стихи удиви-

тельно трепетно воспринимались молодыми рабочими предприятий и совхозов, рыбаками и студентами. Их просили дать на одну ночь, чтобы переписать...

Сегодня в читательский обиход возвращаются произведения многих незаслуженно забытых писателей и поэтов — Гумилева, Хлебникова, Северянина и других. Почему же до сих пор мы боимся пресловутой «неподготовленности» массового зрителя к восприятию творчества таких художников, как Малевич, Ларионов, Филонов? А такие доводы приходится слышать даже от самих сотрудников Русского музея, в фондах которого хранятся их произведения. В настоящее время необходимо ставить вопрос о доступности для каждого человека *всего* богатства музеев, не должно быть закрытых фондов, и в этом — забота о духовном мире нашей смены, молодого поколения. Разве можно признать нормальным, когда в экспозиции Русского музея, этого крупнейшего хранилища национальных ценностей, десятилетиями представлено лишь *3—5 процентов (!)* всего собрания? Почти полностью изъяты из культурного обращения произведения отечественного декоративно-прикладного искусства, рассредоточенные по фондам разных музеев.

Особенно хочется отметить тот факт, что огромный энтузиазм молодежи, направленный на приобщение к сокровищам духовной культуры, сохранение исторических и культурных памятников, не находит в достаточной степени общественно организованных форм. Как часто еще желание во время отпуска причаститься к национальным духовным святыням бесплатной работой по их реставрации разбивается о недоумение и неготовность строительного и местного начальства. Как часто грешат недооценкой благородного подвижничества краеведов, пропагандистов народного творчества иные комсомольские работники, допуская ироническое отношение к их нуждам. Как часто не находится «пророка» в своем районном отечестве, и помощь к мастеру-умель-

цу или фольклорному ансамблю поспевает раньше из областного центра или из столицы. А ведь именно талантом и энтузиазмом подобных, как принято говорить «чудаков», укрепляется тот самый животворный пласт культуры, на котором взращиваются лучшие человеческие качества, в который уходят глубокие корни народного патриотизма.

Если не возделывать почву, помогая прорасти этим корням, можем отдать поле во власть цепких и буйных сорняков, внесенных на него заморскими ветрами.

Доступность духовных ценностей нашей советской культуры для юного поколения — следствие важнейших социальных гарантий, завоеванных в ходе социалистического строительства. И реальность этой доступности должна быть обеспечена конкретной работой наших учреждений культуры и искусства, подтверждаться не привычными декларациями, а жизненным опытом молодежи.

Сетовать вместе с работниками филармоний, театров, музеев, Домов культуры на неразвитость духовных потребностей юношества сегодня вряд ли уместно. Надо эти потребности развивать, коренным образом меняя традиционные, порой застывшие формы работы учреждений культуры с молодежью.

Необходимо превращать музеи, выставочные залы, библиотеки, кинотеатры в центры живого общения молодежи, расширять ее участие в реставрации и сохранении памятников истории и культуры. Ведь есть у нас и опыт создания передвижных выставок, музейных филиалов в комсомольских агитпоездах. Надо развивать его в первую очередь там, где нет собственных крупных «очагов культуры», — на селе, в молодых городах. Как показал эксперимент в Пензе, и музей одной картины может стать центром интенсивной духовной жизни.

Большие задачи поставил перед комсомольскими организациями XX съезд ВЛКСМ. Комсомолу предстоит

вывести на современный уровень свое журнальное и книгоиздательское хозяйство. Предусматриваются эксперименты по распространению изданий для юношества через комсомольские организации, фирменные магазины молодежной книги, целевую подписку на книжные серии для молодежи, в отдельных регионах страны.

Принципиальные задачи — использовать возможности теле- и радиоэфира для развития художественного вкуса юношества, его приобщения к лучшим образцам литературы и искусства, воспитания исторической памяти, развивать сеть видеотек и видеосалонов.

В большом долгу перед молодежью и педагогическая наука, творческие союзы. Десятилетиями остаются в статусе эксперимента новые программы развития музыкальных и художественных способностей школьников. Писатели, художники, композиторы, актеры могли бы заглядывать в школу не раз в году на открытие очередной всесоюзной недели, а помогать учителям пробуждать интерес детей к искусству в менее торжественной, но более творческой обстановке.

Комсомольским организациям предстоит в тесном взаимодействии с учреждениями культуры осуществить демократизацию их работы, содействовать активизации молодежной инициативы, направленной на свободное развитие личности. В этой сфере в не меньшей степени, чем в экономике, необходимы ускорение и интенсификация. Принятые совместно с другими организациями нормативные документы по созданию любительских объединений, молодежных кафе и культурных центров устранили многие преграды.

Но сегодня именно здесь — настоящий боевой фронт для комитетов комсомола. До сих пор творческий поиск вступает в борьбу с параграфом, с ведомственными барьерами, с приверженностью к стереотипам, с формализмом. Гораздо проще найти «объективные» причи-

ны, оправдывающие бездеятельность, чем помочь молодежи осуществить свои законные права.

Овладение ситуацией в сфере культуры и досуга сегодня одно из важнейших направлений перестройки работы комсомольских организаций под лозунгом: «Культурное развитие молодежи — дело рук самой молодежи». Здесь заключены огромные резервы для движения вперед. Граждански страстная, одухотворенная высокими устремлениями личность — это ведь и движущая сила, и важнейшая цель революционных преобразований в стране.

АВДЕЕВ В.,
Воронеж

## МОЛОДОСТЬ — КАТЕГОРИЯ НРАВСТВЕННАЯ

Всякое социальное обновление связано с возрастанием интереса к проблеме идеала, особенно идеала нравственного. Наиболее активен этот интерес у молодежи, которая по природе своей устремлена в будущее, нацелена на поиск новых форм мысли, новых образов жизни. Поэтому процессы социального обновления и поиски нового идеала могут быть наиболее хорошо показаны на примере жизни молодежи.

Но прежде уточним принципиальные теоретические моменты определения самого понятия идеала, чтобы лучше уяснить практическое состояние этой проблемы. В общем виде идеал прежде всего рассматривается как «образец, норма, идеальный образ, определяющий способ и характер поведения человека или общественного

класса»[1]. Идеал нравственный понимается как «представление о всеобщей норме, образце человеческого поведения и отношений между людьми, выражающее исторически определенное понимание цели жизни»[2]. В общем осмыслении идеала многие авторы сходятся в том, что идеал — это идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека.

Откуда же такое определяющее значение идеала, его творческая мощь, делающая его источником общественного движения? Идеал не является ни мечтой, ни иллюзией случайного самосознания. Содержание его вырастает из связи с действительностью. Он выражает в сознании объективно существующие всеобщие потребности, которые побуждают к деятельности и задают ее способ посредством цели, объединяющей людей вокруг общей задачи. Идеал выступает не просто в качестве некоего образа грядущего будущего, достигаемого в ходе человеческой деятельности, он несет в себе признаки социальной позиции человека.

Особенно ярко это проявляется в эпоху становления нового типа деятельности, более высокого уровня мышления. Вспомним, например, историческую ситуацию жизненных переживаний Д. Бруно, который видел в становящемся идеале «путь к надеждам всемогущим». Идеал в этом плане является особым стимулом практической и мыслительной деятельности. Еще нет наличных связей новой социальной целостности (они все в потенции), еще не сложились категории нового мышления, а идеал уже работает в качестве целостности теоретических, эстетических, нравственных моментов человеческой деятельности.

Это значение идеала особенно важно в таких исторических обстоятельствах, когда назрела объективная потребность в новом субъекте, и вместе с тем само су-

---

[1] Ильенков Э. В. Идеал. — Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 195.

[2] Иконникова С. Там же, с. 202.

ществование такого субъекта является проблемой в силу сопротивления сил, не заинтересованных в социальном обновлении. В этих условиях идеал побуждает к решению указанной проблемы, помогает раскрыть конкретные способы осуществления жизненной судьбы человека, реализации его как личности в истории. Идеал способствует рождению творца новых социальных связей и нового мышления. Такое движение идеала хорошо просматривается в переломные исторические эпохи. Эта роль идеала особенно ценна в эпоху современной революционной перестройки нашего общества.

Обновление исторической жизни, становление нового идеала имеет свою логику, получившую наиболее яркое выражение в ленинский период развития философии. С именем Ленина связан новый поворот в понимании этого категориального процесса. Если Маркс делал упор на логичности самого исторического процесса, то для Ленина центр тяжести всех теоретических проблем был сосредоточен в подчеркивании историчности всякой логики. Поэтому в конкретности каждой исторической истины он подчеркивал не столько ее логическую развитость и целостность, сколько определенность в отношении места и исторического времени.

Разработка такого подхода к логике и такого понимания конкретности истины позволила Ленину в каждом специфическом случае движения революционного процесса, индивидуализируя общие принципы диалектики, схватывать «своеобразие данного момента» [1], «находить «особое звено» [2], тот конкретно-исторический «элемент диалектики» [3], который ведет к решению оригинальной исторической задачи.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 176.

[2] «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 205).

[3] Под методологическим образом «элемента диалектики», выдвинутым Лениным, следует, на наш взгляд, понимать элементарную форму диалектического постижения действительности, совпаде-

С учетом значимости ленинских методологических образов и ленинского учения о конкретности истины рассмотрим некоторые тенденции к обновлению общественного идеала, возникшие в современных условиях. Современные противоречия социализма, обнаруживающиеся как отставание ума от дела в некоторых эшелонах управления[1], как деформация социальных отношений[2], порождают закономерную необходимость в новой социальности и новом мышлении.

Можно указать на некоторые признаки необходимой новизны, которые сейчас уже явно обозначились.

1. Масштабы современных противоречий социализма таковы, что требуют для своего разрешения *всего* человека. Отсюда вырастает объективная потребность во *всестороннем* развитии человека. Такое развитие есть уже не просто пожелание или мобилизующий лозунг, но неотложная необходимость, требование, предъявляемое к каждому человеку. Здесь мы усматриваем определенную историческую конкретизацию коммунистического идеала.

2. В общественном идеале в соответствии с объективными потребностями времени делается акцент на *общечеловеческий интерес*[3].

3. В современных условиях *развитие свободной твор-*

---

ния мысли с предметом. В этом плане «элемент диалектики» в контексте ленинского учения о конкретности истины есть не просто часть, но определенная целостность (элементарная форма субстанции как тождества мышления и бытия), которая может быть обнаружена не только в понятии, но и в образах живого созерцания (метафорах, народных поговорках, интуиции, эстетических и нравственных образованиях), в формах самой жизни, выражающей истинную содержательность общественно необходимых идеалов, и др.

[1] См.: Литровик Е. За изобретательность... наказать. — Смена, 1986, № 15; Волков П. Наказаны... за инициативу. — Правда, 1986, 16 окт.

[2] См.: Чупринин С. Фантомы. — Лит. газета, 1986, 4 июня.

[3] Время требует нового мышления. — Лит. газета, 1986, 5 нояб.

*ческой индивидуальности* все больше представляется общественной нормой, а не исключением.

4. Вырисовывается новый идеал умственного развития — мудрость[1] как синтез логики и нравственности.

Таким образом, центром общественного идеала все больше становится *человеческая личность*. Такой идеал находит прежде всего опору в позитивных тенденциях общественного процесса. В условиях современного обострения противоречий между всеобщим и совместным трудом[2] первый начинает все больше занимать доминирующее положение. Таким образом, творчество все больше приобретает статус общей нормы.

Поскольку указанное изменение роли творческого труда неизбежно ставит личность в центр всех социальных преобразований, возрастает роль нравственного начала в человеческой деятельности. В этих условиях *нравственная деятельность вообще приобретает особую значимость, концентрируя в себе всю действительную социальность человека и энергию его творческих деяний.*

Из всех социальных групп молодежь более других предрасположена к процессам обновления и перестройки, воспринимает их с обостренной чуткостью. Это ее огромное преимущество, к которому следует относиться с должным вниманием. Малый опыт может стать верным союзником перестройки. Он предполагает незавершенность, открытость, готовность к изменениям, в нем меньше определенности, догматичности, но зато больше возможностей к универсальному изменению, больше идеальности.

Молодой человек еще формируется как личность, он

---

[1] Турсунов А. Помнить о жизни. — Правда, 1986, 8 дек.

[2] «Всеобщим трудом, — пишет Маркс, — является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 116). «Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» (там же). Этот труд по своему характеру более простой и односторонний, является по преимуществу нетворческим трудом.

весь в поиске положительного идеала. Поэтому ему присуща определенная склонность к идеализации как в плане построения идеальных образов будущей жизни, так и в смысле стремления к совершенству. Даже отрицательный опыт молодой человек воспринимает как положительный. И в этом есть глубокий смысл. Молодость должна многое испытать и всему познать цену. Поэтому жажда социального опыта естественна. Необходимо лишь правильно оценить и подхватить стихийно существующую мотивацию, дать ей истинный мировоззренческий ориентир, наполнить подлинно общественным смыслом. И тогда молодежь может стать наиболее ярким примером для раскрытия проблем современной революционной перестройки нашего общества. Жизнь показывает, что в самые критические, переломные периоды истории молодежь становилась вровень с эпохой и представляла собой существенные точки роста новой социальности и нового мышления.

Не случайно молодость выступает и как нравственная категория, а не просто как определение возраста. Мы ценим и уважаем тех людей, которые сохранили в себе молодость как нравственное измерение своей личности, как готовность к творческим преобразованиям жизни, к дерзанию мысли. В истории всегда ценилась эта молодость духа. Вспомним, например, Сократа, которого так любила афинская молодежь. В нем видели созвучность своему собственному мироощущению и даже нечто большее — свое будущее, воплощение собственного идеала, мудрость.

Может показаться, что пример Сократа является отдаленным историческим эпизодом. Однако именно этот пример мудрости и гражданского мужества несет в себе непреходящее историческое содержание, которое и делает Сократа современником всех последующих эпох, в том числе и нашей. Именно это обстоятельство и способно пробуждать в нашем времени подобные явления, порождать личности общечеловеческой ориента-

ции, такие, как Валентин Распутин, Василь Быков, Чингиз Айтматов и многие другие, которых так любит наша современная молодежь. Они сегодня являются живыми нравственными героями именно потому, что им свойственны молодость духа, непрерывные нравственные искания, способность очаровать поэзией своего подвижнического труда.

Молодежь, ориентированная на подобный тип человеческой квалификации, и может быть, на наш взгляд, названа современной в смысле соответствия ее духу нашего времени, его специфической проблематике. Такая молодежь, имеющая свое историческое лицо, в наибольшей мере несет в себе молодость как нравственное качество. Именно она в условиях современного социального обновления способна пополнять ряды современных новаторов, подвижников.

Вместе с тем мы часто имеем дело с молодежью, хронологически живущей в наше время, но далекой от задач современности. Деформации социальных отношений и система бюрократизации порождают группы десоциализированной молодежи, оторванные от подлинных гражданских интересов, замкнувшиеся на потребительской ориентации. Этой категории молодых людей, еще не нашедшей своего исторического места в общественной жизни, в меньшей степени присущи черты молодости как нравственного измерения жизни. Им особенно нужна помощь в укреплении истинных мировоззренческих ориентаций, соответствующих современным потребностям общественного развития.

Под влиянием назревающих потребностей современной практики и в ходе развития уже имеющегося передового нравственного опыта, связанного с новаторской деятельностью, намечается новая норма нравственных отношений, в которой усиливается общечеловеческий момент. В связи с этим особое значение приобретает *поступок*. На наш взгляд, в категории *поступка* (в его действительном, общественно необходимом смысле)

в соответствии с требованиями сегодняшней перестройки следует подчеркнуть следующие моменты:

1. Поступок — не просто акт поведения, реализующий ту или иную норму, уже сложившуюся в обществе. Поступок — это *творческое* действие, связанное с открытием *новой нормы*[1].

2. В поступке новая нравственность приобретает статус действительности. Если в нравственном идеале новая социальность человеческих связей еще не реализована и существует лишь как идеальный образ, то в поступке нарождающийся социум приобретает своего первого (и на первых порах единственного!) представителя. В этих условиях социального становления создаются предпосылки превращения поступка в общественно необходимую норму поведения.

3. Через поступок осуществляется прорыв в будущее. В этом смысле поступок всегда связан с поступательностью социального процесса. Если нет поступательности, то и нет поступка. Таким образом, поступок есть акт *подвижничества.*

4. Поступок всегда есть акт *нравственной свободы.* Если в своем поведении человек зависит от устоявшихся норм, обстоятельств, лиц и мнений, то в поступке он находится в ситуации свободного выбора: оставаться во внешней зависимости от существующей системы отношений или выбрать путь новой открытой нравственной истины. Человек в данном случае выступает подлинным субъектом формирования нравственных отношений.

5. В поступке достигается *совпадение содержания* идеальных образов с *их осуществлением* в жизнедеятельности личности. Если в поведении имитация социальности была возможна либо путем сведения жизненного процесса к абстрактному идеалу (фанатизм), что создавало видимость его жизненности, либо посред-

---

[1] См., напр., открытие в нравственной деятельности А. Галимзянова из Казани (Морозов Н. Странный горожанин. — Правда, 1987, 2 авг.).

ством сведения общественно необходимого содержания к непосредственной мотивации жизненного процесса, что создает иллюзию духовности, то в поступке просто нет предмета для подобных имитаций. Здесь индивидуальный и общественный интересы органически совпадают.

6. Поступок становится действием высокой социальной заразительности. Личность, совершившая однажды настоящий нравственный поступок, с необходимостью совершает последующую *цепь* таких поступков, развивающих и углубляющих ее нравственную жизнь. Более того, действительный поступок может породить своих *последователей* на пути нравственного поиска, а также побудить к новым творческим действиям в сфере нравственных отношений, к подвижничеству. Недаром ведь силы сопротивления перестройке очень боятся самого прецедента нестандартности поступков людей[1]. Нетрудно видеть, что поступок несет высокий заряд для нравственного преобразования жизни, особенно в молодежной среде. При целенаправленном внимании к нравственной деятельности поступок может стать центром нравственного воспитания, отправным пунктом перестройки отношений молодых людей по пути осуществления нравственного идеала.

Осуществление поступка мыслится нами не как некоторая «чистая» нравственная деятельность в отрыве от насущных дел. *Поступок* — это сама жизнь человека и при должной организации нравственных отношений может стать доминирующим моментом во всякой деятельности. В этом случае любое конкретное дело наряду с его экономическим, технологическим смыслом может приобретать смысл нравственный. Огромное пространство для поступка открывается в сфере свободного времени, которое все больше перерастает в созидатель-

---

[1] См., напр.: Ляшенко В. Кремлевский гектар. — Сов. Россия, 1987, 11 авг.

ный процесс формирования универсальных способностей личности.

В условиях временных противоречий общественной жизни открывается простор для деятельности комсомола, который должен занять определенную социальную позицию по отношению к той части молодежи, которая обнаруживает черты нравственного упадка и определенной десоциализации.

Такая позиция предполагает прежде всего работу по собственному самосовершенствованию, которое может быть достигнуто прежде всего включением в реальные общественно полезные дела. Молодой энергии души сейчас, например, требует современное учительство, ставшее на путь новаторства. Здесь нужны энтузиасты, подвижники, способные не просто восполнить пробелы современной педагогики, разгрести образовавшиеся здесь завалы, но создать принципиально новые образцы учительского труда. Именно на этом участке общественной жизни может сознательно и целенаправленно формироваться молодость как категория нравственная. И в этом процессе важна прежде всего позитивная программа деятельности. Преодолеть отжившие, формализованные способы работы можно лишь путем их постоянного компрометирования положительным творческим действием. Такая работа уже начата учителями-новаторами: Ш. Амонашвили, В. Шаталовым, Б. Эдигеем и др. И было бы непростительным, если бы работа этих начинателей новой Педагогики оказалась эпизодом, частным случаем нашей жизни. Именно молодость в этом деле может превратить начинания новаторов в закономерное общественное явление. Сказанное относится не только к учительскому фронту работы, но и ко всем тем звеньям общественной жизни, где пробуждается новое, требующее энтузиазма и энергии молодости.

При этом молодой человек не должен обольщаться надеждами на то, что само творчество приведет к непосредственному успеху. У нас еще бытуют предрассуд-

ки, сложившиеся вокруг понимания творческого процесса. Мы часто мыслим творчество в каких-то, я бы сказал, комплиментарных измерениях. Сказать человеку, что он наделен способностью к творчеству, здесь равносильно тому, что сказать комплимент или вообще что-то лестное. Да, в творчестве есть и красота, и поэзия. Однако при таком комплиментарном отношении к творчеству мы еще остаемся в границах эстетического его осмысления.

Нравственные же глубины творчества еще предстоит постигнуть молодости. Здесь есть свои трагические узлы и устрашающие бездны, которые остаются за порогом внимания при эстетическом отношении к творчеству. При нравственном же его осмыслении подчеркнуть у человека творческие качества — значит предупредить человека о его трудной и, может быть, трагичной жизненной судьбе. Этот момент в творчестве нам представляется самым важным, если говорить о творчестве всерьез. А поэтому если мы зовем молодого человека на творческий путь, то нельзя оставлять его незащищенным. Сегодня в условиях перестройки и отчаянного сопротивления обюрократизированных элементов общественной жизни, проникших и в среду комсомола, мы обязаны мужественно посвятить молодого человека в суть предстоящих дел.

В этой связи остановимся на принципиальной стороне тех нравственных действий, которые могут быть предприняты комсомолом. Думается, что на пути революционной перестройки в организации новой работы комсомола следует прежде всего продумать способы отстранения от всего отжившего, заформализованного, обюрократизировавшегося, представшего в качестве конкретно-исторического социального зла. В наиболее концентрированном виде это социальное зло в его нравственном смысле выражается в той рожденной в недрах бюрократизма «практической иллюзии» (воспользуемся выражением Маркса), что все жизненные проблемы

молодежи можно решить некоторым магическим действием, называемым «мероприятием». При этом, если какое-то «мероприятие» не удалось, то проводят другое «мероприятие», чтобы поправить дело. Однако цепь таких «мероприятий», уже с самого начала оторванных от реальной жизни и являющихся вследствие этого псевдодеятельностью, не способна разрешить реальных проблем. Однако в силу установившегося шаблона вера в магическую силу «мероприятия» продолжает сохраняться, создавая нравственную атмосферу замкнутого круга, из которого трудно вырваться. Только реальный нравственный поступок, ориентированный на решение реальных жизненных проблем, на наш взгляд, способен разорвать цепи указанного «заколдованного круга».

Первый нравственный поступок, который должен совершить в этих условиях каждый настоящий, осознающий свое *достоинство* комсомолец, — это отстраниться от указанного иллюзорного содержания и включиться в поиск новых, действительных форм комсомольской жизни. Начавший совершать поступок уже не остановится — такова *поэзия поступка.* Второй возможный поступок мог бы быть реализован как защита товарища, наиболее страдающего от разрушающих воздействий формализма, бюрократии, несправедливости и другого социального зла. Поступок *добра* рождает новую нравственную связь, объединяющую людей в неформальную инициативную группу, способную стать при дальнейшем развитии службой нравственной защиты на пути к осуществлению социальной *справедливости.*

Молодому человеку в этом плане предоставляется широкое поле нравственной деятельности. Дело комсомола — подхватить всякую здоровую нравственную инициативу, втянуть ее в русло своей деятельности, сделать энергией дальнейшего совершенствования работы с молодыми людьми, используя при этом те объективные тенденции, которые наметились в сфере труда.

Всякая социальная связь, в том числе и нравствен-

ная, развертывается вокруг определенного дела. Но поскольку сегодня само дело требует непрерывного творческого обновления, реализуемого в массе новых дел, центр тяжести в осуществлении общественных процессов переносится на самого деятеля, творческого индивидуума, начинателя всех деловых инициатив. Если в экстенсивный период социалистического развития намечалось сначала дело, а затем к нему подбирались соответствующие люди, то сегодня усилилась тенденция начинать с человека, способного к новому делу, а затем развертывать само дело. Осуществление деятельности в таком случае оказывается связанным с заинтересованными, способными людьми. Это означает, что особое внимание в современных условиях необходимо уделять *творческой личности*. Родился новатор — не оставляй его наедине с косностью, организуй школу новаторства. Пусть всякий здоровый интерес и энтузиазм получит поддержку и социально укрепится в специфических для нового дела общественных связях.

Большая ответственность ложится на комсомол в работе с той частью молодежи, которая подвержена иждивенческим устремлениям, нацелена на поиск новых развлечений. Не следует при этом надеяться, что вся эта потребительская, а иногда и откровенно паразитическая психология может быть искоренена какими-либо внешними мерами. Необходимо, на наш взгляд, позаботиться о том, чтобы всякая молодежная инициатива, пусть даже во многом несовершенная и наивная, получала выход и соответствующее применение. Запретительская методика здесь ничего не даст. Напротив, нужно дать простор инициативе любой мотивации. Главное при этом — сохранить энергию мотива и затем искать пути его нравственного и эстетического облагораживания, переадресовки. Такая социализация мотивов, требующая от комсомола определенной социальной позиции, должна быть подкреплена процессом нравственного просвещения.

Многие из молодых людей в своих увлечениях часто являются жертвами нравственной непросвещенности. Не имея перед собой живого, идущего из недр самой жизни нравственного идеала, окруженные всякого рода штампами, суррогатами нравственных образов, отжившими схемами, иллюзиями, они набрасываются на новизну всякого сомнительного свойства, тем самым меняя одну иллюзию на другую.

В предыдущем рассмотрении мы выявили некоторые предпосылки и условия осуществления нравственного процесса, его специфику в период современного социального обновления. Выявили также социальные обстоятельства, препятствующие развитию нравственности. Казалось бы, назревает необходимость развернуть резюмирующую ситуацию, предлагающую конкретные ориентиры нравственной деятельности, способствующие созданию и культивированию молодости как нравственной категории. Однако такого итога в виде совокупности нравственных предписаний и требований мы сделать не сможем по самой природе нравственных явлений.

Дело в том, что нравственность не может быть создана какой-либо критикой, обличением пороков и т. п. действиями. В лучшем случае может быть разоблачена, остановлена, обезоружена безнравственность и тем самым созданы предпосылки для продвижения нравственности. Создание же нравственных связей требует положительной программы действий. Но и в этом случае есть свои трудности. Во-первых, нравственности нельзя научить, она есть явление не информационного порядка. К тому же научение предполагает некоторое предписывание как бы сверху, свысока, не на равных. Одно это уже разрушает нравственное отношение. Во-вторых, нравственность нельзя организовать. Можно, конечно, «загнать» человека в какую-то внешнюю для него нравственную норму, ничего не говорящую ни уму, ни сердцу его. Но в конечном счете такая организация

оказывается лишь имитацией нравственности. Надежда на такую организацию есть технократическая иллюзия.

Нравственность можно лишь пробудить в другом человеке, находясь с ним в равном соучастии, сотрудничестве. Поэтому в созидании нравственных отношений если и могут быть какие-либо ориентиры, то лишь как интимно-творческие позывные жизненной судьбы, приглашающие к взаимному соучастию в жизнетворчестве. Поэтому из всего прогрессивного гуманистического опыта мы можем взять самое немногое и вместе с тем такое, без чего вообще не может состояться нравственность. Все наши организационные усилия, какую бы мощь они ни приобретали, какие бы условия для нравственности они ни подготавливали, не могут обеспечить появления самой нравственности, если не ориентированы на те основополагающие принципы, без которых нравственности вообще быть не может.

# «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Какая она, современная молодежь? Что мы знаем о ней? Каковы ее устремления, интересы? По этим и другим молодежным проблемам шли острые, принципиальные дискуссии на XX съезде комсомола. Задачи формирования духовного мира советской молодежи, особенно в условиях перестройки всей нашей жизни, приобретают и теоретическую и практическую остроту, значимость. Воспитывать на нравственных ценностях, на идеале — в этом назначение комсомола, всех тех, кто работает с молодежью.

В издательстве «Молодая гвардия» в 1987 году был проведен «круглый стол» по проблемам духовной жизни молодежи, ее нравственных исканий. На этой встрече выступили философы И. Кичанова, К. Мяло, В. Шердаков, писатели А. Буйлов, В. Ганичев, М. Щукин, К. Раш, Л. Бежин, В. Карпец, журналисты А. Доронин, А. Лисенков, композитор М. Ермолаев. Некоторые из выступлений мы помещаем в сборнике.

КИЧАНОВА И.,
доктор философских наук

## ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Когда встает жизненная задача — отстоять справедливость, нравственно достойное, добро, немедленно возникает вопрос: как противостоять злу?

Сегодня все более понятно: прежде всего — личным участием. Там, где я, где ты, в среде обитания должен каждый из нас не допустить попрания справедливости, попрания нашей морали. Моральность человека выражается не в мыслях «про себя», а в его активности: защитить любой росток достойного, нравственно здорового, на что покушаются противники нашей морали.

Защитить... Но по самому своему смыслу это означает — стать щитом (от града стрел, от пуль, от шквала нападок), стать рядом с тем, кого умело выбивают из седла. Но, столкнувшись со злом, должен ли ты принимать навязываемую злом логику сражения? Не грозит ли сам факт столкновения утратой нравственной цельности? А если в борениях один на один со злом утрачиваешь эту внутреннюю целостность, то можешь ли считать себя выразителем высокой нравственной позиции?

У Руслана Киреева есть интереснейшая повесть «Под крышами старого города». Герой ее, талантливый, порядочный человек, стремится только к нравственно позитивным поступкам. Избегает столкновений со злом: не хочет связываться с делягами от науки, с которыми его столкнула судьба. Не хочет «пачкаться» о зло. Герой непоколебим в своей верности учителю, в своей моральной стойкости. Но отказывается молодой ученый от предложений и посулов, сделанных ловко, даже искусно, самым «деликатным» образом, с тем чтобы не обременить свою чувствительную совесть и щепетильность. Он вроде бы остается чист, с незапятнанной совестью, но... умыл руки. Преодолев «искушение», отошел в сторону.

Узнаваемая ситуация? Она вызывает желание осудить. Но в повести герой выписан так достоверно. Он, несомненно, чист и пассивен не от трусости или корысти. Как же преодолеть реальную опасность утратить

саму нравственную чистоту в неизбежном ближнем бою? Загадочно погибает герой Руслана Киреева. Возвышенный и притягательный образ вначале, он постепенно утрачивает наши читательские симпатии. Чувствуется, что автор не видит, как может разрешиться коллизия поисков такого пути. Но мы видим сам поиск.

Добро должно быть с кулаками? Это заведомо не подходит герою, да и вопрос, дает понять автор, для личности современного склада так ставиться не может.

Как остаться на высоте? Сегодня эта проблема чрезвычайно важна для того, кто стремится, будучи порядочным, социально активным человеком, бороться со злом в нравственной сфере. Разве нет в жизни таких людей, которые, разгребая нравственные завалы негативного, застойного, были бы способны одновременно решать созидательно-конструктивные задачи? Их надо видеть, значимость и смысл их «модели» жизни надо раскрывать, выявлять. В противном случае мы столкнемся со стремлением утвердить монополию религиозного решения проблемы борьбы с моральным злом, с религиозной моделью морали, с отчуждением. Зиждется она на пути преодоления зла через личное страдание и, возможно, личную гибель. К такой формуле понимания личной ответственности за зло, к такому видению пути его преодоления обращаются те, кто не нашел в реальной жизни опоры для его радикального преодоления — в коллективе, в значимых для человека жизненных примерах.

Рукопашная схватка с теми, против кого выступаешь... А если он использует запрещенные, недостойные приемы? И тебе тоже вооружаться таким же оружием и столь же умело действовать? И в средствах борьбы уравнять себя с антиподами нашей морали, то есть саму эту мораль унизить недостойными приемами

борьбы за нее? Эти вопросы могут обрести предельную остроту, остроту гибельную.

Пример совсем нелитературный. В большом сибирском городе произошло трагическое событие: пятнадцати-семнадцатилетние мальчишки вечером привязались от нечего делать к парню, недавно возвратившемуся после службы в Афганистане. Привязались не с целью грабежа, а как ко многим другим до него: поиздеваться, припугнув, чтобы почувствовать силу стаи. Но «объект» нестандартно себя повел, принялся разговаривать с ребятами, достучаться пытался до их нутра. Это и разозлило: «Какое дело кому-то, чем я живу, а ничем! Ты кто такой, чтоб учить!» Злобность, однозначная уверенность в кулачном праве, привычная вседозволенность, моральная глухота — что из этого стало детонатором? Озлобленные подростки, всей толпой набросившись на вчерашнего армейца, нанесли ему тягчайшие увечья, от которых он скончался. Он мог без труда их всех раскидать, но стоял в позе защиты, пока пытался вызвать на разговор стаю, не употребил своей силы, ловкости, своего умения побеждать в схватке. Это происшествие вызвало нравственное потрясение у всего населения города, но были и упреки. Со стороны родителей тех, кто его бил: армеец, он же мог защищаться, и тогда бы не было трагедии. Пусть бы «проучил» недорослей кулаками, умней бы стали. Но в том-то и дело, что человек надеялся, что не придется пускать кулаки в ход, у него была иная позиция. Он показал, что владеет приемами, но не намерен избивать нападавших. Этим и воспользовались. И ведь выслушали, как стало потом известно, что говорил им «афганец» о порядочности, честности поединка... Редкий случай. Крайний. Нетипичный.

«Кто злом владея, зла не причинит, не пользуясь всей мощью этой власти...» Гениальный Шекспир видел в такой позиции нравственное величье: «ему дано величьем обладать», призывал чтить это величье.

Мы познакомились с крайней заостренностью позиции «не ответить на зло» и ее трагическим исходом. Заметим, что рисунок поступка схож с поведением героя «Плахи» Ч. Айтматова. Автор выстраивает поведение бывшего семинариста на основе религиозной нравственной мотивации по сюжету евангельского повествования об Иисусе-мученике, религиозной моралью продиктованы способы борьбы Авдия со злом. Среди читателей оказалось немало таких, кто решил: вот он, истинный путь борьбы за добро и справедливость. И заметьте, об Авдии спорят, о нем более всего спрашивают автора в интервью, телебеседах и на многочисленных встречах. Но в любой полемике о «Плахе» звучит еще одна тема: жизнь нашу движут люди типа Бостона — другого героя произведения. Знаком нам по многим жизненным примерам этот человек, его позиция непримиримости к моральной скверне. Как мы помним, Бостон, не найдя разрешения трагедии, вызванной преступником, негодяем, вершит над этим негодяем суд. И вслед за этим вершит над собой собственный суд, суд совести. Потому что в защите достоинства — своего личного и окружающих — в отчаянном и праведном гневе переступил он черту законного и за это добровольно на суд закона отдает себя. Тут сгусток противоречий, пик нравственного конфликта. Мы сопереживаем герою, зная, что нередко происходят и рядом с нами подобные борения, пусть не в самом крайнем выражении.

...Подвижники. Мы их встречаем в нашей жизни, но не всегда узнаем. А точнее, не всегда вникаем в нравственное содержание их поступка. Многочисленные примеры воплощения позиции безупречной верности принципам вопреки всему, что противостоит, мы встречаем на страницах печати, в литературных произведениях. И, заметим, преимущественная тональность описания — трагедийная, или уж, во всяком случае, минорная. Герой проходит мучительный путь, и далеко не всегда этот

путь ведет к реальному результату, утверждению истины. Чаще человек сломлен физически. Откуда эта «фатальность»? Думается, ныне эта «фатальность» преодолевается. Но и сейчас есть основания именно для такого хода вещей, для противодействия добру. И не уменьшается задача преодоления того, что мешает осуществиться нравственно достойному, возвышается значение проблемы средств борьбы со злом и средств обезвреживания. Мобильность, агрессивность, отсутствие нравственных ограничений и барьеров, закулисные действия, к которым зло прибегает для защиты и обеспечения групповых и личных интересов. Нравственно достойная личность не может позволить втянуть себя в эту небезобидную суету. Но следует ли из этого, что «неведение», «святая простота» являются необходимыми и желательными качествами нравственной личности?

«Зло, разве оно не заражает тебя самого, когда ты ему противодействуешь? Зло «тянет на свою территорию», навязывает свои методы. Значит, борясь со злом, заражаешься им, меняешься сам» — это размышление выразило настрой многих юношей и девушек, рабочих — студентов ЗИЛа, собравшихся в Останкинскую телестудию на встречу с писателем Ю. Бондаревым.

Может быть, надо лучше знать стратегию и тактику нравственно деструктивных сил, владеть этими знаниями, не пуская их в ход, но и не позволяя использовать. Этому и служит знание зла, в этом выражается владение этим знанием. Например, своеобразный антиморальный «катехизис» содержится в житии Остапа Бендера. Давно бы пора заняться развенчанием этого персонажа с нравственных позиций. Смешливо, ернически, «чтя уголовный кодекс» и попирая моральный, повлиял он на психологию не одного читательского поколения. Поэтизация борьбы за денежные знаки, когда все вокруг поголовно дураки («командору» не встретился ни один

порядочный человек, лишь жулики, недотепы, слюнтяи и радостные дебилы), предстает в хлестких речениях, остроумных репризах и едких репликах. Впрочем, приемы «командора» архаично выглядят в сравнении с современными его последователями. Приемы эти надо знать. Думается, тут один из путей успешного противостояния злу и к победе над ним. Но главное заключено в каждом из нас. Давайте узнавать истинных правдолюбцев и подвижников. Попытаемся не проходить мимо — когда им трудно... Протянем им руку в трудный момент, придем на помощь, поддержим. Все чаще к практическому решению этой проблемы обращается печать, трудовые коллективы, конкретные люди. Интересен опыт, его обобщение.

...«Советская Россия», — газета, последовательно рассказывающая о прорабах перестройки, однажды собрала героев полосных очерков. Среди них были секретарь райкома из Липецкой области Александр Филиппович Давыдов, председатель сельского совета из района Большого Сочи Дмитрий Владимирович Куликов, саратовский ученый — селекционист Нина Николаевна Салтыкова, ленинградский гидротехник Вячеслав Степанович Кузнецов, бригадир угольщиков из Кузбасса Владимир Матвеевич Гвоздев, руководитель подмосковного строительного треста Николай Ильич Травкин. Рассказывая об этой встрече в журнале «Журналист», главный редактор газеты В. В. Чикин отмечает общие черты героев очерков — людей, каждый из которых своеобычен, не похож на другого. Общая для них коммунистическая нацеленность, чувство реализма (правдознание), чувство личной ответственности, новаторский склад, полная самоотдача и... магнетизм личности. Нина Николаевна Салтыкова, ученица и последовательница Н. И. Вавилова, на этой встрече очень ярко сказала о необходимости защиты от моральной агрессии, от происков и травли со стороны противников перестройки. «Нам всем надо заботиться о таком порядке вещей, ко-

торый оградит честные силы перестройки, беззаветных бойцов социалистической справедливости от морального изнурения, психологической расправы. Конечно, «прорабы» выстоят, даже закалятся, но не вернуть потраченных сил и времени. Справедливость требует, чтобы тех, кто науськивает, кто содействует, кто адвокатирует эту травлю, мы в лицо назвали противниками перестройки» («Журналист» № 3, 1987, стр. 20).

Деляга, жулик и моральный манипулятор — мастера заспинных маневров — пуще всего боятся гласности и общественного суда на его основе. Очищение нашего нравственного климата, конечно же, приводит к нравственному возвышению. Нравственная чуткость к добру и нравственная непримиримость ко злу. Преодоление стереотипа «ветряной мельницы», фатальной обреченной страдательности. Видение нравственной деструктивности ее маневров, совершенствование себя, помощь тому, кто комиссар перестройки. Стремление самому таким комиссаром быть. Не на этих ли путях наши нравственные сдвиги, наши победы над моральным злом, наши успехи в утверждении нравственно достойного, нравственно высшего. И, может быть, на этих путях обретаем мы самые глубокие переживания, самые сильные импульсы жизни, чувствуем точки роста, ощущаем озон нравственного возвышения? Именно эти реалии в наибольшей мере воздействуют на возвышение нравственных ориентаций трудящихся-верующих, на динамику их духовных потребностей и интересов.

Авдий Калистратов, герой «Плахи» Чингиза Айтматова, заставляет задуматься и о насущных делах в нашей атеистической работе, о ее направленности, о сегодняшних ее акцентах. Перед нами явление, о котором теоретики атеистического воспитания пишут диссертации, научные труды и популярные брошюры. Явление это называется социальная активность верующего; возрастание стремления среди верующих внести собствен-

ный вклад в строительство нашего общества. Обычно отмечается и позитивно оценивается труд верующего на рабочем месте. Но вот перед нами попытка нравственного усилия противостоять злу реальному. В сегодняшней атмосфере людям типа Авдия есть где применить свое нравственное кредо, уменьшается, отпадает у личности потребность в нравственной исключительности, культивируемая религией. Обнаруживается, сколь плодотворно применение способностей человека, его талантов на поприще утверждения ценностей социалистического образа жизни.

Может быть, надо уметь помочь прийти к такому решению молодому верующему? Может быть, внимания к таким молодым людям требуется не меньше, чем к «неформалам» — рокерам, металлистам и т. д.? Работая с молодым верующим, мы должны исходить из наличия у него нравственных ценностей. Уже давно (в теории на пропагандистском уровне) признаем общий пласт этих ценностей — общечеловеческие нормы нравственности и справедливости. Мы имеем дело нередко с ситуацией, когда верующий реализует своим трудом социальные цели общества, является патриотом в духовно-нравственном плане. В настоящее время решается задача повышения уровня и степени единства трудящихся верующих и неверующих на основе их позитивного отношения к социальным целям, духовно-нравственным устоям нашего общества; предстоит работа по возвышению мировоззренческого уровня духовно-нравственных потребностей, интересов, идет поиск. Работа эта не на виду, исключает торопливость, «валовой подход», цифровую отчетность, шумиху, парадность.

Случалось мне встречаться с обидой, высказанной молодым пропагандистом, ведущим работу с верующими в трудовом коллективе. «Не очень-то престижна наша работа, ей и внимания уделяется мало, верующие-то, как правило, не стремятся к шумовым эффек-

там, вот и мы не на виду. А на виду «шумные» — разнообразные неформалы. Только ведь неформалы эти, разве они нашу мораль не попирают? И разве с такими навыками распущенности, вседозволенности будет молодой парень хорошим работником, а девушка — хранительницей семейных добродетелей? Как же так получается, что в работе самое большое внимание отдается неформалам-негативистам? Обидно». Обратила я внимание «обидевшегося» пропагандиста на других неформалов — работающих в детдомах, восстанавливающих памятники, возрождающих фольклор и т. д., на тех, у кого отчетливо видно стремление делом включиться в перестройку и, что важно, приумножить нравственный потенциал общества. Мой собеседник задумался и подытожил: «У рядового молодого верующего рабочего нашего завода нет негативизма. А позитивные начала усилить — это в наших возможностях, и мы, кто работает с ним, тут многое можем сделать. Только вот, кроме личного удовлетворения, еще и поддержка нужна. И пусть вместе с укреплением престижа добра (тут он согласился со мной: да, укрепляется престиж добра и справедливости) пусть больше будет внимания к тем, кто себя вкладывает в конкретные, позитивные дела». ...Согласимся с этим мнением?

Вернемся к встрече молодых рабочих-студентов с Юрием Бондаревым. Размышляя о том, какие избирать средства в борьбе со злом, выступавшие обращались к нравственной позиции: борьба, столкновение, то есть соприкосновение с нравственной скверной, но при этом должна быть граница, за которую нельзя разрешить себе выйти, ступенька, с которой нельзя сойти, дальше — пропасть. Поиск средств и путей преодоления нравственного зла — это в каждом случае новое решение, это и сотворение себя, своей линии, позиции, поступка. Это творчество. Может быть, самый трудный его вид.

БЕЖИН Л.,
критик, прозаик

# ПУТЬ К ПРАВДЕ (О ДУХОВНЫХ ИСКАНИЯХ В ПРОЗЕ МОЛОДЫХ)

Недавно мне довелось встретиться с одной молодой немецкой писательницей. Естественно, разговор зашел о литературе, о языке литературных произведений, о влиянии друг на друга различных литератур мира. И моя собеседница сказала: «А почему вы, русские, не переходите на латинский алфавит? Ведь это отгораживает вас от всего остального мира, создает непреодолимый барьер между вами и вашими соседями». Я стал объяснять, что азбука — это такой же памятник, как храм Покрова на Нерли и соборы Кремля. Когда у нас отменили твердый знак в конце слова, Блок говорил, что отныне для него сад — не сад, а лес — не лес. Эти слова утратили свойственный им первоначальный зрительный образ, свою внутреннюю семантику, и поэтому смысл их был искажен. Но тем не менее убедить ее мне никак не удавалось. И в конце концов она воскликнула: «Все вы, русские, безнадежные идеалисты!» В ответ я тоже сказал, что меня настораживает некоторый прагматизм мышления молодых немецких писателей. Они — наследники Гердера, Гёте, Гегеля, — забыли о величии духовных традиций своих предшественников. Всякий раз, когда я эти слова произносил, моя собеседница меня перебивала одной и той же фразой: «Пожалуйста, конкретней!» Такие суждения ей казались неконкретными. И я подумал: «Может быть, мы действительно идеалисты?» Размышляя, я убедился, что доля истины в этом определении есть.

Мы действительно уступаем многим в умении прак-

тически наладить нашу жизнь. Сейчас открыто можно сказать, что люди у нас работают много, а живут плохо, что в обыденной жизни не хватает подчас самых необходимых вещей. Приходится доставать через кого-то то, что должно открыто просто лежать на прилавках магазинов. И проблем здесь никаких быть не должно. Именно с этим сейчас и ведется борьба. Эту общую обиду и горечь со всей силой выразила наша большая литература, много сделавшая для того, чтобы подготовить общество к процессу перестройки. И в лучших произведениях молодых писателей были художественно обозначены проблемы и противоречия, сформулированные в партийных документах.

Обратимся к рассказу — одному из самых распространенных жанров в прозе молодых. Отчего возникает злоба между героями известного рассказа Бардина механиком Заваленовым и пожилой женщиной, оскорбившей его в автобусе?

Ехали в автобусе. Он как-то неловко ее толкнул, и она его оскорбила. Возникла злоба. Она вышла из автобуса, он стал ее преследовать — от дома, до лифта. И когда она уже от ужаса, от панического ожидания чего-то страшного, ужасного просто потеряла сознание, он только тогда начал понимать, что же это такое он сделал и как все это случилось. Отчего эта злоба? Да именно оттого, что приходится тратить так много сил на беготню по всему городу, чтобы через каких-то там близких знакомых достать необходимые в быту вещи.

Другой рассказ, Татьяны Набатниковой, писательницы из Челябинска, «Тебя от ранней зари». Пронзительный рассказ о послевоенном детстве, о саманном домике в каком-то глухом поселке, о первой любви, о послевоенном кино, о бедности, о голом и скудном быте. Отца, который изменяет матери, дочь застает за тем, что он читает ее дневник, ее самое сокровенное, что она доверяет бумаге. И удивительная психологическая

подробность: вместо того чтобы выхватить из рук, убежать с этим дневником, вместо того чтобы высказать отцу то, что она испытывает в эту минуту, она вдруг говорит: «А я все это наврала» — и убегает. И потом сама же мучается, называет свою натуру рабской. Это не только черта ее собственной, личной психологии, здесь что-то подмечено от психики целого поколения, выросшего на тех определенных социальных явлениях, с которыми ведется сейчас борьба. И эту борьбу можно понимать не только экономически, ее нужно понимать как борьбу с этим внутренним рабством, которое обнаруживает в себе героиня.

Такой же жестокий счет предъявляет своим героям писатель Ярослав Шипов. У него есть прекрасный рассказ «Счет». Тоже о войне, об интернате, о том, как директор этого интерната заставляет полуголодных детишек по ночам подниматься по учебной тревоге и ползать по заснеженному кладбищу, демонстрируя свою готовность. Он воспитывает из них сильных людей... Все тогда воспитывали сильных людей! И возникла двойственность: эти сильные люди шатались от голода, от недоедания, от слабости, а их всячески заставляли быть сильными. Такой же жестокий счет предъявляет Владимир Карпов в рассказе «Вилась веревочка»: о детском уголовном мире, о порабощении одного маленького человека другим.

Или, скажем, Петр Краснов в его известном рассказе «Шатохи», посвященном тому, как деревенские жители собираются вместе, чтобы истребить бездомных бродячих собак, как они устраивают облаву: и самим-то им стыдно, что они делают, и понимают, что этого не надо, что это негуманно, а вот все-таки делают, подчиняясь какому-то неопределенному внутреннему велению.

Да, действительно, идеализм в практической жизни — это участь плачевная, но в то же время это же понятие, подумал я тогда, имеет какой-то, безусловно, положительный смысл, оттенок, потому что жажда ду-

ховного в нашей истории, в наших традициях всегда была сильнее стремления практически наладить нашу жизнь. И писателя, на мой взгляд, больше должен интересовать даже не язык в более широком понятии. Существует, мне думается, как бы метаязык жизни, те понятия, которые вырабатывает сама жизнь. Этот большой язык тоже меняется по своим особым и часто нами не сознаваемым законам. И если исходить из этого большого языка, то многие понятия, привычные понятия духовной традиции, духовной жизни, сейчас тоже изменились и тоже стали иными. Возьмем, скажем, такое понятие, как отшельничество, затворничество, уединенность от людей. Их смысл как бы выветрился, потерял свое первоначальное значение.

В рассказе тверского прозаика Михаила Петрова «Отшельник Журавлев» показан такой современный отшельник, бросивший свою профессию, семью, друзей, ставший истопником в котельной, — просто никого не хотел видеть, мечтал только читать книги. На самом деле он фрондер. Такой же фрондер у Шипилова в в рассказе «Одиноко». Он разочаровался в любви, в своей любимой девушке, захотел всех наказать и убежал в деревню, став там отшельником. Но это смешной отшельник. Понимаете?.. Внутренняя сущность этого понятия исчезла, выветрилась. И в то же время новые герои, действительно духовные люди, сейчас выступают как бы под совершенно иной оболочкой. Они сейчас выглядят не так, как выглядели настоящие духовные люди раньше. Сейчас таких седовласых старцев-отшельников, которые добру научат, и приветят, и обогреют, не встретишь. А духовные люди — они другие. Вот, скажем, Колька Рыжий из рассказа Олега Пащенко «Колька Медный, его благородие». Это человек, который ни в какое отшельничество не уходит, от людей не отъединяется, а, наоборот, стремится взвалить на себя как можно больше чужих забот.

Я хочу сказать, что надо в жизни видеть новых про-

роков, тех, которые, может быть, Пушкину были еще неведомы. Есть такое понятие в восточной философии — расхождение между вещами и именами. Вещи и имена разошлись, отсюда и все социальные трагедии. Отчасти мы сейчас это тоже переживаем. И пример такого расхождения — определение XX века как века сугубо технического, утилитарного, ориентированного на материальный прогресс. Но ведь это совсем не так. И объясняется это скорее нашими собственными стереотипами мышления, чем реальным положением вещей. Если отбросить эти стереотипы, мы увидим подлинные, мощные гуманитарные веяния XX века. Просто что-то мешает нам заметить. А в литературе это прослеживается. В рассказе Юрия Вяземского «Цветущий холм среди пустого поля» показан чувствующий, духовный человек. То, чего сейчас так не хватает. Человек сейчас социальный, сейчас пишут социальными знаками, и никто не пишет подлинными психологическими эссенциями, никто не показывает, как человек чувствует. А это, мне кажется, одна из самых главных проблем — показать человека чувствующего.

ДОРОНИН А.,
журналист

## О МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И О ДРУГОМ...

Мы часто говорим о непримиримости двух идеологий и в то же время нередко сами открываем просто-таки зеленую улицу массовой культуре, причем самому низменному ее срезу, самому бескультурному. И именно этот срез популяризируем, говорим: дайте молодежи высказаться, это ее музыка. Мальчишке-подростку, кото-

рый еще не научился разбираться в музыке, не научился ее слушать, которому пока что еще не с чем ее сравнить, предлагают «тяжелый» рок и говорят: он сам придумал эту игру, не мешайте ему. И культивируют такую точку зрения.

Но ведь есть и другие молодые, о которых редко приходится читать. В Коломне создан клуб под руководством Александра Суркова, сейчас в нем уже 450 человек. Они серьезно изучают фольклор, поют старинные песни. Ребята, чтобы вступить в этот клуб, принимают присягу в Дубосеково.

Клуб был создан не на пустом месте — горком комсомола Коломны создание такого коллектива включил в план работы с трудными подростками. Александру Суркову поначалу было очень нелегко: не шли ребята, не хотели, не доверяли. Собирал он всех, кто придет, начиная с тех, кто состоял на учете в милиции. Таких ребят надо было чем-то привлечь, ведь трудных подростков обычно пугают комсомольские мероприятия. Александр Сурков увлек ребят историей, русскими народными песнями. Они стали петь в хоре. Причем, что интересно, хор этот в сто человек начал исполнять не только простые, всем известные песни в несколько куплетов, но и сложные старинные былины, в которых оживала история.

Кроме хоровых занятий, у клуба много других направлений деятельности. Ребята помогают убирать урожай в районе, работают в колхозе. Ходили на Кавказ, в горы. Мальчишкам по 14—15 лет, а родители отпустили их — таков авторитет Александра Суркова. Сам Александр уже пятнадцать лет работает педагогом в пединституте, преподает французский язык, и все эти годы рядом с ним молодежь. Он прекрасно поет, читает стихи, играет на гитаре, сочиняет песни, а главное, умеет передать свою увлеченность ребятам. Когда они ходили на Кавказ, 14—15-летние мальчишки выполнили взрослые нормы по альпинизму. В коллективе сплоченность,

чувство локтя, все как одна семья. Их 450 человек, а коллектив не распадается. Я считаю, что это очень интересное явление. О нем еще никто не слышал, но, если кто-то хотел бы перенять опыт, рекомендую туда поехать и посмотреть. Там есть чему поучиться. Клуб неформальный. Комсомол поставил задачу, а человек нашел творческую, неформальную форму ее выполнения. На мой взгляд, так должны работать в комсомоле.

ШЕРДАКОВ В.,
доктор философских наук

## БЕЗ ИДЕАЛА НЕТ НРАВСТВЕННОСТИ

Сегодняшняя ситуация требует продолжить ту традицию, которая сложилась в русской художественной литературе и публицистике. Это — обсуждение вопросов духовной жизни, нравственных идей, нравственной философии. То, чем всегда была сильна русская литература, и я думаю, что советская литература никогда не упускала из рук эту проблематику. Я согласен, например, с Ф. Абрамовым в том, что по-прежнему наша литература является лучшей в мире: дело не в том, что, скажем, американская литература малоталантлива, а в том, что нам есть что изображать и отображать — реальная проблематика. Есть какая-то субстанциальная жила, на чем вырастают наши писатели. В XVIII, XIX столетии можно легко найти приметы нашего времени, но ни в коем случае нельзя терять того, что было достигнуто, — особенностей мышления, особенностей культуры, которые, конечно, не могли в корне поменяться за несколько десятилетий.

Самые главные наши потери последнего времени —

это прежде всего потери нравственные, размывание самой позиции нравственности. Что такое нравственность? Спросите сейчас об этом любого студента, эдакого интеллектуала. Слова найдутся, но мысль скорее всего будет такая: добро — это общественная польза, а нравственность — это вообще правила общежития, которые помогают людям сосуществовать друг с другом. Значит, нравственность — это сумма каких-то условных правил, меняющихся с течением времени, которые нужно выполнять только потому, что общество этого требует, или исходя из разумных соображений. Что же будет, если люди начнут красть, друг друга обманывать и т. д.? Если подводить под нравственность, это значит поставить крест на нравственности, исчезнет основание чтить нравственные требования. Собственно, зачем в таком случае их чтить, если нет ничего святого, если это всего лишь сумма условных, относительных правил? Все это приводит к поискам чисто рациональных, утилитарных правил, оправдывающих поведение, такие взгляды распространяются на все, вплоть до отношения к матери. «Почему я должен любить свою мать? Надо еще посмотреть, заслуживает ли она этого? Вот, например, у моего приятеля мать, она действительно достойный человек. А моя?.. Мы же разумные, трезвые люди...» Человек как бы научается руководствоваться утилитарными, разумными соображениями. Гедонизм, релятивизм, относительность всех представлений о нравственности — вот что представляет собой большую угрозу, разъедающую души людей.

Есть в этом и наша вина, вина обществоведов, в особенности философов. Мы исказили представление о нравственности. Убрав бога, мы убрали и понятие святого. Между тем правомерно оно, это понятие или нет? Я думаю, что без понятия святого, без представления о святом не может существовать никакая нравственность. Ни в каком обществе. Закон нравственности — это нечто большее, чем правила поведения, он гласит: «Ты не

стал, ты не являешься тем, кем ты должен быть, и ты это знаешь». Это зов к высшему, к идеалу. Здесь мы осмелились прикоснуться к богословскому тезису: «Без веры нет нравственности». Мне тоже не раз в свое время приходилось его отвергать, но он верен не по своей направленности, а по констатации того, что есть на самом деле. Конечно, без веры, без глубокой веры, без идеала нравственности нет. Она не держится на рациональных основах. И безусловно, прав философ Ю. П. Давыдов в утверждении, что до сих пор мир не знал ничего выше нравственной философии, философии идеала, развитой в сочинениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Философы за последние десятилетия сделали много упущений и должны нести за это ответственность. Обновление должно коснуться в первую очередь философской науки. И я думаю, что один из рычагов обновления общества заключается именно в сфере духовной жизни. Если подорвана великая идея, если идеал подорван, тогда начинаются поиски в других сферах. И именно в поисках высокой идеи не случайно обращаются к религии, религиозным идеалам. И не стоит считать, что мы все знаем, все нашли. Идут поиски, они закономерны. Нравственность — это то, что люди нашли, и во многом то, что еще должны найти.

И еще вот о чем хотелось бы сказать. Нравственность и воспитание должны носить народный характер. Сейчас говорят о народной медицине: очень много секретов, много ценного. Я уверяю, что и в народном воспитании, о котором мы забыли, тоже скрывается колоссальный опыт поколений. А современная педагогика и психология мало что знают об этом. И конечно же, воспитание не может быть ненациональным, наднациональным. Интернационализм может быть воспитан только на национальной почве. Не тогда, когда человек не знает своей малой родины, а тогда, когда он любит свою родину, свою нацию и с уважением относится к

другим нациям. Только в этом случае интернациональное воспитание будет действенным. Не может человек иметь внутренний нравственный стержень, если он не привязан к своей почве. Вот над этим тоже, видимо, стоит задуматься и менее стесняться разрабатывать эту проблематику, потому что и в ближайшем будущем актуальность ее не снизится ни в коей мере.

МЯЛО К.,
кандидат исторических наук

## О КУЛЬТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Сегодня, спустя вот уже 30 лет после того, как на сцену нашей общественной жизни выступило «поколение джаза» — поколение, для которого джаз был не только и даже не столько музыкальным направлением, сколько *символом, некоего вызова неким устоям,* мы столкнулись с тем же, по сути, социально-психологическим явлением. Ритмы буги-вуги и рок-н-ролла приветствуются ликующей аудиторией с энтузиазмом, который, казалось бы, был уместен лишь при исполнении новой «Марсельезы», — настолько явно относится он отнюдь не к музыкальным достоинствам слушаемого.

Есть что-то комически-нелепое, а вместе с тем глубоко тягостное в том, что молодежь (пусть часть ее, но ведь немалая) великой страны, великой культуры в ответственнейший период ее развития как знамя социального обновления готова поднимать даже профашистские западные музыкальные группы «Manowar» или «W.A.S.P.», а то и просто наделяемую неким мистиче-

ским сверхзначением мишуру коммерческой буржуазной культуры.

Меньше всего я адресуюсь здесь к рок-музыке вообще: на мой взгляд, это сложное и интересное культурное явление, имеющее и своих сторонников, и своих противников, свои успехи и свои провалы. Речь о другом: о том, что даже в тот период ее развития на Западе, когда она была символом антибуржуазного протеста и даже контркультурного бунта, она не становилась символом национального и исторического самоотречения, как это, к сожалению, порою бывает у нас, и на этом уровне ритмы буги-вуги и рок-н-ролла получают тот же смысл, что и англоязычные надписи на одежде или шумно аннотируемый проект покупки «Челюстей», видимо, также понимаемый как символ преодоления нашей «провинциальной отсталости».

В самом деле, сейчас, когда начались кооперативные эксперименты и когда выяснилось, что одна и та же вещь имеет гораздо больше шансов быть проданной, если на ней красуется надпись «Holly» или «Columbia university», и что, стало быть, решающая роль принадлежит не ее качеству, а ее «знаковости», было бы бессмысленно обманывать себя и закрывать глаза на то, что перед нами именно знаки, в строгом значении этого слова, то есть символически сжатые «суммы» определенной системы ценностей, и речь идет пусть о зачаточном рептильном, но все-таки социально-идеологическом выборе, об идеале, или, во всяком случае, выборе, который этим выбором обозначается. Ведь мы признаем сейчас, когда в моду на Западе входят вещи с советской символикой, что эта мода свидетельствует об интересе к процессам, идущим в нашей стране. Почему же так боимся признать и обратное?

Драматическим образом возможность развития на этой почве настоящих конфликтов в молодежной среде была продемонстрирована весной 1987 года, когда, не без участия прессы, антагонизм между «западниками»

и «антизападниками» едва не развернулся в кровавое столкновение. К счастью, его удалось предотвратить, но нельзя не видеть, что ситуация продолжает оставаться отнюдь не безоблачной. Более того, вопрос о том — облачится ли перестройка в символы нашей собственной истории, нашего сделанного 70 лет назад и оплаченного тяжелыми жертвами выбора, либо изберет для себя символы исторического самоотрицания — обозначился как один из возможных узлов будущих конфликтов, и это понятно, ибо в конечном счете молодые люди интуитивно чувствуют, что речь идет не только о знаке, но и о сути перестройки, сути, по отношению к которой знак совсем не нейтрален.

Довольно остро прозвучала эта тема на информационной встрече-диалоге молодых «неформалов», проходившей 20—25 августа 1987 года в Москве под общим девизом «Общественные инициативы в перестройке». По существу здесь впервые прямо был поставлен вопрос о существовании в нашем обществе каких-то групп населения, заинтересованных в определенной «капитализации» страны, в подмене социалистической перестройки *пересадкой* на нашу почву экономических и политических институтов буржуазной демократии. Такая пересадка представляет для дела перестройки не меньшую, видимо, опасность, нежели удушение этой перестройки ортодоксальной бюрократией.

Думается, однако, ни у кого не вызывает сомнений, что сама по себе, в чистом виде, эта идея никак не может быть поддержана широкими массами. А коль скоро это так, разве не логично будет предположить, что *слом* исторически сложившейся психологии общества и принятой в нем системы ценностей выступает в таком случае как задача первостепенной важности? И разве является для кого-нибудь из специалистов-социологов тайной та роль, которую играет в ряду приемов манипулирования общественным сознанием механизм моды?

Так не будем же, отказываясь от одной крайности, от усмотрения в каждом «не так» одетом подростке едва ли не врага социализма и отечества, шарахаться в другую. Не будем изображать трогательное неведение по поводу мощных манипулятивных возможностей моды и той ее роли в расширении потребительского рынка современного капитализма, которая была досконально проанализирована еще представителями Франкфуртской школы.

Вопрос о том, будет ли наше обновление и очищение, задачи которого стоят перед страной, развитием ее собственного образа, осуществлением ее судьбы, либо мы станем на путь отречения от самих себя и своей, оплаченной такой дорогой ценой истории. Этот вопрос связан с проблемой моды гораздо теснее, нежели хотела бы нас уверить часть прессы. И чем лучше мы будем представлять себе возможное здесь действие систем манипулирования, тем способнее будет общественное сознание, освобождающееся от бессмысленных запретов и мелочного регламентирования, к самостоятельной, единственно надежной защите наших национальных и социальных идеалов.

Проблема манипулирования историческим самосознанием страны неожиданно остро встала и в другой связи — с углубляющимся процессом высветления «белых пятен» нашей истории, связанных с периодом культа личности. Здесь довольно активно уже заявила о себе тенденция необходимую и тяжкую работу восстановления исторической истины во всей ее сложности и противоречивости подменять прямо-таки декретируемой оценкой, любая попытка оспорить которую или хотя бы скорректировать немедленно влечет за собой обвинение в «сталинизме».

В этом есть нечто пародийно напоминающее как раз худшие черты той самой эпохи, о которой идет речь, а сведение этой эпохи к произволу одного человека заставляет всерьез усомниться в дееспособности партии и

народа, позволивших до такой степени стать игрушкой этого произвола.

Да, эти насыщенные и великими и страшными событиями годы в жизни страны оказались неразрывно сплетенными с одним определенным именем, остались временем, которое, как сказано в романе А. Бека «Новое назначение», теперь уже, наверное, навсегда пребудет «сталинским», но тем более ювелирная работа требуется здесь от исследовательского скальпеля, дабы не перерезать саму нить исторической памяти.

В сущности, это та же проблема сохранения интегральной личности, с которой сталкивается отдельный человек в острой фазе душевного кризиса и которая была изощренно разработана в культуре покаяния. Традиционная суть его — не отторжение собственного прошлого, но глубокая духовная работа, извлечение из самых потаенных уголков сознания истинных причин падения, утверждение в душе сил дальнейшего восхождения. Вспомним Пушкина: «И горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю». Эта работа прямо противоположная тому простому ритуалу, символом которого был «козел отпущения» и который, к сожалению, имеет тенденцию утверждаться у нас.

Но никому и никогда еще не удавалось избавиться от собственной истории, просто отнеся ее на свалку. И хотя попытки такого рода бывали неоднократно, расплачиваться за них всегда приходилось социальными потрясениями, как экологическими катастрофами мы платим за свои попытки не считаться с природой...

Проблема культуры исторического самосознания, воспитания этой культуры стоит сейчас чрезвычайно остро. От успеха или неуспеха в такой работе многое, думается, будет зависеть в нашем социальном развитии, и в этой связи мне хотелось бы коснуться, хотя бы вкратце, еще одного острого вопроса. В последнее время в ряду прочих социальных патологий — коррупции, наркомании, вандализма, — от которых мы считали се-

бя застрахованными, замаячила и тень молодежного экстремизма. Однако и в прессе, и уже и в кино («Плюмбум») активно заявила о себе тенденция связывать эту опасность исключительно с группировками, выступающими за наведение социального порядка, провозглашающими своей целью самостийную расправу со взяточниками и спекулянтами. Не мудрствуя лукаво, часть прессы уже окрестила их «сталинистами» (в одной из рецензий бедному Плюмбуму прочили не менее, как будущность Варлама Аравидзе), тем самым существенно и весьма симптоматическим образом извратив первоначальное, восходящее к XX съезду значение понятия «сталинизм», где подразумевались *противозаконные репрессии,* а не нормальное и здоровое желание граждан каждого общества иметь *гарантии законной защиты* от произвола эгоистических и хищнических интересов.

Порою пресса прямо-таки грешит смешением нравственных понятий, каким-то непостижимым образом связывая трагические события 30-х годов с естественными требованиями сегодняшнего общества о привлечении к ответственности виновников наших *нынешних* бед. Усиленно создается миф о каком-то чудовище — «общественном мнении, требующем все новых и новых жертв», и можно только удивляться тому, с какой легкостью авторы, сострадание которых, кажется, возрастает прямо пропорционально рангу наших отечественных мафиози, забывают при этом о подлинных жертвах коррупции и нравственного распада, захлестнувших нас. О страдающих, а порою и умирающих без необходимых лекарств больных, о людях, чья жизнь прошла в тщетном ожидании невесть куда уплывающих квартир, о тех, кто... Перечислять здесь можно очень долго, и все эти страшные, грязные, жестокие вещи творятся, конечно, не милыми святочными воришками и бродяжками, за которыми почему-то охотится начинающий «сталинист» Плюмбум.

Надо ли говорить, что действительность гораздо сложнее и что каждому специалисту, серьезно занимавшемуся проблемами левого или правого экстремизма, хорошо известно, как благоприятна для него атмосфера социального разложения, как он целенаправленно подталкивает и стимулирует это разложение? Надо ли напоминать здесь снова и снова о Нечаеве и «Бесах»?

И наконец, нельзя не сказать и о том, в какой сложной, диалектической, но несомненной связи с процессом разложения социального целого и самого образа этого целого находится тот экстремизм, который сейчас привлекает особое внимание, — экстремизм националистического толка. Неважно, что нечаевский нигилистический экстремизм начинается с разрушения самого понятия национальных традиций. (Как мы помним из Степана Трофимовича Верховенского, нигилистам удается добиться признания «бесполезности и комичности слова «отечество».) Это закономерно, ибо там, где национальное чувство и национальная традиция сохраняются в своем органически сложившемся и безусловно подключенном к системе универсально-человеческих ценностей облика, там нет места ни экстремизму, ни национализму, по сути своей уже означающему отключение от сферы общечеловеческого.

Однако там, где эта сложность и целостность разрушаются, там национализм легко утверждается, и не потому только, что оскорбляемое национальное чувство обращается к крайним методам самозащиты, но прежде всего потому, что чем больше утрачивает человек естественные национальные корни и национальный образ, тем легче поддается он соблазнам эгоистического самоутверждения, тем легче он заражается национализмом как одной из форм такого самоутверждения. Дело доходит до парадоксов (как это имеет место кое-где в Прибалтике), когда сама националистическая амбиция, при всей своей агрессивности, облекается в символы

космополитичной молодежной моды, не будучи в силах овладеть языком национальной культуры.

Всегда ли мы отдаем себе отчет в том, что в последние десятилетия в нашей стране шел процесс, на языке социологии называемый процессом маргинализации, процесс выпадения огромных масс людей из их традиционных национальных, социальных и культурных ячеек, всегда сопровождающийся определенными нарушениями социально-психологического равновесия? В этой ситуации любое действие, любое слово, так или иначе касающееся сложившихся символов нашего социального «я», должно тщательно взвешиваться и просчитываться под углом зрения его возможного дестабилизирующего воздействия на общественное сознание, ибо последствия такой дестабилизации могут оказаться грозными. Упреждая возможные искажения этой моей мысли, сразу же скажу, что говорю я вовсе не об отказе от изучения и высветления нашего прошлого, но о культуре такого изучения. Нам, повторяю, надо учиться жить, достойно неся бремя собственной истории, и тягостное, и святое, а не пытаться открывать на каждом историческом переломе новую страницу, уклоняясь от ответственности за самих себя.

# СТУПЕНИ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

ЕВСЕЕВ А., ФАТИЕВ Н.,
Ленинград

## О МИРОВОЗЗРЕНИИ СТУДЕНЧЕСТВА. (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Процесс формирования научно-материалистического мировоззрения современного студенчества имеет целый ряд специфических особенностей. Прежде всего они обусловлены социально-психологическими характеристиками этой категории молодежи и обстоятельствами включения ее в трудовую и общественную жизнь. Большую роль играют, в частности, уровень знаний и подготовленности к интеллектуальному труду. В свою очередь, образование расширяет диапазон духовных интересов студенчества, усиливает стремление к познанию законов социально-экономического развития общества, к реализации своих способностей. И как следствие, студенчество в значительной мере отличается от других категорий молодых людей по ценностным ориентациям, интересам, убеждениям и реальным формам поведения, которые определяют особенности формирования его научно-атеистических убеждений.

Сказанное подтверждается рядом социологических исследований, проведенных в различных регионах нашей страны. Например, исследования в Пензенской области показали, что процент верящих в бога среди студентов значительно ниже, чем среди соответствующих групп рабочей и сельской молодежи (практически он равен нулю), процент же верящих в абстрактную сверхъестественную силу наиболее высокий именно среди студенчества [1].

Анализ качественной стороны религиозно-идеалистических представлений определенной части современного студенчества предполагает выделение основных типов молодежи, верящих в сверхъестественное. Так, венгерские исследователи выделяют категорию студентов, не связанных с определенной церковью или сектой, содержание религиозных взглядов которых включает крайне широкий спектр самых различных представлений — от отвлеченного деизма до пантеизма с эмоциональным оттенком; они даже не могут ясно выразить суть своей веры.

Внимание венгерских специалистов-атеистов привлечено также к студентам, сознанию которых свойственны, как пишет М. Мураньи, «различные суррогаты религиозности и современные виды мифологии»: «Таковы, например, крайне модные на Западе идеи, окрашенные мистицизмом, согласно которым жизнь на Земле возникла благодаря вмешательству представителей внеземной и более развитой, нежели земная, цивилизации; или идеи о том, что человек, будучи неспособным создать цивилизацию и культуру, получил знания от каких-то внеземных пришельцев... Подобные взгляды получи-

---

[1] См.: Калашников М. Ф. Уровни религиозности и некоторые закономерности ее воспроизводства в различных социально-возрастных группах молодого поколения. — Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания учащейся и работающей молодежи. Чебоксары, 1975, с. 24.

ли развитие в связи с культом... «неопознанных летающих объектов» типа «летающих тарелок»[1]. Не отождествляя проблем атеистического воспитания советских и венгерских студентов, подчеркнем, что типы молодежного сознания, описанные М. Мураньи, отражают наиболее характерные черты современной молодежи, верящей в сверхъестественное.

Рассматривая в данной статье вопросы формирования научно-атеистических убеждений советского студенчества, мы исходили из того, что, очевидно, нельзя признать бесспорной точку зрения Д. М. Угриновича, согласно которой «там, где отсутствует религиозный культ, мы имеем дело не с религией, а с иными формами общественного сознания»[2]. Сегодня уже ясно, что такая форма общественного сознания, как религия, способна иметь самые странные разновидности: от наукообразной «сайентологии» Хаббарда до общества «трансцендентальной медитации», в котором религиозная активность приобретает формы психотерапевтической практики. Как пишет А. С. Гуревич, «нетрадиционная, неканоническая, вневероисповедальная вера захватила сегодня различные слои капиталистического мира, в первую очередь молодежь»[3]. Между тем опыт 60—70-х годов свидетельствует о том, что буржуазная массовая культура способна ассимилировать различные явления западной молодежной моды и, используя те или иные формы культурного и туристского обмена, проникать в сознание нашей молодежи. Это в полной мере относится и к различным мистико-идеалистическим воззрениям, особенно тем, которые характеризует наукообразная или историко-культурная мимикрия.

---

[1] Мураньи М. Психологические проблемы атеистического воспитания студенчества. — Вопросы научного атеизма. М., 1977, вып. 21, с. 177.

[2] Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975, с. 70.

[3] Гуревич П. С. Современные внеконфессиональные религиозные организации на Западе. М., 1983, с. 6.

Поэтому объективное рассмотрение проблем формирования научно-атеистических убеждений современного студенчества требует обязательного учета влияния буржуазно-клерикальной пропаганды, которая в поисках новых средств идеологических диверсий в последние годы активно пытается использовать различные формы богоискательства и неомистицизма — появившиеся на Западе религиозно-идеалистические течения, так называемые «нетрадиционные религии». Различные вневероисповедные формы мистики и не связанные с какой-либо традиционной конфессией религиозно-идеалистические концепции являются фактором, способным значительно повлиять на мировоззренческие установки некоторой части нашего студенчества.

Сегодня назрела необходимость изучения тех аспектов мировоззренческой ориентации студенчества, которые связаны с оценкой «мимикрийных форм» религии [1]. В настоящей статье приводятся некоторые данные социологического обследования студенческой молодежи Ленинграда.

Каковы основные социально-демографические характеристики опрошенных? **53%** — юноши, **47%** — девушки. Их возраст колеблется от 18 до 25 лет. Большинство опрошенных (**83%**) в браке не состояли. Число семейных (**14%**) и имеющих детей (**9%**) незначительно. Опрашивались преимущественно студенты второго-третьего курсов, для которых период адаптации в вузе уже завершился, но, с другой стороны, до выпуска и связанных с ним проблем еще далеко. **54%** опрошенных — ленинградцы, **46%** — приезжие; **35%** живут в общежитии. Абсолютное большинство опрошенных (93%) — члены ВЛКСМ, **4%** — члены КПСС. Всего было опрошено 950 студентов трех ленинградских вузов — поли-

---

[1] См.: Евсеев А. И., Фатиев Н. И. Нетрадиционная религиозность и атеистическое воспитание молодежи. — В кн.: Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1984, с. 34—46.

технического института имени М. И. Калинина, университета имени А. А. Жданова и инженерно-строительного института.

Каковы существенные особенности ценностных ориентаций нашей студенческой молодежи? Этот вопрос, имеющий первостепенное значение для объективного социально-психологического портрета конкретной категории молодежи, становится особенно рельефным при сопоставлении полученных нами результатов с результатами близких по параметрам социологических исследований, проводимых среди западной молодежи.

Возьмем в качестве примера социологическое исследование Л. Дж. Фрэнсиса [1], для которого характерны та же численность, возрастной и отчасти профессиональный состав опрашиваемых. Каким аспектам действительности молодые англичане придают наибольшее значение? Более всего их волнуют проблемы материального порядка — работа и деньги.

Наряду с высоким процентом довольных своей работой (71,7%) исследователи указывают на значительную обеспокоенность молодых англичан проблемами безработицы (73,5%). Обращает на себя внимание следующий момент: 64,7% опрошенных предпочитают заниматься делом, которое им не по душе, чем жить на пособие по безработице. 71,3% опрошенных считают важным для себя накопление сбережений, 75% опрошенных отмечали потерю чувства собственной безопасности, связанную с ростом преступности, и т. д.

Известно, что результаты обследований различных групп западной молодежи, как правило, совпадают, причем эти результаты почти не зависят от выбора конкретной страны (например, американские социологи отмечают высокий уровень невротической тревожности у сво-

---

[1] См.: Фрэнсис Л. Дж. Молодежь в переходный период. — В кн.: Молодежь и свободное время при капитализме. М., 1985, с. 76—88.

их соотечественников — 49% — в возрасте 21—39 лет) [1], поскольку порождены общими проблемами капиталистического образа жизни — безработицей, разгулом насилия, ростом цен, девальвацией моральных ценностей и т. д.

Приведенные ценностные ориентации английской молодежи противоположны некоторым ответам, полученным в нашем исследовании. Весьма невысоки оценки таких факторов, как деньги (лишь **12%** опрошенных признают их в числе наиболее важных ценностей) и безопасность (лишь **7%** отмечают ее в числе наиболее важных ценностей). Есть, разумеется, показатели, сближающие нашу и западную молодежь. Они относятся прежде всего к оценке дружеских и семейных связей.

Для нашей студенческой молодежи наиболее высокую ценность представляют друзья, общение с духовно близкими людьми (**43%**), любовь (**40%**), интересная работа (**37%**), интеллектуальное развитие, образование (**31%**), здоровье (**30%**), семейное счастье (**26%**), деятельная, активная жизнь (**25%**). Среди моральных качеств личности наиболее высоко оцениваются душевная доброта, чуткость (**52%**), честность (**45%**), ответственность, сознание своего долга, умение держать слово (**45%**), жизнерадостность, оптимизм (**42%**).

Следует отметить, что, оценивая различные сферы жизнедеятельности, большинство опрошенных студентов высказали удовлетворение учебными занятиями (**80%**), будущей профессией (**79%**), досугом, развлечениями (**74%**), общественной работой (**62%**), личной жизнью (**63%**), духовно-нравственным развитием (**72%**), материальным положением (**70%**) и жилищно-бытовыми условиями (**68%**). **64%** опрошенных удовлетворены тем, как складывается их жизнь в целом. В отличие от

---

[1] См.: Ф а л и к о в Б. З. Распространение индуизма и буддизма в американском обществе. — США: экономика, политика, идеология, 1985, № 8, с. 36.

западной молодежи, у наших студентов гораздо слабее выражена психологическая напряженность как следствие напряженности социальной, формирующей внутренний конфликт, который подчас заставляет человека искать поддержки в сфере религии.

В то же время в нашей студенческой среде довольно низок престиж таких человеческих качеств, как «рациональное отношение к жизни» (6%), «умение доводить дело до конца, добиваться результатов в работе» (21%). В определенной степени это свидетельство упрощенного понимания молодыми людьми жизненного процесса, его проблем. С одной стороны, «рациональное отношение к жизни» может отталкивать молодых людей как раз благодаря неприятию ими одностороннего подхода к жизни, поскольку в первую очередь к молодежи применимы слова К. Маркса о том, что «не только в мышлении, но и всеми чувствами человек утверждает себя в предметном мире»[1]. В этом случае альтернативой «рациональному» служит «эмоциональное» отношение к жизни. Однако не стоит забывать о том, что альтернативой «рациональному» может быть и «иррациональное» — отрицание ценности науки, разума, прогресса, то есть то, что питало «волны неразумия», время от времени дававшие знать о себе и в молодежном движении второй половины XX века. С другой стороны, падение престижа «технократического» решения проблем, стоящих перед обществом, вследствие вреда, наносимого таким решением природе (чему сейчас уделяет много внимания научная общественность и пресса), может также способствовать формированию отрицательного отношения к рационализму.

Исследование выявило также проблемы в организации молодежного досуга, носящие мировоззренческий характер. В задачу опроса входило выяснить сбалансированность досуга как в познавательном (духовном),

---

[1] Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 121.

так и в чисто развлекательном (в известной степени бездуховном) отношении. В первом случае в понятие досуга наряду с просмотром телевизионных программ, посещением кафе, дискотек входят посещение театров, музеев, выставок, чтение; во втором — последние компоненты почти отсутствуют. Исследование показало, что у большинства опрошенных студентов в организации досуга гармонично сочетаются духовно-познавательный и развлекательный компоненты, но у значительного числа студентов досуг имеет явный крен в сторону чистой развлекательности.

И наконец, в ходе опроса мы попытались выяснить отношение студентов к различным околонаучным и мистико-идеалистическим концепциям. В отношении вопросов, связанных с такими модными увлечениями, как неопознанные летающие объекты, биополе, парапсихология, получен следующий общий результат: число всерьез воспринимающих, интересующихся (старающихся не пропустить лекции на данную тему) составляет не более 1% от числа опрошенных, а число тех, кто считает себя не разбирающимся в данных вопросах, но хотел бы разобраться, довольно велико — около половины опрошенных. Наряду с наличием общественного интереса налицо явно несформированное мировоззренческое отношение к этим явлениям, что, безусловно, свидетельствует о недостаточной эффективности работы средств массовой информации, кафедр общественных наук вузов и т. д.

Подобная ситуация раскрылась и при оценке такого явления, как йога. Свыше половины опрошенных студентов (56%) рассматривают ее как полезный для здоровья комплекс физических упражнений, а около половины (42%) — как полезный комплекс психологических упражнений, вид аутогенной тренировки; лишь 5% опрошенных оценили йогу как религиозную концепцию и 7% — как идеалистическое философское учение. Является ли обнаруживающийся прагматизм в оценке сту-

дентами йоги мировоззренчески нормальным явлением? Вряд ли. Ведь как раз утилитарная оценка йоги возможна при пренебрежении мировоззренческими компонентами этого учения.

Описанная ситуация является отчасти результатом определенного интереса к культуре Востока, наблюдающегося среди студентов. Хочется оговориться, что речь идет не об имеющем давнюю историческую традицию интересе, а о форме интереса к Востоку, в которой последний может быть поставлен в один ряд с телепатией, снежным человеком, телекинезом, пришельцами из других миров и т. д. Поверхностное восприятие далекой от нас культуры, при котором сознание удерживает лишь яркую экзотическую оболочку явления, не пытаясь проникнуть в суть бытия иной культуры (экономическую, социальную, политическую и т. д.), ведет к тому, что даже перегрузка интеллекта познавательной информацией не спасает от вакуума там, где дело касается мировоззренческих оценок.

Почему подобное явление может иметь место? Рассмотрим спектр источников информации о культуре Востока, на которые указали сами студенты в ходе опроса: передачи по телевидению (46%), научно-популярная литература (40%), научно-популярные фильмы (28%), радиопередачи (26%), советская молодежная пресса (25%), переводная зарубежная литература (18%), личное общение (17%).

Следует отметить, что достигаемая телевидением, радио, кинематографом легкость подачи информации нередко иллюзорна, особенно в тех случаях, когда речь идет о вещах, требующих самостоятельного мышления, работы над книгой. Учитывая значение этих источников информации, можно предположить, что ряд недостатков в сфере формирования научно-материалистического мировоззрения связан с тем, что познавательный компонент при подаче информации подчас в недостаточной степени дополняется оценочным, и при этом обеспечи-

ваемая современными средствами массовой информации легкость восприятия материала освобождает от необходимости самостоятельного анализа увиденного или услышанного.

Говоря о некоторых общих тенденциях, отражающих особенности формирования мировоззренческих установок студентов, следует, пожалуй, отметить большое количество неопределенных ответов в тех случаях, когда студенту предлагается самостоятельно дать мировоззренческую и общенаучную оценку религиозно-мистических учений ориенталистского происхождения. Такая индифферентность, на наш взгляд, — прямое следствие нередко встречающегося в преподавании общественных дисциплин упрощенного подхода к обучению молодых людей — метода «натаскивания» на готовые истины, применяемого в ущерб проблемному обучению, привитию навыков самостоятельного мышления. В результате современный студент, сталкиваясь с возрастанием объема научной информации, подчас при отсутствии достаточной методологической культуры и дефиците времени многое воспринимает некритически, утрачивает вкус к самостоятельному анализу.

Необходимо отметить, что принятие на веру мистико-идеалистических и околонаучных концепций, например существования у людей паранормальных способностей (телепатии, телекинеза, левитации и т. д.) может уживаться в сознании с общенаучной подготовкой, поскольку в силу наличия «белых пятен» и неопределенностей в научной картине мира лишь какая-то мера единства знания доступна нынешнему (как, впрочем, и другим) историческому этапу развития науки. Иными словами, «на современном этапе непосредственное единство науки в виде некоторой расчлененной целостности пока что нереализуемо» [1]. Можно добавить, что именно это нередко является причиной появления мистических концепций,

[1] Новик И. Б. Системный стиль мышления. (Особенности познания управления в сложных системах). М., 1986, с. 7.

паразитирующих, например, на неизученных явлениях человеческой психики, биологии, оптики и т. д. В соответствии с гносеологической природой идеализма, безусловно, и сами ученые, абсолютизируя отдельные стороны и результаты человеческого познания, способны выступать в роли творцов «мифов XX века».

Анализ результатов социологического исследования убеждает в том, что улучшение качества мировоззренческой подготовки студенческой молодежи требует позитивных сдвигов в решении ряда проблем. Первая из них — проблема насыщения мировоззренческими вопросами лекционных курсов по специальным дисциплинам. Как известно, вера в наличие сверхъестественных и таинственных явлений иногда связана с отсутствием у студентов ясных представлений об общетеоретических следствиях законов конкретных наук.

Например, такой принцип, как проскопия (получение сведений о событиях будущего), противоречит вероятностной картине мира, то есть требует отказаться от принципа, согласно которому детально знать будущее состояние объектов можно только с определенной степенью вероятности. Проскопия, как отмечает В. Н. Лебедев, была бы возможной в так называемой статической концепции времени, когда все будущие события существуют актуально (как на киноленте), и потому, «заглянув» в конец, можно усмотреть их с помощью особых способностей. Так выглядит ситуация в том случае, когда, зная будущее, невозможно его изменить никакими действиями в настоящем [1]. Итак, если проскопия возможна, но не приводит к изменениям в будущем (путем сознательных действий людей), то невозможным становится вероятностный характер ряда законов физики. Если же под влиянием проскопии можно изменять будущее, то статистическая интерпретация законов мо-

[1] См.: Лебедев В. Н. Экстрасенсорное восприятие — новая наука или старый миф? — Вопросы научного атеизма. М., 1985, вып. 32, с. 154—155.

жет быть спасена, но тогда, в свою очередь, разрушаются причинно-следственные связи. Таким образом, видно, что проскопия, о которой говорят в связи с экстрасенсорным восприятием, противоречит законам физики. И такие примеры можно было бы продолжить.

Вторая задача связана с неудовлетворительной постановкой проблемного обучения. Характер преподавания общественных наук, приучающий к заучиванию готовых истин, формирует своеобразный «конформизм восприятия», слепое доверие ко всякому печатному слову. В связи с этим уместно отметить, что в нашем исследовании, отвечая на вопрос: *«Каковы, по Вашему мнению, причины веры в сверхъестественное?»* — 18% опрошенных указали на неубедительность атеистической пропаганды, проникновение в печать неквалифицированных научно-популярных публикаций.

В последнее время во многих периодических изданиях появились обстоятельные критические статьи об удивительных явлениях человеческой психики: в журнале «Наука и жизнь», в газетах «Советская культура», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Литературной газете». Но наряду с этим и сегодня ощущается серьезный недостаток в популярных статьях с «переднего края науки», посвященных малоизвестным сторонам психики человека и написанных квалифицированными специалистами. А поскольку потребность в популяризации науки сегодня очевидна, недостаток, о котором идет речь, ведет к тому, что вакуум заполняется поверхностными работами, ориентированными на сенсационность сообщения, на наличие чуда.

Между тем, как отмечают психологи [1], сегодня готовность поверить в чудо — вполне реальная психологическая черта многих современных молодых людей. Это, видимо, и есть то самое стремление выйти за рамки рационального познания, о котором писал К. Маркс.

---

[1] См.: Петровский А., Шпикалов А. «Я видел НЛО!» — Журналист, 1982, № 3, с. 50—52.

Третья проблема связана с уровнем профессионального обучения. Устойчивость материалистического мировоззрения, атеистических убеждений личности во многом связана с качеством профориентационной работы вузов. Точнее говоря, выявлена следующая зависимость: среди разочаровавшихся в профессии явно просматриваются существенные изменения ценностных ориентаций в сторону преобладания материальных факторов над такими, как образование и интересная работа. Наряду с этим именно у названной части студентов наблюдается повышенный интерес к различным неомистическим концепциям. В чем причина этого явления? По нашему мнению, налицо своеобразное «замещение» профессионального интереса внепрофессиональным, который, проявляя себя в духовной сфере, подчас на дилетантском уровне, иногда приводит к изменению общемировоззренческих оценок личности.

В свете сказанного одна из задач вуза — предвидеть характер развития личности студента. Оптимально планируя учебный процесс в расчете на достижение высокой профессиональной подготовки будущих молодых специалистов, необходимо избегать при этом неравномерного распределения учебной нагрузки и возможных перегрузок в ходе учебного процесса.

Преодоление рассмотренных нами негативных моментов при становлении личности студента во многом зависит от эффективности работы, нацеленной на повышение уровня профессиональной подготовки и облегчение процесса адаптации будущих молодых специалистов в трудовых коллективах. Профессиональный и мировоззренческий аспекты подготовки студентов в условиях ускорения социально-экономического развития нашего общества особенно тесно переплетаются друг с другом. Именно об этом говорилось на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. Подчеркнув актуальность проблемы атеистического воспитания молодежи, студенчества, секретарь ЦК КПСС Е. К. Ли-

гачев отметил: «Необходимо продолжить поиск новых подходов, новых путей и форм атеистической пропаганды... усилить мировоззренческую направленность преподавания» [1].

МАРКЯВИЧУС В.,
Вильнюс

## ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПОИСКИ

Взгляды на действительность и назначение человека в обществе, характерные для отдельных эпох и поколений, определяют темпы социального развития, характер и развитие экономической и культурной жизни, они являются результатом многовековых верований, обычаев, традиций, этических и эстетических норм. Явления идеологического характера трудно реконструировать. Мировоззрение людей постоянно меняется, однако меняется ценой тяжких переживаний, сомнений, длительных поисков. Человеку нелегко отказаться от унаследованных норм понимания действительности, осмысления общественной жизни, морали, ему трудно уловить, что в его убеждениях устарело, не соответствует требованиям времени и что является прогрессивным.

Консервативные взгляды наиболее цепко сохраняются в религиозных убеждениях. Религия явно ограничивает духовные потребности человека, мешает рационально и всесторонне использовать творческий потенциал.

Борьба за распространение материалистического мировоззрения требует от каждого из нас определенной позиции, которая немыслима без целостного мировоззре-

[1] Коммунист, 1986, № 15, с. 18.

ния, середина неприемлема не только в широком социальном, но и в эгоцентрическом отношениях: равнодушие, скептицизм, стремление остаться на «ничейной земле» несовместимы с усилиями сформировать из себя полноценную личность. Мировоззрение «подчеркивает» личность, а середина является позицией посредственности, мещанина. Возникает проблема выбора. А выбрать — значит оценить. Можно смело утверждать, что большая часть молодежи Советской Литвы решила альтернативу религиозно-идеалистического и научно-материалистического мировоззрения в пользу последнего.

Однако религия, выведенная из широкой социальной жизни, не покинула микросоциальной среды, став личным делом человека, личной или семейной субъективной ценностью. Часть родителей и определенная часть молодежи продолжают руководствоваться религиозным мировоззрением и мироощущением. Понимая это, церковь старается приостановить процесс атеизации молодежи. Эти усилия приобретают различные формы и, естественно, не остаются без результата.

Именно молодежь в отношении исторической перспективы находится в центре всей, как глобальной, так и локальной, идеологической борьбы. Так как человек является субъектом истории, а молодежи принадлежит будущее, то от мировоззрения молодежи отчасти будут зависеть направления и темпы построения нового общества. Уже это делает осмысление материалистической диалектики особенно значимым.

Социологи, по существу, едины в мнении, что религиозность молодежи в масштабах страны не превышает 2—3 процентов. В отдельных группах молодежи она колеблется в ту или иную сторону.

Исследования мировоззренческой ориентации молодежи в Советской Литве пока довольно скромны и носят, по сути дела, эпизодический характер. Нехватка традиций, опыта и квалифицированных кадров заставляет с осторожностью относиться к конкретным социоло-

гическим исследованиям религиозности, особенно проведению разного рода анкетирований. Несколько лучше обстоят дела с мировоззрением учащихся, особенно абитуриентов, потому что в их взглядах, словно в зеркале, отражаются итоги воспитательной работы, проводимой семьей, школой и обществом. Однако исследования позволяют сделать вывод о том, что процесс секуляризации и атеизации молодежи происходит не только в связи с тем, что старшее поколение перестало верить в бога, сколько из-за того, что подрастающее поколение формируется, по существу, как нерелигиозное поколение.

Это, естественно, вызывает большую озабоченность у идеологов религии и духовенства. Именно поэтому в настоящее время основной вес идеологической борьбы с религией переносится со старшего поколения на молодое. Именно сознание молодежи все чаще становится полем борьбы религии и науки, идеализма и материализма. В этой борьбе на современном этапе участвуют Ватикан, буржуазные идеологи литовской эмиграции и представители духовенства в республике, особенно религиозные экстремисты.

По мнению некоторых ученых, в отношении религиозного сознания молодежи в Советской Литве выявляются следующие основные типы: люди глубоко религиозные; религиозные по традиции; сомневающиеся (колеблющиеся); индифферентные (равнодушные и к религии и к атеизму); пассивные атеисты; активные (боеспособные) атеисты. Первые два типа с некоторыми оговорками можно назвать религиозными, последние три типа — нерелигиозными. Равнодушные занимают специфическое положение.

Отношение молодежи к религии — это вопрос будущего самой церкви. Католическая церковь внутри Литвы, активизируя свою деятельность, пытается разъединить родителей и детей, настроить их друг против друга и особенно против педагогов. Зарубежные клерикаль-

ные идеологи и некоторые местные священнослужители критикуют советскую систему образования, советское законодательство, Конституцию. Одновременно они ведут интенсивный поиск контактов с детьми и молодежью: организуют церковные детские хоры, стараются привлечь детей к участию в различных церковных обрядах. Для установления связи с молодежью духовенство использует церковный актив из числа отдельных молодых людей, стремится иметь проводников своего влияния в молодежных коллективах. Заметны попытки установить связь со школьниками и студентами, особенно девушками из верующих семей, главным образом через матерей. Здесь особую активность проявляют бывшие монашки. Участились случаи организации молодежных праздников, различных «огоньков» религиозного характера, празднования юбилейных дат. По инициативе духовенства организуются молодежные дискотеки и даже празднование дней рождений некоторых молодых людей. Католические священнослужители используют для этих целей и средства материального поощрения, покупают ценные подарки: книги, альбомы, радиоприемники, магнитофоны.

При этом священнослужители действуют гибко, тактично, прежде всего стремятся завоевать личные симпатии, а уже затем пытаются влиять на взгляды юношества.

Несмотря на то, что у церкви уже нет прежних возможностей для клерикализации процесса воспитания подрастающего поколения, два фактора все же влияют на мировоззренческую ориентацию определенной части молодежи — это верующие семьи и активная деятельность католической церкви. Священнослужители всех рангов всячески подчеркивают, что впечатления и опыт, которые дети получают дома от родителей, чаще всего остаются на всю жизнь, что чем раньше зерно веры попадает в юную душу, тем глубже оно пустит корни, тем лучше будут плоды. Они настойчиво требуют от родите-

лей, чтобы дети в семье с раннего возраста приучались к исповеди и почитанию бога.

Изучая дидактические поучения теологов о том, как конкретно надо внедрять религиозную веру в доверчивую душу молодого человека, иначе говоря, как формировать религиозные чувства, можно убедиться в том, что «священные дела», как они их называют, опираются на чисто светскую психологию и педагогику. В этом случае они уже не говорят ни о «божьей милости», ни о «даре святого духа» в делах веры. Напротив, подвергаются критике те священнослужители, которые при обучении молодежи не умеют творчески применить основные принципы светского воспитания. При этом некоторые равнодушные к религии родители не видят ничего плохого в том, что люди старшего поколения (в основном бабушки) прививают детям вкус к идеалистическому, религиозному восприятию жизни. Родители считают, что дети, повзрослев, сами разберутся, что к чему, а привитые начала религиозного чувства рассеются, как солнечный луч рассеивает мглу, не оставят и следа в душе человека. Такое отношение к будущему своих детей является иллюзорным.

Различные факторы сказываются на состоянии религиозности молодежи нашей республики (если иметь в виду масштабы страны). Прежде всего надо помнить, что Литва является одной из самых молодых советских республик. Почти половина жителей республики родилась и сформировалась в годы буржуазного управления, под интенсивным воздействием религиозной идеологии. Современное молодое поколение — это дети или внуки старших поколений. Поэтому религия в нашей республике является реальным и живым наследием недалекого прошлого, наследием, еще оказывающим сильное влияние на подрастающее поколение. По этой причине традиции социалистического образа жизни в нашей республике еще не так глубоки, как в более «старших» по возрасту советских республиках.

Другой важный комплекс обстоятельств — сформировавшееся в веках психическое строение, или состав нации. На этот процесс влияли географическое положение края, численность населения. Социальная психология свидетельствует, что образ мышления даже целых народов зависит от прошлого опыта и существующей установки. Если история является школой жизни, то исторические события, особенно в наш век, не могли не оставить следа в психологии народа. Этот след проявляется в определенной осторожности по отношению к новой идеологии. Так, когда литовцы или пруссы видели духовную, национальную самобытность в язычестве, они упорно придерживались его в течение длительного времени после официального введения христианства. И сейчас в католицизме кое-кто усматривает основу национальности. Литовская национальность, занимая «буферное» положение между Востоком и Западом, испытала мощный нажим со стороны своих соседей. Этот нажим, кроме прочего, проявился и в политике уничтожения нации, которую проводили и орден крестоносцев (ему удалось покорить пруссов), и реакционные представители царской администрации и польской шляхты.

Поэтому скептически относиться к склонности молодежи нашей республики к религии нет основания: она естественна и объективно обусловлена специфическим комплексом причин, и отдельные упреки в адрес работников идеологического фронта республики не всегда обоснованы. Они свидетельствуют о том, что не учитываются упомянутые обстоятельства и специфика самого католицизма как самой влиятельной религии в мире.

В буржуазной Литве почти все жители, некоторые хотя и формально, были верующими. И тот факт, что в настоящее время 80 процентов молодежи уже не имеют никакой связи с церковью и религией, является большим достижением социалистического строя и марксистской идеологии.

В течение нескольких десятилетий достигнут широ-

кий масштаб секуляризации в борьбе с такой мощной идеологической силой, как католицизм, который господствовал в духовной жизни литовского народа почти шесть веков. Это свидетельствует об эффективности и жизнеспособности социализма и научно-материалистической идеологии. С учетом конкретных условий нашей республики было бы наивно верить, что за такое исторически короткое время можно полностью преодолеть религиозные убеждения среди молодежи.

Надо, наконец, учитывать и то влияние, какое имел католицизм на народные массы, надо учитывать большой опыт идеологической работы, который накопили и гибко используют священнослужители. Католической церкви в республике принадлежат более 80 процентов религиозных общин и почти 90 процентов священнослужителей, большинство которых — люди старшего возраста, с большим опытом жизни и умением разбираться в людях. Католическое духовенство более образованно по сравнению с духовенством других конфессий. Церковь еще сохраняет от прошлого актив и старается его пополнять.

Вместе с тем нет основания и для успокоения. Прежде всего вызывает озабоченность категория так называемой «глубоко верующей» молодежи. В отдельных районах республики эта категория составляет около 4 процентов молодых людей. Еще до сих пор серьезно не изучено, что ищут и что «находят» эти молодые люди в религиозной мистике. Отчасти можно судить, что это в основном серьезные, даже слишком серьезные люди, которые ищут в религии ответ на вопрос о смысле существования мира, о проблеме бытия человека, а также считающие Христа идеалом любви и добра.

Заслуживает внимания и та часть молодежи, которая верит по традиции, но уже сомневается в правоте религиозных догм, а также та часть молодежи, которая только внешне демонстрирует свою религиозность, фактически будучи чуждой самой религии.

Внешних проявлений религиозности у молодежи гораздо больше, чем внутренней мотивации. Почти половина опрошенных абитуриентов указывала, что бывала в костеле, но лишь несколько процентов мотивирует это глубокими убеждениями. Поэтому эпизодическое посещение молитвенного дома, использование сакраментов, демонстративное ношение крестика еще не является достаточным доказательством религиозности. Хотя в дни отдельных религиозных праздников в костелах еще бывает немало молодежи, это не означает, что все пришли сюда только из религиозных побуждений. Действует и элемент любопытства, и желание «посмотреть» на людей, и целый ряд других мотивов, далеких от религии. Однако какими бы ни были эти мотивы, сам факт идеологической аморфности не может не вызывать озабоченности.

Это же относится и к большей части нерелигиозной, но индифферентной и к религии и к атеизму молодежи, которая хотя и не верит в сверхъестественное, но не умеет теоретически обосновать позиций материалистического мировоззрения и в случае надобности не может противостоять довольно изощренной и разработанной теологической аргументации, религиозной апологетике. Надо заметить, что это часто не могут сделать и те, кто считает себя открытыми атеистами. Ученые установили, что почти половина так называемых боеспособных атеистов не умеют научно аргументировать свои позиции.

Религия является серьезным и сложным предметом, особенно в гносеологическом отношении, поэтому неудивительно, что даже часть образованной молодежи ошибается в религиозных поисках. В последнее время заметна своеобразная тенденция роста этих поисков. Не секрет, что среди студентов и интеллигенции кое-кто проявляет интерес к философии экзистенциализма и буддизма, организуются сеансы спиритизма, кое-кто увлекается мистической стороной системы йогов и т. д. Отчасти это объясняется ростом влияния волны религи-

озности на молодежь западного мира, волны, которая «прибывает» к нам путем туризма, а также через зарубежные журналы и другую литературу. Естественно, для этого есть и определенные внутренние причины. Можно сказать, что это своеобразная психологическая мода или даже поза, претензия на интеллигентную, философскую оригинальность, на особую индивидуальность личности. Но, вероятнее всего, это психологическое последствие диалектически противоречивой и довольно проблематичной общественной и личной жизни.

Зарубежные теологи, преподаватели вероучений и разного рода апологеты религии много говорят и пишут о том, что с началом так называемого кризиса религиозной жизни никоим образом нельзя пускать на самотек процесс формирования мировоззрения молодежи. Гораздо педагогичнее, утверждают они, не ждать, пока религиозный юноша или девушка станет атеистом, и только тогда ломать его взгляды, вновь доказывая существование бога. Надо прийти ему на помощь еще в период реформации, то есть когда, по словам теологов, религиозный юноша хочет использовать и согласовать свои новые духовные возможности и знания со своими религиозными убеждениями. Для этого духовенство разработало более или менее стройные системы воспитания.

А мы все ли делаем так, как требует время в области формирования научно-материалистического мировоззрения подрастающего поколения?

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность религиозности молодежи: яркую диспропорцию полов. Почти все исследователи религиозности молодежи констатируют, что религиозность девушек и юношей находится в отношении 4 : 1 или даже 5 : 1. Наши юноши и девушки учатся и воспитываются если не в идентичных, то в очень близких социально-экономических условиях: один социально-экономический строй, близкое социальное происхождение, хотя и дифференцированное, с тенденцией к сближению, материальное положение

родителей, единая система обучения и воспитания в школе, единая идеология. В этом отношении процесс формирования мировоззрения у представителей молодежи обоих полов должен был быть единым. На девушек не ложатся (в отличие от их матерей) и бытовые заботы в семье. Значит, мы здесь опять-таки сталкиваемся с различной психологией полов и с возросшим влиянием матерей на дочерей. Мать для дочери — самый близкий и самый дорогой человек на свете. Всем известна повышенная привязанность девушек, их чуткость к членам своей семьи. Поэтому для девушек гораздо более характерна преемственность взглядов родителей, особенно матери.

Вместе с тем надо отметить, что характер религиозности современной молодежи значительно отличается от религиозности прошлых поколений. Большинство считающих себя религиозными юношей и девушек не знают или мало знают о так называемых «религиозных истинах», догмах, о технологии обрядов, их вера носит поверхностный, формальный, более традиционный характер. Даже представители благородного пола, отличающиеся старательностью, признаются, что они не любят исповедоваться, не любят длинных молитв, скучных поучений. Значительная часть девушек, считающих себя верующими, сомневается в правоте религии или же в отдельных ее положениях, нерегулярно посещает молитвы. Это происходит потому, что молодежь не только социалистического общества, но и современная молодежь в целом не отличается религиозностью в связи с ростом самосознания, с развитием науки, образованности. Молитва выражает слабость и унижение, а молодежь полна сил и замыслов, важно только, чтобы молодому человеку дали возможность эти замыслы воплотить в реальность. И общество обязано следить за этим. Само существо молодежи — здоровье, бодрость, активность, оптимизм — противостоит коленопреклонению, слепому повиновению. Кроме того, большое влияние на падение

религиозности молодежи имеет то обстоятельство, что абсолютное большинство молодежи в социалистическом обществе придерживается позиций научно-материалистического мировоззрения и скептически или равнодушно относится к религии.

Но если в юности «небесные проблемы» мало волнуют даже религиозную молодежь, то с годами, особенно на исходе жизни, положение меняется, религиозные убеждения укрепляются. Нельзя не видеть того, что в последние десятилетия влияние религии и церкви в социалистическом обществе стабилизируется, а в капиталистическом мире широко говорят даже о «религиозном ренессансе».

Разумеется, человек может прожить жизнь и без четкого мировоззрения, но он не может обойтись без философских размышлений, обобщений, без желания понять окружающие его явления и самого себя. А при отсутствии «центра» личности, то есть при отсутствии мировоззренческой идеи, человека нередко охватывает ноющая тоска, меланхолия безнадежности.

Следовательно, с учетом упомянутых фактов необходимо активизировать воспитание молодежи с научно-материалистическим мировоззрением. В то же время школы (и средние и высшие) в недостаточной степени формируют прочный атеистический иммунитет у подрастающего поколения. Считается, что они выполняют эту задачу, но, как известно, знания сами по себе не могут сформировать у человека атеистических убеждений. Образование как важнейшая черта личности социалистического типа — это не только количественная, но и качественная характеристика человека.

Некоторые молодые люди даже после окончания средней школы не отличаются широтой кругозора, не умеют делать правильных мировоззренческих выводов. Дальнейшая интеллектуализация работы во всех сферах трудовой деятельности требует не формального обучения, а реального образования или образованности, про-

являющихся и в профессиональной компетенции, и в способности самостоятельно выдвигать новые идеи и решения, и в формировании своего мировоззренческого «лица». Было бы непростительной ошибкой полагаться в этом только на социальные факторы, избегая своей личной ответственности. Необходимо единство действий в воспитании семьи, школы, общественных организаций, создание такой духовной обстановки, когда человек уже в ранней юности задумывается над мировоззренческими проблемами, умеет принимать на себя нравственную ответственность.

САВЧЕНКО Л.,
Хабаровск

# АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В МОЛОДЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Необходимость последовательного совершенствования атеистической пропаганды в молодежной печати обусловлена рядом факторов, как общего плана, так и конкретных, вытекающих из особенностей отношения молодежи к вопросам религии и атеизма, уровня мировоззренческой зрелости молодых людей.

Среди группы конкретных факторов выделим, на наш взгляд, важнейшие. Подавляющее большинство молодых людей свободно от влияния религии, о чем свидетельствуют многочисленные социологические исследования. Но нельзя удовлетворяться показателями формального неверия, необходимо изучение уровня атеистической убежденности молодежи, степени зрелости оценок религии и атеизма. Когда мы обращаемся к такому

анализу, то среди других обнаруживаем две отчетливые и тревожные тенденции. Первая связана с довольно высоким уровнем индифферентизма, безразличия к мировоззренческим проблемам, к атеизму, являющихся, очевидно, отражением мировоззренческой аморфности, характерной для части молодежи.

Другая тенденция связана со слабым знанием молодежью истории религии и атеизма, сущности религиозной идеологии, методов приспособления церкви к изменяющимся социальным условиям. Часто она выражается в переоценке роли религии в жизни общества и отдельного человека, в увлечении церковной атрибутикой, различными мистическими, религиозно-философскими учениями, в участии в религиозных обрядах, отождествлении религиозных традиций с национальными, что особенно характерно для регионов традиционного распространения ислама.

Суждения молодых людей подчас бывают противоречивы, некритичны. Вот выдержки из писем в «Комсомольскую правду». Комсомолка со среднеспециальным образованием пишет: «...я не за грязную и опасную религию. Я за религию вообще, как естественное явление. Но мне очень неприятно читать и слышать о том, что человеку, признающему религию, нет места в комсомоле... А совсем недавно мы с мужем (тоже комсомольцем) окрестили нашу дочку в церкви и не видим в этом ничего позорного». Школьница-комсомолка оценивает атеистическую работу таким образом: «...у нас ведется постыдная агитация против религии, через которую только и можно стать на правильный путь истины». Еще одна школьница, член ВЛКСМ, пишет о пасхе: «Я, да и многие мои товарищи выделяют этот день, но не как религиозный праздник, а как древний обычай». Перед нами — поверхностные знания, путаные, искаженные представления о сущности религии, атеизма, атеистического воспитания, мировоззренческая незрелость. Все это — тревожные симптомы, которые при

особом стечении обстоятельств могут развиться в «болезнь» — обращение отдельных молодых людей к религии как средству разрешения жизненных, идейных конфликтов.

Молодость — пора гражданского, мировоззренческого, нравственного становления личности, когда перед нею встает со всей остротой проблема нравственных ориентиров, выбора профессии, выбора в личной жизни и т. д. Молодежь — наиболее динамичная часть общества, ибо учеба, служба в армии, выбор профессии сопряжены с переменой места жительства. Каждый раз меняется микросреда, условия жизни, возникает проблема адаптации, включения в новый коллектив, порой небезболезненная, сопровождающаяся конфликтными ситуациями. Несостоятельность в разрешении жизненных трудностей может привести к примирению с ними на иллюзорной религиозной основе. В последнее время советская печать познакомила своих читателей с разными вариантами ухода части молодых людей от реальной жизни, от борьбы за осуществление нравственных идеалов: оживление неомистицизма и нетрадиционной религиозности («Чудо по сходной цене», «Кухонное божество», «Расплата»[1]), сознательная, можно сказать, претенциозная социальная пассивность, поза «нового Обломова», максимальное «выключение» себя из сферы общественного, коллективного (Р. Киреев. «Они и мы»[2]), обращение к традиционной религиозности и др.

Следует также обратить внимание на процессы, происходящие внутри религиозного комплекса. Исследователи отмечают увеличение доли молодежи в некоторых общинах евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов, свидетелей Иеговы, появление в них верующего нового типа — молодого, активного, достаточно образованного, выдвигающегося на позиции лиде-

---

[1] См.: Комс. правда, 1986, 20 апр., 15 мая, 13 авг.
[2] См.: Лит. газета, 1986, 4 июня.

ра[1]. По данным выборочных социологических исследований, среди социально активных верующих до 40 процентов имеют среднее и высшее образование.

Религиозному мировоззрению, идейной аморфности противостоит не атеизм в чистом виде, а целостное научно-материалистическое мировоззрение, система духовно-нравственных ценностей, социалистических по содержанию.

Ограничивать вклад печати в атеистическое воспитание пропагандой научного атеизма неверно, ибо в таком случае мы ориентируем печать на воздействие сугубо рациональное, рассудочное. Убеждения человека — это сложная система его интересов, ценностей, ориентаций. Журналист должен уметь влиять на своего читателя на каждой ступеньке этой своеобразной лестницы убеждений. Особым потенциалом воспитательного воздействия обладает такой моральный регулятор поведения, как общественное мнение.

Выражать и формировать мировоззренчески направленное общественное мнение, максимально использовать его возможности в атеистической работе — эти задачи представляются важнейшими для деятельности прессы. Как их решать, каковы конкретные механизмы воздействия печати на общественное мнение?

Нельзя искусственно сконструировать общественное мнение по вопросу, не затрагивающему интересы людей. Среди проблем религии и атеизма, находящихся в сфере общественной оценки, можно выделить следующие: роль религии в жизни общества и отдельного человека, соотношения ее с нравственностью, культурой; борьба с отжившими, освящаемыми религией пережитками, традициями, соотношение религиозного и национального в традициях, обычаях; новые, социалистические обряды; оценка религиозного экстремизма; социальная сущность неомистицизма, новых религиозных образований.

---

[1] См.: Филимонов Э. Г. Актуальные вопросы атеистического воспитания. М., 1985, с. 11.

Возьмем для примера «Комсомольскую правду», печатающую ежегодно большое количество непосредственно атеистических и имеющих атеистическую направленность материалов: в 1983 году — 35, в 1984-м — 24, в 1985-м — 25, в 1986-м — 22. Диапазон рассматриваемых в них тем достаточно широк. Ведущими являются темы борьбы с отжившими обычаями, традициями, тесно переплетенными с религиозными обычаями и обрядами, критика неомистицизма, суеверий, вопросы атеистического воспитания молодежи.

Так, редакция не раз и довольно удачно обращалась к острой проблеме (особенно для регионов традиционного распространения ислама) переплетения религиозных традиций с отжившими, консервативными обычаями в быту. Пример тому — серия статей, авторами которых являются женщины — таджичка, киргизка, дагестанка (ученая, актриса, поэтесса): М. Гафарова — «Деньги... за дочку», Б. Кадыкеева — «Украденное счастье», Ф. Алиева — «Мужество любви» (1983, 20.01, 11.05, 26.10). В 1984 году эта тема продолжается в статьях В. Ковальского «Побег» и «После побега» (23.05 и 4.09). Авторы перечисленных материалов разоблачают феодально-байские пережитки, освящаемые исламом. На письмо «Под домашним арестом», опубликованное в рубрике «Переписка», газета получила около 300 писем, посвященных проблеме межнациональных браков, насильственной выдаче девушек замуж, калыму и т. п.

Систематически обращаются к атеистической тематике и другие молодежные издания: «Комсомолец» (Ереван), в котором ведется специальная рубрика «Клуб молодого атеиста»; «Ленiнська молодь» (Львов), в течение многих лет ведущая «Клуб имени Ярослава Галана»; «Молодежь Эстонии»; «Комсомолец Узбекистана»; «Молодой ленинец» (Псков) и др.

Однако систематичность — это еще не все. Как сделать каждый материал действенным?

Природа общественного мнения такова, что оно на-

чинает складываться вокруг спорных, неоднозначных проблем. Поэтому дискуссия, массовое обсуждение таких вопросов, когда общественная оценка этих явлений еще не сложилась, имеют особую ценность. И действительно, к убеждениям мы приходим через сопоставление своей точки зрения с другими, и только в этом случае они приобретают личностный смысл. Публичная дискуссия — это предлагаемый общественности спор для выработки единого мнения, общей точки зрения. Это ее качество высоко оценивал В. И. Ленин: «Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателю яснее понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их» [1].

Примером удачно организованной дискуссии является обсуждение ряда социально-нравственных проблем на страницах «Комсомольской правды» под общим названием «Во что рядится чванство?». В ходе обсуждения редакция получила около 10 тысяч писем читателей. Одним из аспектов дискуссии стала проблема ухода некоторых молодых людей в религию как иллюзорного способа разрешения жизненных конфликтов, противоречий («Уход», «Когда нужна опора», 22.03.84 и 20.06.84).

Эффективно воздействует на ориентации, установки читателей и обращение к авторитетному мнению. В «Комсомольской правде» действует постоянная рубрика «Авторитетное мнение». В ней выступали ученые-атеисты Э. Г. Филимонов («Обрести себя», 25.01.84), И. Р. Григулевич («Кому служит «учитель Мория», 7.09.85) и др. Такую же рубрику ведет журнал «Молодой коммунист». Ее участником был доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР В. И. Гараджа («Безразличие? Нет, мировоззренческая незрелость», 1986, № 7). Такие публикации учат читателя, как аргументировать свое мнение, отстаивать свое видение проблемы, учат марксистскому, классовому анализу различных явлений действительности.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 166.

Поскольку общественное мнение есть результат коллективного творчества, то в его выражении и формировании средствами печати должны принимать активное участие читатели. Взаимодействие редакции с читателями в этих процессах осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это изучение мнений, интересов, ожиданий читателей. Многообразие форм такой работы позволяет сделать ее оперативной и достаточно эффективной. Известен опыт редакции «Комсомольской правды», где в 60-х годах действовал институт общественного мнения, проведший ряд массовых опросов молодых по актуальным проблемам общественной жизни. Традиции этого института продолжаются сегодня многими молодежными изданиями. Постоянно такие опросы практикует редакция журнала «Молодой коммунист». Достаточно назвать анкету, направленную на изучение облика читателей журнала и их представление о журнале (1981, № 12, 1983, № 4), анкету, в основу которой были положены известные анкеты-исповеди, на которые отвечали К. Маркс и Ф. Энгельс. В ответ на нее редакция получила 32 тысячи ответов, обобщение которых дало информацию о представлениях молодых людей о нравственности, общественных идеалах (1985, № 5; 1986, № 7). Регулярно к мнениям своих читателей обращается «Собеседник», используя для обсуждения конкретных проблем форму отрывного талона.

Все шире используются формы изучения читателей, основанные на прямом контакте: конференции, общественные приемные, выездные редакции и т. д. В последнее время активно применяется найденная редакцией «Комсомольской правды» форма прямого общения читателей с авторитетным собеседником — «Прямая линия». Она позволяет оперативно откликаться на запросы читателей, удовлетворять их, снимать возникающие по поводу злободневных вопросов слухи, активно влиять на общественное мнение. Эстафету «Прямой линии» подхватили редакции «Московского комсомольца», многих

местных молодежных газет. Возможно ее применение и для обсуждения актуальных вопросов религии и атеизма в целях атеистического воспитания.

Значительный эффект может дать привлечение аргументов самих читателей в ответ на то или иное письмо. В «Комсомольской правде» в рубрике «Читатель — читателю», к сожалению, редко появляющейся на страницах газеты, была напечатана заметка Н. С. Нелюбовой «Вспомни добром» (13.04.86). Об авторе этой заметки было рассказано в очерке О. Кучкиной «Три школьные тетрадки» (29.12.85), после публикации которого Н. С. Нелюбова получила много писем от читателей, среди которых было письмо верующей из Пензы. Та убеждала Нелюбову обратиться к богу и возблагодарить его за все. В заметке Нелюбова спорит с верующей, убедительно обосновывает свою позицию. И здесь атеистическая ориентация предстает как ценность, воспринятая на личностном уровне, реализованная в образе жизни конкретного человека, что делает атеизм для верующих очеловеченным, наполненным гуманизмом и высокой нравственностью. Такие авторы с полным правом могут быть неформальными лидерами передового общественного мнения.

Итак, в распоряжении печатных органов множество способов эффективного воздействия на формирование атеистически направленного общественного мнения, являющегося действенным инструментом атеистического воспитания. Дело лишь в реализации возможностей, которыми обладает печать. Однако этому мешает приверженность журналистов и общественных корреспондентов, пишущих на атеистическую тему, отрицательным стереотипам.

К таковым относится прежде всего несбалансированность критической и позитивной сторон атеистической пропаганды, неоправданное выпячивание антирелигиозной ее направленности. Основная доля материалов посвящена критике того или иного религиозного направ-

ления, культовой практики, деятельности отдельных религиозных лидеров или рядовых верующих. Мало внимания обращается на сущность самого атеизма, на формирование атеистических ориентаций, на показ его ценности на личностном уровне. Редко можно встретить материалы, посвященные проблемам атеистического воспитания, опыту его организации в конкретном коллективе. А если они и есть, то, как правило, не могут удовлетворить творческого, ищущего читателя. Причина в том, что показ реального опыта, глубокий и творческий, конструктивный анализ вопроса часто подменяются критическим доктринерством (на уровне «плохо», «неудовлетворительно»), констатацией без позитива, без перспективы движения, директивно-отвергающим тоном. Нарушается важнейший принцип взаимодействия молодежного издания со своими читателями, при котором газета, журнал выступают как умный собеседник.

Ранее мы отмечали преобладание критической стороны в атеистической пропаганде. Если проанализировать материалы, написанные в этом аспекте, то можно выявить расхожий и наносящий большой вред делу атеистического воспитания стереотип. Речь идет о так называемом «разоблачительном жанре», особенно часто фигурирующем в публикациях по проблемам сектантства. Критический пафос таких материалов, как правило, сводится к разоблачению антиморального облика отдельных проповедников, священнослужителей, верующих. До сих пор из публикации в публикацию переходят расхожие характеристики верующих как темных, малообразованных, замкнутых, ничем не интересующихся людей, что противоречит реальному состоянию сознания и поведения большинства современных верующих, граждан Советской страны.

Грешат «попоедством», «лихими наскоками» на религию, на религиозные организации и верующих, оскорбляя их религиозные чувства, авторы многих молодежных изданий. Такой однобокостью и предвзятостью

отличаются статьи в «Молодом ленинце» (Псков) «Дельцы в рясах» и «Веселая вдова» за церковной оградой» (19.01.85 и 2.04.85). Кстати, эти материалы были перепечатаны многими районными газетами области, что расширило сферу распространения незрелых суждений и выводов.

Злоупотребляет подобными методами критики религии и республиканская газета «Знамя юности» (Белоруссия). В очерке Ю. Ермалюка «В слепом упоении» (12.10.84) утверждается, что «среди духовенства большинство являются пьяницами, обжорами, распутниками, ханжами, прелюбодеями». Этот же автор в корреспонденции «Святые» люди и грешные дела» (27.03.86) описывает верующего, торгующего ворованными персиками, а В. Левин («Дом на песке», 13.04.86) — пресвитера-самогонщика. Он же в корреспонденции «Исповедь проповедника» (29.04.86) пишет, что «все верующие разбиты на группы, каждая из которых только о том и думает, как бы побольше урвать для себя».

Еще один пример. Перед нами — беседа журналиста С. Филиппова с зав. отделом методики и практики атеистического воспитания журнала «Наука и религия» В. Б. Евсеевым («Московский комсомолец», 21.03.86). Журналист задает вопрос своему собеседнику: «Интересно, а каков он, современный искренне верующий человек? Вы говорили, что он стремится к знаниям, но зачем?» (разрядка моя. — *Л. С.*). За этим «зачем?» проглядывает стереотип восприятия верующих как темных и неграмотных людей, не нуждающихся в знаниях, поскольку они — верующие.

Доктор философских наук А. Ф. Дашдамиров в интервью корреспонденту журнала «Наука и религия» так оценил подобный подход к атеистической пропаганде: «Вместо аргументированной критики самого ислама (речь шла о регионах традиционного распространения ислама. — *Л. С.*), рожденных и освященных им вредных социальных привычек и традиций, вместо осужде-

ния суеверий и заблуждений иные журналисты и лекторы предпочитают бичевать какого-нибудь муллу-пройдоху или шейха, причем порой за такие дела, которые и в исламе осуждаются, и могут прекрасно существовать и вне религии. Жизнь показывает, что максимум, что может дать такая пропаганда—это замена недобросовестного, морально нечистоплотного служителя религиозного культа кем-то более подходящим» (1986, № 12, с. 5).

Сведение сегодня атеистической пропаганды к «поповедству», привнесение в нее оценок, оскорбляющих религиозные чувства верующих, наносит значительный вред атеистическому воспитанию, ибо подрывает авторитет атеистов, а также препятствует укреплению единства трудящихся — верующих и неверующих. Конечно, нельзя преуменьшать роль религиозного фактора в консервации отживших традиций и обычаев, националистических предрассудков. Но в современных условиях, когда большинство верующих являются достойными гражданами Страны Советов, активно поддерживают курс партии на перестройку, на совершенствование всех сфер общественной жизни, подменять идейную борьбу с религией чуть ли не политическим противоборством, представлять верующих и неверующих как каких-то два противоборствующих лагеря, — это значит отступать назад от завоеваний социализма, от ленинских принципов атеистического воспитания.

И уж если журналист пишет об антиобщественной деятельности того или иного религиозного лидера, служителя культа или организации в целом, то он должен проводить четкое различие между религиозными экстремистами и верующими-тружениками, отличающимися от всех лишь своими религиозными убеждениями и поддерживающими политику партии и государства, участвующими в ее осуществлении. Кстати, сами верующие осуждают деятельность религиозных экстремистов, пытающихся противопоставить их государству, советскому народу. Убедительное свидетельство этому — статья ве-

рующего Б. Зудермана «Исповедь христианина веры евангельской» в журнале «Наука и религия» (1987, № 4, 5). Автор (конечно, с позиции верующего человека) дает развернутую критику религиозного экстремизма, политических и нравственных устоев людей, пытающихся использовать религию во вред обществу и личности.

Для формирования целостного общественного мнения необходимо оптимальное сочетание повторяющейся информации, способствующей закреплению оценок того или иного явления, и новой информации, направленной на расширение и углубление теоретической их основы. Однако это требование не всегда выдерживается в печатных органах.

Возьмем, к примеру, проблему неомистицизма, нетрадиционной религиозности, которой в последнее время посвящено немало публикаций. Только в «Комсомольской правде» в 1985-м — 6, в 1986 году — 8 материалов. Но решается эта тема пока на информационно-описательном, фактологическом уровне. Авторы не выходят на обобщение социальных, глубинных мировоззренческих причин этих явлений, на анализ духовно-нравственных, ценностных ориентаций носителей таких взглядов, на противопоставление им реальных ценностей и идеалов, достижение которых, безусловно, сопряжено с преодолением противоречий, с борьбой. Из материала в материал, как близнецы, переходят обвинения в адрес комсомольских организаций, констатация неудовлетворительной постановки атеистической работы, организации досуга молодежи.

В какой-то мере это можно объяснить законами журналистской профессии, ибо журналист идет прежде всего от факта, конкретного явления, события. Но нельзя забывать ленинского требования освещать теорией каждый факт, то есть углубления сущностного в информации. Печатный орган не просто сообщает читателям информацию о фактах, событиях, он их интерпретирует,

он воспитывает на их примере своего читателя, он прежде всего формирует его мировоззрение, его ценностные ориентации и социальные установки.

Кстати, об установках, с которыми связан довольно распространенный в атеистической пропаганде стереотип. Атеистические публикации, как правило, направлены на установки читателей. Схематично аргументацию, предлагаемую авторами таких материалов, можно представить так: «Это плохо, так поступать, так делать нельзя, а нужно действовать, мыслить таким образом...» Это в равной степени относится и к анализу сознания и поведения современного молодого верующего, и к оценкам атеистической работы, к деятельности в этой сфере комсомольских организаций. Между тем социальные установки — это конечный этап в сложной работе по формированию системы убеждений личности. В основе установки лежит группа интересов, ценностных ориентаций, основанных на объективных потребностях, воспринятых на личностном уровне, ставших элементом мотивации сознания и поведения человека. Поэтому, если мы противопоставляем религиозной идеологии и практике атеизм как систему взглядов и образ жизни, то должны это делать не в форме простой констатации их противоположности, а показывать преимущества атеизма на ценностном уровне, формировать ценностные духовно-нравственные ориентации на атеизм.

Следовательно, в любой публикации на атеистическую тему автор должен наряду с пропагандистскими и агитационными целями планировать направленность ее на формирование правильной оценки вопросов религии и атеизма, планировать, какие ценности, установки, оценочные суждения необходимо заложить в содержательную структуру материала. На таком ценностном уровне ведут разговор с молодым читателем многие журналисты «Комсомольской правды». Целевая установка таких материалов, как: О. Дмитриева. «Счет себе» (5.04.85), И. Кичанова. «Знать и уметь» (17.10.85),

О. Кучкина. «Ожидание» (27.11.85) и др., — помочь молодым читателям обрести духовно-нравственные ориентиры, ценности, побудить к их реализации в активной гражданской позиции.

Именно на этом направлении нужно искать значительные резервы повышения эффективности атеистической пропаганды, ибо здесь атеизм реализует свою позитивную, деятельную сторону, очеловечивается, становится неотъемлемой частью системы убеждений личности, элементом мотивации ее поступков, деятельности, взаимоотношений с другими людьми.

ВАНЧИКОВА Е.,
Москва

## БЕСПЛОДНЫЕ ПОИСКИ ГАРМОНИИ

Внутренняя гармония — кому из нас она не кажется недостижимой мечтой? Стремление найти согласие с самим собой, с окружающими людьми, найти созвучие с миром в себе и обществе — не есть ли это поиск счастья?

В истории культуры ясно прослеживается драматическая ситуация поиска гармонии, духовного приобщения к чистоте и миропорядку. В этой связи не является диссонансом упоминание культуры Индии и ее древних учений.

Но вот, как бы в подтверждение сказанного, в городской сутолоке сегодняшнего дня мы встречаем людей, утверждающих, что они обрели истину с помощью проникновения в знания древней Индии. Они готовы поделиться своей истиной с каждым, кто согласится их слушать. Своим отрешенным видом они как бы пытаются

демонстрировать достигнутую гармонию. Но что-то смущает глаз и ум. Есть чувство, что за истину пытаются выдать мякину.

Так ли это? Попытаемся проанализировать догадку с фактами, почерпнутыми из индийских источников. Для начала очертим причины, вызывающие столь значительный интерес к индийской тематике.

В условиях обострения противоречий в социальной и духовной сфере, спрессованности времени индивидуальность размывается. Жизнь города ставит перед человеком требование противостоять стрессам, искать альтернативу одиночеству. Обыденность же подменяет свойственное человеку ожидание нового, событийного информативностью. Часто в роли творческого начала начинает выступать информация, балансирующая на грани «дозволенного».

Поэтому неудивительно, что для всеобщего ознакомления все чаще попадаются лишь некоторые будоражащие сведения, вырванные частями из древнего знания. Это на руку тем лицам, которым подчас удобно спрятаться от реальности за профанацию, лжеучение.

Так, сегодня много говорят о последователях индийских вероучений, которые перестают активно интересоваться общественными проблемами, резко меняют род своих прежних занятий, отдавая предпочтение пассивным видам труда, удивляют примитивностью быта. Открытой проповедью своих взглядов они привлекают к себе внимание и формируют приверженцев, в основном из молодых людей, остро ощущающих духовный вакуум разобщенности с миром и людьми.

Те мысли и тезисы из индийского знания, которые декларируют эти «новые посвященные», с точки зрения индологии выглядят профанированными, трактуются под искаженным углом зрения.

Хотелось бы остановиться на некоторых из наиболее часто встречающихся в подобных проповедях опорных понятиях и дать их более правильное объяснение. Воз-

можно, это поможет разобраться в индийском опыте тем, кто ищет в нем поддержку и объяснение своих проблем.

Мало кто осмелится отрицать, что основа духовного опыта Индии лежит в гармоническом сочетании и взаимной отдаче между человеком и космосом, личностью и природой. Гармония ненарушима здесь в том случае, когда на первый план невозможен допуск прагматического, стихийного. Поэтому поиск гармонии, за счет извлечения из индийских систем лишь сиюминутной пользы, невозможен.

Так, в мажорных тонах пропагандировалась польза для здоровья гимнастических поз хатха-йоги. Йога (буквально — связывание) действительно воспринимается в Индии как средство, но не для достижения физического здоровья, которое считается лишь следствием, показателем чистоты и устремленности помыслов, а для достижения просветления, постижения высшей истины.

Физиологические процессы, которые тормозятся или усиливаются йоговскими упражнениями, должны быть под контролем сознания, направляющего усилия организма в нужное русло. Ток крови этими усилиями может быть акцентирован в определенной части тела, а затем снят оттуда. Неграмотное выполнение упражнений под девизом — полезно для ног, головы, желудка и т. д. — ведет к застою крови в акцентированных органах и вместо пользы наносит вред здоровью. Эта тема могла бы стать предметом специального изучения. Из опроса истово выполнявших йоговскую хатха и духовную гимнастику выявляется, что недознание привело многих к нервным расстройствам и необъяснимым состояниям. Достигнутый эффект не сразу, а несколько спустя оборачивался недугом.

Индийские религиозные системы не направлены на примитивное врачевание души и тела. Они требуют от своих последователей напряжения и самоотдачи.

Напряжение должно быть постигающим, небездум-

ным. И то, что говорят о безмыслии — одной из переходных форм *медитации,* — несет в себе извращенный смысл. Безмыслие не значит по индийской традиции отупление, это лишь свобода от чуждой, пугающей или мешающей мысли. Состоянию безмыслия должно предшествовать глубокое обдумывание цели духовного напряжения и доли участия в общем с другими людьми творчестве. Медитация выступает в роли основного средства проверки истинности убеждений и знаний. Медитация по буквальной схеме: за осмыслением следует как бы забывание (безмыслие) основных выводов; затем взгляд на них как бы со стороны, проверка целостности и стройности системы; и обретение знания качественно очищенным. Происходит действие закона отрицания в микрокосмическом сознании человека.

Что же часто выдается за медитацию нашими «посвященными»? В лучшем случае — умение абстрагироваться от реальности, освободиться от мешающих мыслей. Широко применяемый аутотренинг действительно имеет врачебный эффект. Только те люди, которые обращаются к нему при помощи психоневролога, не считают, что они этим обособлены, приобретают сверхсилу. Демонстрация отрешенности не означает присутствия творческой духовности и скорее всего наводит на мысль о желании скрыть пассивную немощь.

В Индии каждое вероучение связано с деятельностью толкователя, проводника-учителя — гуру. Предполагается, что правильное постижение йоги или медитации было бы без учителя невозможно.

Отношения учитель — ученик основаны на взаимоуважении. За учеником признается право свободной воли в выборе системы знания или гуру. Свободен ученик и в своем желании перейти от одного учителя к другому. Когда процесс обучения того требует, учитель может применить тактику подавления воли подопечных, но он не допускает действий, могущих повредить их сознанию. Уважение к «я» ученика страхует его от возникновения

вопросов типа: «Кто я: тварь ли дрожащая или право имею?» По мере возрастания умений и силы обучаемого ему предоставляется все большая свобода действий. Большинство учеников не должны продолжать после курса постижения знания отрешенный от мира образ жизни. От них требуется создание семьи и созидающий труд для общей пользы.

В нашей среде все чаще можно узнать о том, что появляются люди, собирающие вокруг себя учеников. Всегда хочется порадоваться тому, что желание приобрести знания кого-то живо волнует. Но когда речь идет об обучении индийским системам или о формировании под их знаменем круга общения, не оставляет чувство опасения, что объединяющим центром там может стать человек, выдающий свои поверхностные знания за абсолют и желающий самоутвердиться за счет доверчивости других. Келейность, борьба за лидерство, ступенчатая система приближения к «учителю», приказные запреты, просто обирание легковерных — вот неполный список пороков таких групп. Неуважение к своему «я» и желание самоусовершенствоваться толкает таких последователей к пассивности во внешней жизни, а неумение справиться с собой, найти позицию, с которой не столкнут «начальники» и доброхоты. Уважение к «я» людей, не принадлежащих к подобному кругу, удается еще слабее, потому что встает вопрос о необходимости доказывать свою правоту, тогда как аргументов для нее не хватает. Прямое следствие непонимания — либо распад группы, либо ее еще большее обособление с возрастающей системой запретов, вплоть до запрета на семью и личное имущество.

Еще одна мало осознаваемая подобными формированиями болезнь — это *следование* «природным» индийским учителям. Так, одним из знамен кришнаитов является учитель А. С. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Его доктрина кажется доступной и логичной, она целиком лежит в индийской традиции почитания Вед.

От своих последователей он требует разумного и необходимого обществу:

1) никакого недозволенного сексуального общения,

2) ничего мясного (включая рыбу и яйца),

3) никаких азартных игр,

4) ничего опьяняющего, включая сигареты, чай и кофе.

Они должны следовать этим четырем принципам и петь Харе Кришна маха-*мантра** (5).

Казалось бы, эта программа может способствовать здоровому образу жизни: есть привычная для индийских религиозных систем проповедь чистоты и пользы. Есть очень простое практическое средство — пение мантр. Объявлена цель — освободиться от времени и пространства, отдать себя Высшему. Написаны книги, переведенные и на русский язык, о том, почему следует держаться этой цели. Доступно для любого уровня сознания объяснено, в чем смысл произнесения мантр: сочетание звуков создает вибрацию, глубоко воздействующую на физическое тело, гармонизирующую его таким образом, очищающую сознание от суетности и окружающее произносящего пространство.

В современной медицине широко используется ультразвук, вибрационный массаж. Опубликованы сведения о самостоятельной вибрации отдельных органов человеческого организма, которая в болезненном состоянии отлична от нормы. Поэтому, возможно, скоро мы перестанем шарахаться как от псевдонаучного от знания о воздействии на организм чисто звуковых вибраций. Тем более что нам хорошо известно о воздействии музыки на психику. Так что можно понять, что последователи мантрической практики могли испытать на себе реальную силу монотонного и частого произнесения определенных звукосочетаний. Из опроса «несерьезных» после-

* Мантра — звуко-ритмическое сочетание высокочтимых и значимых слов. М. применяется в обрядовой практике индуизма.

дователей этого учения выясняется, что их привлекла к произнесению мантр быстро наступавшая поправка здоровья. Это же обстоятельство плюс внешняя эффектность ношения четок, совместное пение под цимбалы, вроде бы намекающее на единство, удерживает некоторых «серьезных» последователей от капитуляции.

Но, при всей кажущейся правдивости, подобным учителям все же не следует верить. От своих зарубежных учеников они скрывают тайный смысл необходимости столь истового произнесения определенных мантр, делающих их волю послушной, а энергию управляемой. Поэтому в привозимой литературе делаются специальные акценты на якобы существующие в индийской традиции допущения для веропоклонников — не индусов. В целях большей доступности чуть ли не ставится знак равенства между коммунистической идеей и кришнаитской. Используется профанация научных сведений об античастице как об антиматериальном доказательстве бытия Кришны.

В кришнаитской литературе есть соответсвующая индийской традиции проповедь верного отношения к *перерождениям*. Этот широкоизвестный догмат индийских верований у нас часто вспоминают в связи с необходимостью снизить страх физической смерти, перенести часть несбыточных желаний в возможное светлое завтра, которое всем воздаст по заслугам.

Но индийская вера в перерождения говорит о том, что уже сегодня, в данном отношении сил, каждый получает заслуженное; и высшей мерой наказания является бесконечное число перерождений в страдании.

Как бы мы ни относились к этой идее: как к чудачеству или к сказке, мы не можем не заметить, что боязнь неблагоприятного рождения удерживает массу индусов от многих ошибок в поведении и мышлении.

Дисгармония социальной жизни в Индии значительно смягчается тем, что для народа не размыто понятие *общей пользы*, связанной с поведением индивидуума.

Ответственность за собственные мысли и непричинение вреда окружающей среде — не пустые лозунги для большинства. Стойкость индийской общины — результат крепкой внутренней взаимозависимости ее членов друг от друга, здравого следования обычаям и традициям.

При этом важно учесть тот факт, что вступление в самостоятельную жизнь для индийца не связано с необходимостью определения своего значения как лица определенного пола. Иными словами, сексуальная революция в Индии не происходила из-за отсутствия неестественных кренов в воспитании. Все необходимые для жизни сведения человек мог получить, не стесняясь своих сородичей, обратившись к учителям и книгам. Согласитесь, что подобное снижение внутреннего напряжения охраняет человека от страха одиночества, от бессмысленного соперничества с себе подобными. Доступность знания в бытовых делах направляет человека не к праздному самоусовершенствованию, а к реальному творчеству.

Самой сенсационной индийской идеей в Европе оказалась именно эта — столь естественная — часть знания о половых вопросах. Самая известная индийская книга (после Вед) у нас сегодня «Камасутра», в искаженном виде, в банальном переводе, обошла многие руки. И то, что объединяет людей в Индии необходимостью каждого дня, стало у многих европейских «последователей» товаром, спортивным интересом.

Понятно, что проповедь воздержания, пришедшая вновь из Индии, может быть истолкована как самозащита от примитивизма.

Попытка рассуждения на широко известные темы всегда неблагодарна. Заезженность формул из культурной индийской традиции столь велика, что стала похожа на игру слов, привела к искажению понимания самой традиции и смысла этих формул.

Тем не менее то, что число «жертв» неправильного

толкования индийской культуры не уменьшается, а позитивный ее опыт не снижается, требует возобновления разговора на научных позициях. Сегодня как никогда требуется не прятаться за частокол терминов, а искать прилив новых, более доступных объяснений индийской традиции, способной помочь оздоровлению и гармонизации социальной жизни.

# ФИЛОСОФЫ ПРОШЛОГО

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ С.,
Москва

## «ВОЛЬНОДУМСТВО, ПАГУБНОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВУ»

...Поражал своим лицом Сократа.

*Из записей английского путешественника Д. Ганвея о В. Н. Татищеве*

Борьба науки с религией имеет давнюю историю. Но впервые четкая грань между научным мировоззрением и религиозным миропониманием была проведена в XVIII веке, в эпоху Просвещения. Бурное развитие естествознания, вызванное социально-экономическими потребностями, перевернуло к этому времени философские основы общественной мысли. «Духу» (то есть богу) стала противопоставляться природа, «закон божий» постепенно заменялся «естественным законом», пантеизм и особенно деизм становятся господствующими учениями. И наконец, в конце XVII — начале XVIII века все большую силу приобретают материалистические воззрения. Развитие общественных отношений постепенно приводило передовых мыслителей того времени к выводу о том, что религиозные представления об окру-

жающем мире являются серьезным препятствием на пути общественного прогресса.

Истины ради нужно сказать, что большинство просветителей XVIII века не могли избежать внутренних противоречий: многие учения сохраняли религиозную оболочку, а сами ученые и философы субъективно часто оставались верующими. Однако их идеи в целом нанесли мощный, разрушительный удар христианской церкви. Уже в XVIII веке просветителями была обоснована объективная необходимость борьбы с христианством и с религией вообще.

Свое развитие просветительство получило и в России. М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев — эти и многие другие имена наверняка известны читателям. Российские просветители, болея за судьбу Отечества, немало сделали для развития науки и просвещения народа. В различной форме отразилось в их взглядах и то главное, что отличало просветительство как передовую для того времени буржуазную идеологию — радикальные социально-политические требования, критика крепостного права и самодержавия, пропаганда идей равенства, призыв к уважению личности каждого человека.

В исследовании российского Просвещения есть еще немало неразрешенных вопросов. И один из них — время рождения просветительской идеологии в России. Обычно принято начинать отсчет со второй половины XVIII века. Однако есть все основания отдалить точку отсчета. Ведь уже в 20—40-е годы XVIII столетия развернул свою активную творческую деятельность Василий Никитич Татищев.

Василий Никитич Татищев (1686—1750) не был баловнем судьбы, его жизнь наполнена взлетами и падениями, и горя в ней было, быть может, больше, чем радости. Один из самых ярких «птенцов гнезда Петрова», после смерти императора Татищев большую часть жиз-

ни провел или в «почетной», но все же ссылке, или в опале и ссылке настоящей. Оригинальный ученый, автор около ста тридцати научных работ на различные темы, Татищев не увидел ни одно из своих произведений опубликованным в России. Талантливый, идущий впереди своего времени государственный деятель, он так и не смог до конца провести в жизнь ни одной своей идеи в области государственного управления. Почему? Скорее всего слова немецкого историка Августа Шлецера, некоторое время работавшего в России, о том, что Татищев «по вольному своему образу мыслей навлек на себя подозрение не только в духовном, но, что еще хуже, в политическом вольнодумстве», и есть ответ на этот вопрос.

«Политическое вольнодумство...» В самом деле, теоретические размышления В. Н. Татищева по политическим, социальным, экономическим и другим вопросам намного опередили свое время. Величие личности русского мыслителя и в том, что идеи свои он стремился воплотить в практической деятельности, создавая многочисленные проекты. Уже в первой половине XVIII века Татищев выступал за развитие промышленности и торговли, за увеличение роли частного предпринимательства, ратовал за разработку и установление четких законов, определяющих отношения между государством и частным капиталом. Впервые в истории России им была предложена организация чисто капиталистического финансового учреждения — коммерческого банка. Первым в русской исторической науке Татищев занялся вопросом происхождения крепостного права и открыто выразил сомнение в соответствии крепостного труда «естественному закону»: «...Рабство и неволя противо закона христианского»[1]. Одним из первых он выдвинул проект ограничения самодержавной власти путем установления конституционной монархии.

В советской исторической науке нет еще однознач-

[1] Татищев В. Н. Избр. произв. Л., 1979 с. 381.

ной оценки мировоззрения, да и всей деятельности В. Н. Татищева. Особая полемика разворачивается вокруг определения классовых корней мировоззренческих позиций мыслителя. Некоторые исследователи считают его выразителем интересов только дворянства [1]. Другие указывают на то, что «Татищев и в теории, и на практике непосредственно поддерживал те тенденции, которые были объективно буржуазными или способствовали буржуазному развитию» [2].

Думается, что у последней точки зрения есть серьезные основания, а значит, можно считать, что Татищев уже был просветителем. В самом деле, просветители всегда объективно выражают или интересы класса буржуазии, или, если класс буржуазии еще не сложился, отражают те буржуазные тенденции и даже потенции, которые выявились в обществе и носителями которых могут быть иные социальные группы, например некоторая часть дворянства. Таковым дворянином (по происхождению, по положению в обществе) и был Татищев, который гораздо раньше самой российской буржуазии понял бесперспективность крепостнического строя, понял необходимость его изменения на «разумных» началах. Для XVIII века переход к «разумному бытию» и был постепенным переходом к жизни на капиталистических социально-экономических основаниях.

И Татищев смотрел в будущее, недаром же немалое число его идей и предложений нашло свое применение только после его смерти, в конце XVIII века, когда необходимость реформации общественного строя России стала очевидностью даже для правительства.

Методологической основой для столь активной и прогрессивной жизненной позиции В. Н. Татищева послу-

---

[1] Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

[2] Кузьмин А. Г. Политические и правовые взгляды В. Н. Татищева. — Сов. государство и право, 1982, № 9, с. 110.

жила его философская концепция. Один из самых образованных людей своего времени, он свободно ориентировался в разнообразных философских течениях, часто в своих работах обращался к трудам Платона, Аристотеля, Сократа, Гоббса, Лейбница, Декарта, Макиавелли, Ньютона, Коперника, Фонтенеля, Локка, Галилея и других известных философов и ученых. Немалое влияние на развитие мировоззренческих взглядов В. Н. Татищева оказали немецкие философы, теоретики «естественного права» Самуил Пуфендорф и Христиан Вольф [1].

Среди работ самого Татищева особое место занимают, безусловно, «История Российская» и «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах».

В «Разговоре» В. Н. Татищев предстает перед нами интереснейшим и самобытным мыслителем, чьи идейные искания проходили в русле самых передовых учений своего времени. В этой работе он практически полностью сформулировал свою философскую концепцию, хотя его социально-политические взгляды продолжали развиваться, и к наиболее радикальным выводам в политических и социальных вопросах Татищев пришел в конце жизни. При жизни автора «Разговор» издан не был, но в рукописном варианте, видимо, был в России известен. Сейчас найдено уже семь рукописей этого произведения, относящихся к концу XVIII века. В одном

---

[1] Пуфендорф Самуил (1632—1694) — немецкий историк, юрист, философ, один из ведущих теоретиков «естественного права» в Европе XVII века и практически первый популяризатор этой доктрины в Германии. В XVII — XVIII столетиях Пуфендорф был широко известен по всей Европе, в том числе и в России, где неоднократно переводились и издавались его труды.

Вольф Христиан (1679—1754) — немецкий математик и философ-рационалист, идеолог раннего Просвещения. Как ученик Лейбница, популяризатор его учения и самостоятельный оригинальный мыслитель, Вольф сыграл немалую роль в распространении научного знания. Его учение пользовалось большим влиянием в Европе. Вольф был хорошо известен в России, одним из его учеников был М. В. Ломоносов.

из своих изданий его намеревался напечатать известный российский просветитель XVIII века Н. И. Новиков. К сожалению, это намерение не было осуществлено, и впервые «Разговор» увидел свет только в 1887 году, более чем через 140 лет после написания.

Само произведение — «Разговор дву́ приятелей о пользе наук и училищах» — это своего рода энциклопедия, в которой собраны все знания автора о мире — философские, исторические, политические, в области естествознания, медицины, богословия и т. д. По форме выражения «Разговор» представляет собой популярный в те времена диалог, в котором Татищев, как автор, отвечает на вопросы своего приятеля. Диалог, содержащий 121 вопрос и столько же ответов.

Следуя гуманистической и рационалистической традиции, Татищев ставит в центре всей своей концепции Человека. Человек — важнейший объект познания, а познание человека ведет к познанию мироздания вообще. Вслед за многими западными философами Татищев считал, что человек состоит из «двух различных свойств» — души и тела. При этом «главнейшей» частью является душа — нераздельная, бессмертная, дарованная богом. Душа имеет свои орудия и силы, важнейшей из которых В. Н. Татищев признавал разум. Но в отличии, например, от С. Пуфендорфа он писал, что душа не может существовать вне тела, ведь вне тела она представляет собой лишь бесплотный, абстрактный дух, неспособный самовыразиться. Анализируя такой важный для теологии акт, как акт одушевления тела, Татищев пришел к выводу, что все людские души богом единожды еще в «Адаме сотворены» и в дальнейшем при зачатии передаются от отца к сыну. Основу для этого утверждения он находил в научных исследованиях Левенгука. Значит, душа — понятие идеальное, неразрывнейшим образом связано с телом. Тело же — это строго материальный объект, ведь тело может существовать и неодушевленным (Татищев приводит в

пример животных). Этим утверждением философ вступал в противоречие с церковным учением, которое превозносило душу над телом. Не отдавая приоритета ни одной из «частей» человека и соглашаясь с Лейбницем, Татищев писал, что движение в человеке происходит «согласное от души и тела».

Такая дуалистическая точка зрения приводит Татищева к деизму. Необходимо отметить, что сам деизм и возник как противопоставление ортодоксальной религии. Не будучи полностью материалистами, деисты соединяли в своих учениях материалистические и идеалистические воззрения. Соединение это было чаще всего механическим, потому-то деизм и был всегда внутренне противоречивым. Но сам факт уравнения деистами «божественного промысла» (то есть идеального) и «естественного бытия» (то есть материального) сыграл огромную роль в истории свободомыслия и подготовил благодатную почву для распространения уже последовательного материализма.

Вообще, философской концепции Татищева свойственно большое влияние материалистических учений. Татищев был знаком с трудами Эпикура, Спинозы, положительно отзывался о П. Бейле. Сам он во многом был последователем столь уважаемого им немецкого философа и математика XVIII века Христиана Вольфа. Х. Вольф являлся продолжателем двух противоположных в XVII веке течений: идеалистического (рационализма) и материалистического (сенсуализма). При этом Вольф не примыкал в полной мере ни к одному из названных течений. С одной стороны, он как бы вырастал из рационализма, когда, признавая материальные основы мышления, писал: «Понятие называю я каждое представление всякой вещи в наших мыслях»[1]. Но, с другой стороны, он исходил из признания самостоятельного и играющего главенствующую роль разума. Ведь у Воль-

---

[1] Вольф Х. Разумные мысли о силах человеческого разума. Спб., 1765, с. 13.

фа *отдельное* понятие отражает *отдельную* вещь, а не сознание *вообще* является отражением материи *вообще*. Сознание *вообще* даровано богом. То есть Вольф не был до конца ни рационалистом, ни сенсуалистом, пытаясь совместить и то и другое в своей «экспериментальной философии».

Татищев, как и Вольф, не принимал ни крайностей сенсуализма с его практически полным отрицанием самостоятельного разума, ни крайностей рационализма. Но дело еще и в том, что вольфовская философия, которая исповедовала механический детерминизм, разрывала мир на отдельные предметы и была не способна подняться до обобщения природы как одного целого, побуждала Татищева попытаться самостоятельно вывести некое единое для всего мира понятие, в котором можно было бы обобщить различные материальные и духовные явления. В своем труде «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» Татищев дает такое определение понятия «естество» (натура). Он выделяет три аспекта: под «естеством» а) «разумеется иногда бог и начало всех вещей в мире»; б) «разумеется тварь в ее бытии»; в) «состояние природное вещей в их внутреннем качестве, силе и действе, в котором духи и тела заключаются. И в сих двух сие слово ничто значит, как природу, по премудрости божией определенную...» [1].

Как видим, в этом определении еще есть бог, но бог олицетворяет собой только природный разум, который дал толчок развитию мира, «началу всех вещей в мире», то есть бог теряет свою антропоморфность и превращается в понимании Татищева в абстрактный дух мироздания. И получается, что бога как такового, как непознаваемого существа нет. Он соединяется с «естеством», природой, растворяется в ней. Далее Татищев определяет «естество» как «тварь», как все живое, но неодушевленное (имеются в виду животные) в их ма-

[1] Татищев В. Н. Избр. произв., с. 275.

териальном бытии. Этому положению соответствует и третье определение «естества»: природное состояние (то есть материальное состояние, дарованное богом) — общо, внутренне присуще всем вещам, неживым предметам. В этом же природном состоянии заключаются также *души и тела людей.* Значит, Татищевым подразумевается некая общая всему миру субстанция, которая является материальным состоянием всего живого и всех вещей. Причем это состояние внутренне присуще каждой вещи, каждому организму, следовательно, каждый организм или вещь конкретны, но они же обладают общей для всех вещей и организмов субстанцией.

По сути дела, перед нами своеобразная и совершенно оригинальная попытка определения понятия «материя». «Естество» — это объективная реальность, созданная богом, но существующая независимо от него. Бог только «начало». Понятно, что татищевское определение противоречиво, в нем смешиваются элементы идеализма и материализма. Но иначе и быть не может, ведь это деистическое (с элементами пантеизма) решение основного вопроса философии, а деизм противоречив по своей сути, раз он покоится на примирении двух противоположностей. Несомненно и то, что идеализм стоит у Татищева все же на первом плане (бог — первичен), и в общем его концепцию можно считать объективно-идеалистической. Но для нас главное не в этом. Главное в том, что его учение уже материалистично. Материализм Татищева еще стихиен, до конца все же не осознан, но для России второй четверти XVIII века это ново и, по традиционным меркам, может быть, неожиданно, хотя в принципе закономерно. На закономерность данного явления указывал Ф. Энгельс, когда писал, что на протяжении XVII—XVIII веков «идеалистические системы все более и более наполнялись материалистическим содержанием и пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи»[1].

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 285.

Свое деистическое мировоззрение В. Н. Татищев облекал в форму «естественного закона», или, иначе, в форму теории «естественного права». Современная наука считает, что теория «естественного права» — это теория прежде всего рационалистическая по своей методологии и буржуазная по своей социальной направленности, хотя себе на службу эту теорию ставили разные социальные силы.

Российским мыслителям были ближе немецкие толкователи «естественного права» (например, С. Пуфендорф), более консервативные, чем английские и голландские. Но при этом одни из русских ученых отступали от немецких философов назад к теологии (что проявилось у Ф. Прокоповича), другие шли далее — к рационализму, деизму и просветительству, как, например, В. Н. Татищев.

Будучи истинным ученым, Татищев прекрасно понимал, что мир не может развиваться просто так, существуют законы развития. Что это за законы? Откуда они берутся? Церковь считала, что в основе всего лежит «божественный промысел». Так ли? Татищев поставил этот догмат под сомнение. Мир, по его мнению, развивается по «естественному закону». Конечно, Татищев еще не отрицал «божественного» закона в пользу «естественного», но он потеснил первый и пытался, опять же деистически, совместить эти два закона, ставшие непримиримыми только к концу XVIII века.

Что же это за «естественный закон»? В «Разговоре» Татищев писал: основание «естественного закона» — «люби самого себя с разумом», и оно вполне согласуется с основанием закона «письменного» (Библии) — «любить бога и любить ближнего», и оба эти закона суть «божественные». Самым важным в этом рассуждении является то, что на первое место в татищевском «естественном законе» выходит разумная любовь к себе, или, иначе, принцип «разумного эгоизма», в этом и заключается суть «естественного закона». В этом случае

целью существования человека становится достижение «истинного благополучия, то есть спокойности души и совести». Любовь к ближнему, даже любовь к богу — только для собственного благополучия. Татищев писал: «Еще же как я желаю благополучие мое всегда приумножить, а ведая, что ни от кого более как от него (бога. — *С. П.*) получить могу, и для того от любви разумной к себе должен и заимодательно или предварительно бога любить... И тако можно уразуметь, что в основании божественных, как естественнаго, так и письменнаго законов разности нет, следственно все состояние их *едино и любовь к богу, яко же и к ближнему должны мы изъявлять для собственного нашего настоящаго и будущаго благополучия»* (выделено мной. — *С. П.*) [1].

Впервые в истории общественной мысли России Татищев объявил принцип разумного эгоизма универсальным критерием всей совокупности человеческих отношений (материальных и идеальных), а это полностью противоречило идеологическим установкам официальной церкви, которая главным критерием человеческого существования всегда видела отношение человека к богу. Учитывая политическую значимость подобного понимания естественного закона и своеобразие социально-политических воззрений В. Н. Татищева, можно утверждать, что он предлагал самое радикальное в условиях России первой половины XVIII века толкование «естественного права» и более радикальное, чем его немецкие предшественники.

Пристальное внимание к индивидуальности, выделение индивидуального сознания из общественного сознания как основы сознания вообще началось в Европе еще в эпоху Возрождения на раннебуржуазной основе, вылившись в философию гуманизма. Для Нового времени характерен рационализм как идейное выражение развивающихся буржуазных отношений, который по

[1] Татищев В. Н. Избр. произв., с. 62.

сравнению с гуманизмом гораздо более «эгоистичен». Говоря о закономерности этого явления, К. Маркс писал, что только с развитием буржуазных тенденций внутри феодализма «феодальное общество было разложено и сведено к своей основе — человеку, но такому человеку, который действительно являлся его основой, к эгоистичному человеку...» [1]. Именно тогда, замечает Ф. Энгельс, «мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего» [2].

Однако «эгоизм» Татищева имел свое нравственное обоснование и весьма жесткие рамки. Вообще в середине XVIII столетия теория «естественного права» с ее проповедью «разумного эгоизма» носила совершенно иной характер, чем в позднейшие времена, в XIX веке, когда буржуазный «эгоистический человек» стал и в теории, и в реальной жизни отрицать общественные нормы морали и нравственности, а свои собственные желания и устремления стал объявлять общественными потребностями. Для XVIII века «естественноправовая» концепция была более прогрессивной и более нравственной, чем господствующая еще в то время ортодоксально-христианская мораль, хотя бы уже потому, что требовала относиться к человеку как к Человеку. Так и Татищев выступал с позицией именно разумного эгоизма. По мнению философа, чувства и воля человека должны сдерживаться Разумом, иначе существование человеческого общества просто невозможно. Да, человек должен во всем исходить из «пользы для себя», но делать это он должен разумно, рационально, то есть соотносить свои желания с желаниями других людей и общества в целом. В этом и состоит сущность нравственно-этических убеждений В. Н. Татищева. Он писал: «Тако, зане человек по естеству желает быть благополучен, но оное никако без помощи других приобрести и сохранить не можем, убо должны мы оных, от кого

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 404.

[2] Там же, т. 20, с. 16.

какую любовь или милость получили, возмездно любить, или от кого паче надеемся милость, помощь или добродеяние получить, должны ему заимственно от нас самих равное изъявить...» Важнейшей обязанностью человека считал Татищев служение своему Отечеству, ради блага которого нельзя, по его мнению, щадить ни своих сил, ни здоровья, ни «живота своего». Но служить надо с умом, чтобы приносить Отечеству пользу, а не вред. «Все должно быть разумно!» — вот руководящий принцип его мировоззрения.

Как видим, В. Н. Татищев, находясь на деистических позициях, постоянно отталкивался от идеи рационализма. Можно выделить его рационализм в онтологии, когда Татищев определял разумное начало бытия; в гносеологии — разум у Татищева является главным средством познания; этике — разум лежит в основе этического действия. Принцип разумного эгоизма вытекает из идеи рационализма, последняя стала как бы исходным моментом, основополагающей идеей всей деистической концепции В. Н. Татищева.

Интересно, что сам по себе деизм К. Маркс характеризовал как «буржуазную разновидность» христианства[1], Эта характеристика вполне приложима и ко взглядам В. Н. Татищева. Он не отрицает, а, наоборот, постоянно подчеркивает свое признание бога, Библии (правда, как отмечалось выше, сущность бога он понимал по-своему). Но Татищев подчеркивает и активность человека. Бог создал мир и наблюдает за ним, наказывает за ошибки. Человек же самостоятелен и активен в своих действиях и не будет ошибаться, если следует установленному богом «естественному закону». При этом Татищев отмечал, что «естественный закон» есть «всем народам общий», а «письменный (Библия. — *С. П.*) токмо верующим святому писанию». То есть, признавая, с одной стороны, единую «божественную» основу у «естественного» и «письменного» законов, он,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89.

с другой стороны, совершенно сознательно отделяет «естественный закон» от Библии. Оказывается, вовсе не обязательно быть христианином для того, чтобы жить правильно, главное, соблюдать «естественный закон». Библия в таком случае превращается всего лишь в запись закона «естественного». Значит, Библия в понимании Татищева перестает быть единственным источником всех человеческих законов. Она единственный письменный источник. А главнейший закон — «естественный», который дан богом человеку без каких-либо посредников. Таким образом, человек может самостоятельно приобщиться к богу. Этот тезис уже может служить обоснованием ненужности церкви как организации, обеспечивающей человеку общение с богом.

Вообще, В. Н. Татищев считал, что церковь, ее обряды, законы третьестепенны. Церковь — это всего лишь форма, в которую облекается «естественный» закон, причем форма необязательная, да и не единообразная. Татищев признавал существование любой церкви, выделяя четыре основных известных ему типа: идолопоклонническую, магометанскую, еврейскую и христианскую (в последней много различных течений). Различия между церквами он видел только в обрядах. Однако ни одна из церквей не справляется с главной своей задачей — воплощать идею единого бога- разума, более того, в разных церквах различно даже наименование бога. Причина этого, по мнению Татищева, лежит в «непросвещенности» народов, из-за чего они не могут постичь истинную божественную сущность.

Из всей этой, в принципе, антиклерикальной схемы опять же логически напрашивается вывод о том, что когда народы просветятся, то церкви будут не нужны. Но в работах Татищева такого вывода мы не находим. Его вывод стоит несколько в иной плоскости — он настоятельно требует просвещения народа. Такая осторожность в выводах скорей всего оттого, что Татищев опасался лишний раз получить обвинение в еретичестве.

И это были не напрасные страхи. По свидетельству автора «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова, Петр I однажды пустил в ход дубинку за то, что Татищев публично осмеивал Священное писание. При этом Петр приговаривал: «Не соблазняй верующих честных душ, не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству. Не на тот конец старался я тебя выучить, чтоб ты был врагом общества и церкви». На Татищева такая «наука» особенно не повлияла, но он стал осторожнее в высказываниях. И тем не менее слыл еретиком. Через много лет, когда Татищев заканчивал свою «Историю Российскую», кое-кто из первых читателей рукописи находил, что автор «православную веру и закон опровергал» [1]. Критическое отношение В. Н. Татищева к Библии вызвало отрицательную реакцию даже у просвещенного Феофана Прокоповича. После одного из споров с Татищевым, в котором тот заявил, что библейская «Песнь песней» не божественное, а человеческое произведение, Прокопович разразился целым трактатом в защиту сверхъестественного, «святого» происхождения «книги Соломоновой». А находившийся на русской службе доктор Иоган Лерх отмечал, что Татищев «относительно религии... держался особых убеждений, за которые многие не считали его православным».

Отодвигая церковные законы на задний план, Татищев тем самым не признавал примата церкви над духовной жизнью человека, проповедуя моральное и идеологическое раскрепощение личности. В отличие от религиозной нетерпимости, столь свойственной истории средневековья, Татищеву, как и любому просветителю, была присуща большая веротерпимость. По его мнению, религиозные распри приносят государству только вред. Виновниками религиозной вражды Татищев объявлял «корыстолюбивых попов», «суеверных ханжей» и «бессмысленных набожников». Между людьми «умными» та-

---

[1] Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 85.

кой вражды быть не может, «понеже умному до веры другаго ничто касается и ему равно Лютер ли, Кальвин ли, папист, анабабтист, магометанин или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгуется. Ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав...»[1]. Но в этом умозаключении важна не только веротерпимость. Получается, что религиозные распри отступают перед единством материальной жизни людей и бог, «яко судия правый», это поддерживает. На первый план у Татищева опять же выходит не отношение к богу, а отношения между людьми.

В свое время Г. В. Плеханов, первым изучавший мировоззрение В. Н. Татищева с марксистских позиций, писал, что у Татищева «протестантский взгляд» на религию[2]. После приведенной выше мысли Василия Никитича думается, что точка зрения Г. В. Плеханова требует корректировки. Иметь «протестантский взгляд» — это значит исповедовать одно из направлений внутри христианства. Но ведь у Татищева приравнены и протестанты, и католики, и мусульмане, и язычники. Религиозные противоречия отступают перед необходимостью вести нормальную общественную жизнь. Идеологическая борьба вторична по отношению к материальному бытию. У Татищева не «протестантский» бог противопоставляется богу «католическому» или какому-либо другому, а его бог — Разум противопоставляется разным пониманиям сущности бога. Бог же Татищева заключен в природе, в человеке. Это пока еще не атеизм, но уже высокая форма развития «вольнодумства», развитый деизм. А «деизм», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и логичный способ отделаться от религии»[3].

---

[1] Татищев В. Н. Избр. произв., с. 87.

[2] Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1925, т. II, с. 45.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 144.

Такие взгляды на религию заставляли В. Н. Татищева постоянно полемизировать с ортодоксальными теологами. Вопреки им, он нисколько не сомневался в познаваемости внешнего мира, в способности человеческого ума вникнуть в причинную связь событий, предугадать их дальнейшее изменение, выделяя при этом два способа познания мира — логический и чувственный. Заметим, что Татищев фактически одним из первых в истории русской общественной мысли указывает на чувства как на важнейшие источники познания.

Рационализм и деизм стали философской основой татищевского просветительства. В «Разговоре» автор по-просветительски развивает рационалистическое понятие «ума». По его мнению, ум дан богом всем людям, но только путем просвещения он превращается в «разум», способный постигнуть «естественный закон». Само противопоставление «ума» и «разума» (то есть «ума просвещенного») логически обосновывает необходимость развития наук и образования, необходимость просвещения. Это как бы главный практический вывод из всей его философской концепции — чтобы человек «разумен был, надобно ему прежде учиться» [1]. И самое важное: «просвещение умов», по его мнению, есть единственное средство, способное изменить окружающий мир, способное решать социальные и политические вопросы.

Эта идея и ложится в основу татищевского построения хода всемирной истории: в отличие от господствовавшего в то время провиденциалистского понимания истории, считавшего, что история развивается по «божественным» указаниям, Татищев главной причиной исторического развития видит «просвещение умов». Исходя из этого, Татищев определил три основных этапа в истории человечества. Первый этап — это «обретение письма», благодаря чему появились книги, были записаны законы, которые «людей на благое настав-

[1] Татищев В. Н. Избр. произв., с. 51.

лять, от зла удерживать стали». Второй этап — «пришествие и учение Христово». Христос показал людям путь к моральному и духовному очищению от «злонравия» и «злочестия». Третий этап характеризуется появлением книгопечатания, что привело к широкому распространению книг, возможности основания большого числа учебных заведений, что, в свою очередь, дало толчок новому развитию наук. Ну а развитие и распространение науки двигает и саму историю.

Разделение человеческой истории на этапы поступательного развития делалось Татищевым по аналогии с ходом развития «единственного» человека, что было свойственно многим западноевропейским просветителям. В развитии человека он определял четыре этапа: младенчество, юношество, мужество и старость. Соответственно и для исторического процесса: «обретение письма» — окончание младенчества; второй этап соответствует юношеству; появление книгопечатания означает начало «старости благоразумной» или «совершенного мужества». Таким образом, основываясь на данной периодизации, Татищев создал просветительскую теорию прогресса: «науки» и «разум» прежних народов «со младенчества ничего, в юности же мало что полезное показали, но, приходя в стан мужеский... полезное показывать стали», то есть чем более развито просвещение, тем прогрессивнее ступень развития человечества.

В борьбе с церковниками, которые утверждали, что наука и учение вредны, так как нельзя познать бога, ибо вера — это таинство, Татищев отстаивал свои идеи опять же с просветительских позиций: «К познанию бога, яко же и к пользе человека нуждная философия не грешна, толико отвращающая от бога вредительна и губительна... А запрещающие оную (философию. — *С. П.*) учить суть или самые невежды, не ведущие, в чем истинная философия состоит, или *злоковарные некоторые церковнослужители и для утверждения их богопротивной власти и приобретения богатства вымыс-*

*лили, чтобы народ был неученой и ни о коей истине разсуждать могущий, но слепо бы и раболепно их росказам и повелениям верили»* [1] (выделено мной. — *С. П.*).

Вот как остро ставил вопрос Татищев! Снимая с себя обвинение в еретичестве, он резко обличал «церковнослужителей» в стремлении сохранить народ в темноте, чтобы приобретать богатства и удерживать свою богопротивную (!) власть. Для просветителя Татищева не было злее и опаснее врага его идей, чем церковь, погрязшая в корыстолюбии, разлагающая самим своим существованием идею бога, а для Татищева значит идею Разума, мешающая просвещению народа и тем самым прогрессу общества. Практика показала, писал Татищев, что законы церковные, будучи законами «самопроизвольными», «человеческими», часто нарушают закон «божественный» (то есть «естественный»). Поэтому, не решаясь еще требовать уничтожения церкви, Татищев выступал за необходимость контроля над церковью со стороны светской, государственной власти, по его мнению, все же более «разумной».

Василий Никитич Татищев был человеком своего времени, но не только. Он во многом опережал свое время. Уже в тридцатые годы XVIII столетия он — деист, рационалист — поднялся до просветительского, буржуазного по своей сути мировоззрения, став первым и выдающимся представителем талантливой плеяды российских просветителей.

---

[1] Татищев В. Н. Избр. произв. с. 79—80.

# ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КУДРЯВЦЕВА И.,
Москва

## РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ

Каждый школьный учитель, классный руководитель в особенности, знает, как трудно бывает составить план воспитательной работы с учащимися. В нем много разделов: и патриотическое воспитание, и эстетическое, работа с родителями, физическое совершенствование детей и многое другое. Обязательным пунктом плана является и раздел «атеистическое воспитание». Думается, что, если бы все пункты этих планов выполнялись, а главное, после всех мероприятий наши дети действительно становились умнее, добрее, красивее, то не было бы тех сложнейших проблем воспитания молодежи, о которых сейчас говорят все. Но как ни сложно составить план, действовать в соответствии с ним еще сложнее.

Что же такое атеистическое воспитание в школе? Начиная с младших классов учитель много говорит о вреде религии, подкрепляя эти утверждения примерами из истории церкви. Проходят годы, из начальных классов ребята переходят в средние и старшие, а методические средства атеистической работы, их уровень не меняются — беседы, беседы... На протяжении десяти лет

мы преподносим своим ученикам бесспорные истины, доказывая, что религия — это плохо, потому что она мешала развитию науки, помогала эксплуататорам всех эпох угнетать народные массы (единство классового государства и церкви). Но именно эта бесспорность и опасна, ибо одними примерами, как известно, ничего не докажешь. Искушенный собеседник легко сможет поставить в тупик ученика 10-го класса, который вроде бы и все понимает, и примерами нашпигован, и довольно бойко может говорить о том, как церковь стояла на страже классовых интересов, как сожгла Джордано Бруно и т. п. ...Но ведь и оппонент имеет в запасе достаточно «контраргументов»: религиозные деятели борются за мир, церковь признает многие научные открытия, в Латинской Америке священники выступают вместе с коммунистами за свободу Никарагуа. А распространение письменности? А борьба за нравственный идеал? и т. д. ...Таким образом, этот спор можно вести бесконечно, и нет гарантии, что истина все же восторжествует, поскольку его разрешение зависит от количества положительных и отрицательных примеров. Да и школьники часто воспринимают религию как некое недоразумение, впрочем, как и идеализм вообще. Но главное в другом. Их же собственные материалистические представления мало чем отличаются от принятых на веру религиозных догм. Столкнувшись в реальной жизни с трудностями, с непониманием каких-то ситуаций, явлений, увидев несоответствие того, что, как им говорили, должно быть, и того, что есть, такие «атеисты» порой теряются (если, конечно, нравственный стержень поведения у них сильнее своекорыстного интереса, в противном случае они чаще всего становятся прагматиками), испытывают разочарование, а встретив на своем пути умелого религиозного проповедника, сравнительно легко поддаются его влиянию.

Почему же так происходит? Вступая во взрослую жизнь, все подростки уверены, что справедливость всег-

да торжествует, зло наказывается, истина не зависит от произвола сильных. Но оказывается, что в жизни все далеко не так просто, как казалось на уроках, что зло воинственно и изощренно, а добро мягкотело и бессильно, что правда, оказывается, нужна не всем, что и хороших людей она тоже почему-то пугает, что за благими намерениями и призывами иногда кроется простой эгоистический расчет или в лучшем случае равнодушие, что на лицемерие чаще просто закрывают глаза, а не порицают его, что в этой жизни человек может быть беззащитен, что его несет куда-то рок мелких и больших событий. Со всем этим ребята сталкиваются еще в школьные годы. Уже тогда они смутно ощущают, что существуют как бы две жизни — та, что в школе, где все «как должно быть», другая — за ее стенами, которая идет своим чередом. В старших классах ребята даже с сочувствием относятся к учителю. Они понимают, что он должен говорить правильные слова. Но верят ли они ему в полной мере? Вот так и получается, что принципы, преподаваемые в школе, вовсе не связаны с реальной жизненной борьбой. А отсюда и растерянность в реальных жизненных ситуациях, и нигилизм, и метания...

Однажды весной, накануне большого религиозного праздника, в девятом классе я проводила беседу на атеистическую тему, говорила о недопустимости участия комсомольцев в религиозных обрядах, посещения ими церкви и т. п. После классного часа ребята разошлись по домам, чтобы переодеться, а затем вернуться в школу на субботник. Прошло сорок минут, ребята пришли в класс, и одна из девочек принесла небольшой сверток, а в нем — красиво выпеченный мамой или бабушкой пасхальный кулич. Принесла его Лена для того, чтобы угостить меня, свою учительницу. Я оказалась в сложном положении: не взять угощение — обидеть ребенка, взять — противоречить своим собственным словам, сказанным всего час назад. Этот случай

дал еще один повод для размышлений. Стало ясно, что беседа о вреде религии цели своей не достигла. Но, может, это и не религиозность вовсе? Я хорошо знала семью ученицы, трудно даже было предположить, что кто-нибудь из ее членов верит в бога. Скорее это была дань традиции, подобно другой традиции — ходить в день церковного праздника на могилы родных и близких, чтобы почтить их память, привести в порядок могилы. Но почему именно (а зачастую и только) в религиозный праздник? Не западает ли в душу человека непроизвольно представление о тесной связи между глубоко нравственным поступком (уважение к памяти) и религией как единственным носителем нравственного начала? Казалось бы, мелочь, не более чем бытовой случай, но из бытовых случаев складывается жизнь.

И так ли уж случайно обращение некоторых молодых людей к различным религиозным учениям, от христианства до дзен-буддизма? Многих из них в кружки и секты привели поиски действительной нравственности, совершенства, гармонии мысли и поступков. Но поскольку «усвоенный» ими материализм скорее походил на веру, чем на мировоззрение, то постепенно, под влиянием умелой пропаганды всевозможных «гуру» достижение гармонии оборачивается пересмотром «усвоенных», но непонятых, «изученных» но непостигнутых истин материализма. И уже слышишь: «Материализм ничего не объясняет, с его помощью нельзя понять человека, материализм все сводит к влиянию среды и т. п.»... А говорят это люди с высшим образованием, преимущественно молодежь! Почему же так легко сдаются позиции?

Конечно, причин здесь много, но мы вернемся к тому, с чего начали, — к школьным урокам и, в частности, урокам обществоведения. Этот курс является как бы обобщающим, приводящим в научно-материалистическую систему все знания, полученные детьми в течение десяти лет обучения в школе. Но что это за система?

По сути дела, систематизируются все те же примеры, в результате основные положения диалектического материализма предстают не как итог трудного и противоречивого, но никогда при этом не завершающегося пути человечества к познанию природы и самого себя, а как выводы, получившиеся в ходе простого обобщения определенной совокупности примеров. Теряется главное — одушевляющая связь с практикой всего человеческого познания в его многогранности и противоречивости. В свое время В. И. Ленин писал о том, что гносеологические корни и идеализма, и религии кроются в абсолютизации одной из сторон, одной из черточек бесконечно богатого человеческого познания, в прямолинейности и односторонности, в окостенелости и субъективизме (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322).

Человеческое познание бесконечно, как бесконечна сама материя, и всегда будет нечто еще не познанное, что выхватывается из общей связи и на чем строится своя собственная религиозная система. Понятно поэтому, что любая обобщенная сумма примеров превращает спор между материализмом и религией в «дурную бесконечность». Более того, такой «материализм» оказывается в невыгодном положении оправдывающегося, поскольку ему постоянно указывают на его же ограниченность, и именно такой материализм чаще всего и преподается и усваивается школьниками.

Между тем диалектика развития материи и ее познания должна быть вскрыта в любой простейшей «клеточке» жизни и познания. Конечно, нельзя требовать от учителя и учеников всестороннего понимания диалектики. Но гораздо полезнее, раскрыв суть диалектического материализма, показав его глубочайшую и противоречивую связь с практикой человечества, научить школьников ставить правильные вопросы к тому, что не понято или вызывает сомнения, чем снабжать их набором истин на все случаи жизни, потому что нельзя рас-

тить атеистов, чей атеизм, по сути дела, мало чем отличается от веры в правильность материалистических идей.

КИШИЛОВ В., ЛОМОНОСОВ А.,
Москва

## ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ

Публикации сборника «Молодежь. Религия. Атеизм» заставляют задуматься над многими вопросами. Как понимают бога некоторые современные богоискатели? Почему они приходят к идее бога? Какие общественные процессы способствуют этому? Какую же часть реальной жизни некоторых людей заменяет религия?

«Над нами есть Бог как высшее мерило совести и милосердия» — так думает Авдий Каллистратов — современный богоискатель, выведенный в романе Чингиза Айтматова «Плаха» [1]. Среди всех ипостасей верховного божества одно из центральных мест для Авдия занимает бог — носитель духовного идеала человека. Так, слушая церковные песнопения, Авдий видит в них не «формальное обращение» к «Нему» через «заученные божественные тексты», а «дух, устремленный к вершинам собственного величия» [2].

Духовные искания Авдия наводят его на образ «Учителя» — Иисуса Христа. Сын божий, авторитет которого непререкаем для Каллистратова, подтверждает свое предназначение: «На то и родился я на свет божий, чтобы послужить людям немеркнущим примером. Чтоб люди уповали на мое имя и шли ко мне через страдания, через борьбу со злом в себе изо дня в день, через отвращение к порокам, к насилию и кровожадно-

[1] Айтматов Ч. Плаха. — Новый мир, 1986, № 8, с. 94.
[2] Там же, с. 37.

сти, столь пагубно поражающим души, не заполненные любовью к Богу, а стало быть, к подобным себе, к людям»[1].

Скажем прежде всего, что позиция Авдия Каллистратова не нова. Еще богостроители[2] начала века (А. В. Луначарский, М. Горький, Е. Базаров и др.) представляли бога как «человечество грядущего», как «все человеческое в высшей потенции»[3]. Аналогичная точка зрения встречается и сегодня у некоторых молодых людей, занятых проблемами веры. Показательным в этом плане является мнение одной из верующих студенток, беседа с которой публиковалась в третьем выпуске настоящего сборника. Повседневная жизнь навязывала этой девушке культ сильной личности, умеющей отвоевывать себе место под солнцем. Приход в церковь позволил ей отойти от «наполеоновских» принципов и обрести идеал деятельной любви к людям, воплощенный в Христе[4].

Вот и разгадка непонятного обожествления элементарных человеческих ценностей. Многие современные люди стремятся превратить эти ценности в нечто сверхъестественное, в бога, для того только, чтобы подобный духовный идеал стал достойным веры. И происходит это потому, что реальная действительность порой толкает человека к иным «ценностям». В жизни эти люди не видят или не замечают подлинной духовности; поэтому идеал, без которого человек теряет смысл существования, они ищут вне реальности.

Имеет ли такой дефицит духовности социальные корни?

Недостаточное развитие духовных потребностей личности и неполное их удовлетворение — закономерное и

[1] Айтматов Ч. Плаха. — Новый мир, 1986, № 6, с. 114.

[2] Богостроительство — философско-этическое течение, пытавшееся соединить научный социализм с религией.

[3] Луначарский А. В. Атеизм. — В кн.: Очерки по философии марксизма. Спб., 1908, с. 159.

[4] Молодежь. Религия. Атеизм. М., 1986, вып. 3, с. 126—128.

неизбежное для социализма явление. По мере же совершенствования социализма этот недостаток должен исчезать. Сама система распределения материальных благ по количеству и качеству труда (основной принцип социализма) ставит личную выгоду работника в прямую зависимость от общественной выгоды. Если подобная связь будет сохраняться в течение многих поколений, то отомрет потребность некоторых людей жить за счет общества вследствие отсутствия такой возможности, а привычка руководствоваться в труде общественными интересами перерастет в потребность.

Не менее важное воспитывающее воздействие на личность оказывает социалистическая демократия. Самоуправление на всех уровнях есть именно то общее дело, которое объединяет людей, увязывает интересы одного человека с интересами другого. Самоуправление воспитывает коллективизм, чувство любви к людям — высшее проявление человеческой сущности.

Однако претворение в жизнь принципов социалистического распределения и самоуправления оказалось непростой задачей. На пути ее решения советское общество преодолевает такие социальные болезни, как уравниловка, широкое распространение нетрудовых доходов, бюрократизм. Отчуждение власти от человека и продукта труда мешало ему найти полное духовное удовлетворение в общественной жизни. Лишившись возможности активно влиять на жизнь общества, многие люди утратили чувство личной ответственности, хозяйское отношение к своему делу. Если самоуправление и распределение по труду воспитывали коллективизм, то отход от них повлек за собой распространение среди людей противоположных качеств — эгоизма, равнодушия, потребительства.

Необходимо также учитывать, что возможности удовлетворения материальных потребностей растут быстрее, чем аналогичные возможности в духовной сфере, в результате чего материальные запросы многих

людей возросли настолько, что духовные ценности заняли в их жизни последнее место. Прогрессирующий эгоизм стал коренной причиной упадка нравственных устоев общества: приоритет личного над общественным, встречавший раньше негодование и противодействие со стороны окружающих, нередко становится нормой. Волна мелких и крупных хищений социалистической собственности долгое время поддерживалась попустительством и бесхозяйственностью руководителей и равнодушием граждан. Многие утратили чувство справедливости вместе с надеждой на нее.

Другой причиной, породившей духовно-нравственную эррозию общества, является дегуманизация некоторых сторон научно-технического прогресса. Резкое снижение плодородия почв, загрязнение рек, массированная вырубка лесов в Сибири — вот уродливые формы внедрения достижений НТР, способствующие медленной деградации самого человека как части природы.

Нельзя не отметить, что нравственное падение человека начинается и с забвения культурного наследия своего народа. Утрата исторической памяти, связи с народными традициями, разрушение памятников истории и культуры превратились из нравственной проблемы в политическую, так как наносится непоправимый ущерб патриотическому воспитанию следующих поколений. Утрата связи с истоками родной культуры довершает формирование усредненного, духовно ущербного типа человека, у которого складывается психология временщика в своей стране.

Эти причины приводили к утрате многими ищущими людьми душевного счастья, пессимизм подобных искателей нередко распространялся и на те духовные начала, которые заложены в марксизме.

Например, у того же айтматовского персонажа Каллистратова мы встречаем горькие слова: «В чем они (люди-авторы) должны увидеть свое счастье? В наших рекламируемых ценностях? Но ведь они порядком обес-

ценены и вульгаризированы... К чему мы пришли, что у нас есть взамен той милосердной, жертвенной, давно отброшенной на обочину, злорадно высмеянной реалистическими мировоззрениями идеи? Что у нас есть подобное, вернее, превосходящее? Ведь новое несомненно должно быть лучше старого» [1].

Такое мнение складывалось по многим причинам. Прежде всего из-за незнания подлинного марксизма, слабого уровня его усвоения и преподавания общественных наук в школах и вузах. Во-вторых, падение авторитета марксизма у некоторых объясняется теми искажениями социалистических принципов, которые наблюдались в реальной практике. На самом деле большинство уродливых порождений современной жизни есть не результат воплощения идей марксизма в жизнь, а именно продукт отступления от принципов научного социализма в реальности. Определенную роль в потере доверия к марксизму сыграл вульгарный атеизм некоторых наших исследователей и пропагандистов — голая критика религии, не имеющая серьезной и глубокой позитивной философской позиции. (Так, в атеистических трудах «добро» даже не воспринималась как самоценность, а только лишь как средство достижения других ценностей.) Подобные идеи отождествлялись с материалистической диалектикой Маркса.

Отчаявшись обрести духовное счастье и нравственный идеал в окружающей жизни, люди с обостренным нравственным чувством обращались в сферу нереального, небесного. В поисках центральной высшей идеи они приходили к богу, обожествляя реальную человеческую мораль. Для других же искателей идеала средством иллюзорного обретения духовной гармонии становился «кайф» наркомана, алкоголика, меломана.

Разрушительное влияние алкоголизма и наркомании на общество и личность очевидно. А что можно сказать о вере богоискателей в бога? Сделав бога монопольным

[1] Новый мир, 1986, № 8, с. 53, 121.

носителем идеала, они закрепляют свое пессимистическое отношение к моральному облику людей. А зачем тогда бороться за духовное возрождение ближнего? Так, сама логика богоискателя может привести его к социальной пассивности.

Дефицит духовности современной жизни, обусловленный отходом от некоторых важных принципов социализма, видимо, одна из основных причин распространения религиозности в СССР. Преодоление этого отхода, осуществляемое в ходе политики перестройки, — магистральная линия борьбы с религией.

Перестройка необходима и в атеистической работе. Убедить каждого верующего теоретическими аргументами и фактами вряд ли возможно. Ведь религиозная вера есть чувство, с ней сложно бороться только оружием разума. Особенно если учесть, что чувство постоянно воспроизводится общественными условиями, которые его породили. Следует преодолеть догматизм в атеистических работах. В публикациях некоторых авторов можно и сегодня встретиться с пролеткультовскими представлениями о религии. Многие народные традиции осуждаются ими за сохранение элементов религиозного прошлого, элементов, давно утративших свое подлинно религиозное значение.

При этом необходимо учитывать, что русская национальная культура является объектом пристального внимания наших врагов. Попытки навязать русскому народу религиозность в качестве общенационального признака имеют давнюю историю. При этом, как правило, велись рассуждения о некой «таинственной русской идее», основанной на «христианской этике и православном мессионизме» [1]. Так, Н. Бердяев, один из «отцов» богоискательства, пытался уверить всех, что «русский народ, подобно народу еврейскому, — народ мессианский. В лучшей своей части он ищет царства божьего» [2].

[1] Бердяев Н. Собр. соч. Париж, 1983, т. 1, с. 189.
[2] Там же.

Метод идейного противоборства, который применял здесь Бердяев, далеко не нов. Это, попросту говоря, попытка задушить противника в объятиях. Вероятнее всего, наши атеисты из ложно понятого чувства патриотизма пытаются спасти честь мундира в полемике с подобной критикой. И проще всего им это сделать, осудив народные традиции за их консерватизм.

Сила инерции сознания действительно велика. И необходимо учитывать, что народная культура веками развивалась под религиозной оболочкой.

Однако некоторые представители творческой интеллигенции и сегодня ошибочно выставляют религию носительницей национального духа. Подобная позиция зачастую вытекает из глубокого патриотического чувства, которое заслуживает уважения и внимательного отношения к себе. Но окуривание церковным ладаном Родины и народа может принести только вред и Родине и народу. Религиозный «патриотизм» отталкивает от себя многих людей, что дает лишний повод выступить против патриотизма как такового.

В действительности в основе общественной жизни всегда лежал народный быт, а не библейские предписания. Глубокие исследователи народной жизни — славянофилы даже не мыслили себе христианства вне «быта народного, вне русской сельской общины». Ведь сама религия лишена содержания без взятых на прокат у людей человеческих ценностей. Порочная практика деления культуры на «актуальную» и «устаревшую» привела к тому, что современное общество утратило многие национально-культурные традиции.

Разговор о традициях актуален еще по одной причине. Главным в атеистическом воспитании должна быть разработка и внесение в массы теории диалектического материализма и прежде всего его нравственного учения. Нравственность же марксизма имеет глубокие корни в народной морали. Обращаясь к традициям народного общинножития, классики марксизма видели в

них истоки подлинно человеческой нравственности. Коллективный труд на общей земле, совместная помощь каждому члену общины воспитывали людей в духе товарищества, взаимовыручки и бескорыстия. Помимо этого, коллективный крестьянский труд доставлял радость живого человеческого общения, сам процесс труда обретал для людей форму праздничного ритуала. Общественные формы труда (общие сельскохозяйственные работы, рубка леса, строительство и пр.) создавали благоприятный психологический климат, воспитывали трудолюбие, так как каждый работник был на виду у всей общины. Немаловажную роль в жизни общины играла сила общественного мнения. Вот что пишет В. Белов, писатель: «Общественное мнение, — весьма снисходительное к физическому или другому недостатку, становилось совершенно беспощадным к недостатку нравственному. Не потому ли дурной человек хотел стать не хуже других (по крайней мере, не хвастался тем, что он дурной), средний стремился быть хорошим, а хороший считал, что ему тоже не мешало бы стать лучше?» [1]. Степень воздействия общественного мнения напрямую зависела от степени демократичности жизни самой общины. Общинное самоуправление прививало также народу любовь к свободе и чувство собственного достоинства.

Русская и советская литература в лучших своих образцах всегда видела спасение общества от духовного разложения в обращении к основам народной нравственности, к традициям национальной культуры. Народный идеал представлен в ней в виде высоких нравственных обязательств личности перед обществом. Именно приняв на себя эти обязательства перед народом, личность способна подняться к вершинам духовной жизни. Вот где могут люди ищущие обрести свой подлинный идеал.

---

[1] Белов В. Лад. Л., 1984, с. 110.

# СТРАНИЦА ИСТОРИИ

ПРОШИН Г.,
*Ленинград*

## ПОРТРЕТ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Читая «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, Пушкин грустно заметил: «Мы ленивы и нелюбопытны». Он сказал так потому, что в его время очень мало кто знал древнерусскую историю и мало кто ею интересовался. Сказано это было давно, и с тех пор положение, конечно, изменилось. Наше прошлое, история Родины нас интересует. Но что мы знаем свою историю, этого и про нас сказать нельзя. Ученые, историки, археологи, искусствоведы и еще многие специалисты знают прошлое достоверно, нередко в самых-самых мелких подробностях. А вот в большинстве своем наши читатели (я вовсе никого не хочу обидеть!) русскую, отечественную историю знают плохо. Интересуемся вообще-то, но... Что же известно не ученым и не преподавателям, а просто всем нам о крещении Руси? Каждый ответит, что православная церковь в 1988 году будет торжественно отмечать юбилейную дату — 1000-летие крещения Руси князем Владимиром. О принятии христианства во время княжения в Киеве Владимира Святославича мы, вообще-то, знаем из учебника. Знаем, что христианство способствовало развитию культуры, но — это главное — служило духовному закаба-

лению народа. Знаем, что церковь верой и правдой служила угнетателям и что великий князь Владимир именно в интересах феодалов-угнетателей вводит христианство как государственную религию. Все так.

Православная церковь очень чтит князя Владимира. Он канонизирован, то есть объявлен святым и даже — «равноапостольным». Выше этого церковь вообще не может поставить человека. Апостолы, по евангельской легенде, — ученики самого Христа, а Владимир, подобно им, утверждал христианство. Тут спорить вроде и не о чем, христианство он действительно утверждал, а что святой — это уже дело церковное.

Но есть такая сторона дела, которая к религии отношения не имеет, а церковь приписывает ее своему ведомству. Церковь утверждала и утверждает, что вся наша национальная культура, литература, наша образованность существует благодаря ее заботам, что именно православная церковь — хранительница культурных традиций и что мы, атеисты, не можем понять и оценить истории своего народа. Словом, только с православных позиций можно правильно понять прошлое, разобраться в истории Отечества.

Обратимся же к далекому прошлому и посмотрим, за что так чтит князя Владимира православная церковь, а также — о чем она умалчивает.

Сразу скажем: князь Владимир — одна из самых ярких фигур истории Отечества и, может быть, крупнейшая и очень непростая личность, созданная Древней Русью в бурной и сложной, ломавшей прежние устои государственной, общественной, политической жизни той эпохи.

Это только кажется, что сквозь даль десяти веков, в скупых строках летописей, трудно увидеть этого многогранного, страстного и талантливого человека, взявшегося решительно расчистить путь нового социального развития государства, сломать его идеологические осно-

вы, дать ему «новую веру», заставить по-новому осмыслить ценности жизни. Приказом такого не сделаешь.

Количество исторических источников относительно крещения Руси невелико.

Это летописи и прежде всего — «Повесть временных лет». Так озаглавил начальную русскую летопись знаменитый Нестор-летописец в начале XI века и церковные жития князя Владимира. В освещении церковных и околоцерковных авторов Владимир на протяжении многих веков — фигура, имеющая всего два измерения. Плоская фигура. К тому же эти два измерения создают как бы «двух Владимиров». Фигура оказывается черно-белой, без оттенков. Владимир до крещения, Владимир-язычник — черен: он — грешник, правда, грешник по неведению, потому что нехристианин, но все же грешник. Это по его приказу убивают брата, князя Ярополка, это у него, великого князя, кроме нескольких законных жен (язычнику это можно), собран гарем. Вернее, три гарема: под Киевом, в Вышгороде — триста наложниц, в Белгороде — еще триста и двести в безымянном сельце, которое — летописец точен — «сейчас называют Берестовое». Этого мало, Владимир, кроме того, приводил к себе и замужних женщин и растлял девиц и вообще был «ненасытен в блуде». Таков первый образ князя. Второй — Владимир крещеный. Строит храмы, раздает милостыню нищим, усердно кается в грехах, любит священников и охотно слушает церковные поучения. Таков Владимир летописи — князь, полностью готовый к церковному «прославлению», причислению к лику святых. Мы еще вернемся к этой хвалебной характеристике летописца, пока же отметим, что она могла бы быть, и мы увидим это, значительно хвалебнее.

Летопись дает более выразительный портрет, чем тот, который очерчен нами, но сейчас важно увидеть схему, по которой он построен. Она стала основой церковного образа «русского апостола». И основой того

«исторического» Владимира, который действует исключительно в интересах закабаления крестьянства и феодального угнетения. Последнее несомненно. Впрочем, несомненно и то, что народная память сохранила еще один образ, который не укладывается ни в церковную, ни в иную упрощающую историю схему, — образ Владимира Красного Солнышка. Это из былины. Немногие в отечественной истории удостоились тысячелетней народной памяти. Первый цикл русского эпоса — былин — связан с именем Владимира, «славного Владимира Сеславича», могучего и любимого народом великого князя киевского. В былинах возникает фигура мудрого правителя, окруженного богатырями, князя — защитника Руси от ворогов, справедливого князя.

Былинная характеристика — это дело очень серьезное. В неграмотных «некнижных и бесписьменных» массах русского крестьянства былина была памятью народа, памятью его истории и того, как понимал свою историю народ, что ценил в ней, а что отвергал. Это значит, что былина подвергается самой жесткой из возможных цензур: пусть и появится былина, сложенная придворным сказителем, но если она не будет отвечать народному пониманию, то ее не станут запоминать, не станут сказывать, и тогда уже в следующем поколении все забудется. И — навсегда.

И чтобы вернее понять церковную политику, глубже и точнее увидеть проблемы крещения Руси, нам стоит внимательно всмотреться в реального Владимира, князя, полководца, политика, дипломата, идеолога.

Сын князя Святослава, замечательного полководца Древней Руси, внук княгини Ольги, Владимир — князь только по отцу. Мать Владимира, Малуша, ключница Ольги, а ключница — это холопка, раба и сын ее — «робичич». Правда, тогда это особого значения не имело.

Понятия о «законных» и незаконных» детях привнесены христианством. Воспитывала Владимира с двумя

другими внуками бабка Ольга. Мать куда-то сослали. Ольга уже тогда была христианкой. Святослав, как известно, в Киеве почти не бывал, так что Владимир с детства больше слышал о подвигах отца, чем видел его самого, а у христианки Ольги были свои виды на внуков. Княгиня если и не крестила внучат втихомолку, то с христианством знакомила их усердно, и в этом ей помогал не один иерей и богослов из ее православного окружения. Так или иначе, но с основами этой веры Владимир был знаком с детства.

Владимир прошел все ступени княжеско-дружинного обучения, был, по обычаю, года в три-четыре «всажен на конь», и последующие военные походы князя показывают, что воинское обучение его было успешным. Правда ни военными талантами, ни рыцарской доблестью князь никогда не блистал на отца, на Святослава, он не походил совершенно и был, по крайней мере, достаточно осторожен в личном участии в сражениях. Известно, что в одной из схваток с печенегами (уже после крещения), в которой победили печенеги, бежавший Владимир спрятался под мост и там отсиделся. Меру его испуга показывает не только это — всякое может случиться в бою, — а то, что еще под мостом Владимир дает обещание в случае спасения построить церковь. И церковь Владимир построил.

А пока Русь еще языческая, и сам Владимир верит, как предки верили, в обоготворенные еще первобытными людьми силы природы. В бога солнца, в бога грома и молний, в бога неба... Идолы этих божеств стояли на священных местах. Им приносили жертвы. И князь тоже приносил, даже человеческие...

Владимир «любил книжное чтение» — эта характеристика с течением времени будет дана летописью многим образованным князьям на Руси. Владимир — первый князь, которого летописец отмечает как человека книжной культуры. В средние века это редкость. Пройдут еще столетия, а многие князья и бояре будут ста-

вить вместо подписи крестик — неграмотны, «некнижны»!

Нет, совсем это не плоская и не черно-белая фигура... Но вернемся к его религиозным взглядам. Сначала Владимир княжил в Новгороде и здесь должен был хорошо узнать и северный славянский, и племенной финно-угорский пантеоны богов и духов природы. Был «за морем», где-то у варягов, а у них свои верования в грозного бога Одина и загробное царство — Валгаллу, где павшие в бою воины на равных сражаются, а потом пируют с богами, и так — вечно. Это, так сказать, реализованный на небе идеал жизни наемного воина-варяга. Впрочем, все это Владимир мог узнать и в Киеве, еще в детстве. Здесь, в одном из самых больших центров Европы, скрещивались пути торговли Востока и Запада. Здесь подолгу жили купцы разных стран и народов. Мусульмане из далекой Средней Азии и сказочного Дамаска, мусульмане с Камской Болгарии, хазарские купцы, исповедовавшие иудаизм. Знал Киев и огнепоклонников Закавказья, христиан-католиков с Запада, армянских христиан-монофизитов — это особая ветвь христианства, разошедшаяся с греческой, византийской. И видел Киев многое-множество самых разных «вер», каждая из которых к тому же отвергала другую и активно доказывала свою и только свою «истинность». Летопись, конечно же, такого ответа не даст. Но можно быть уверенным, что при таком разнообразии «вер», которое видел Владимир, у него вряд ли были твердые вероисповедные убеждения. Хочу уточнить, — именно вероисповедные, а не религиозные. Религиозные убеждения у него были, человек средних веков всегда религиозен. Дело в характере этих учеждений, в таком множественном воздействии «вер», каждая из которых «истинная» по совершенно туманным для здравого смысла соображениям вроде канонического запрета есть свинину и т. д. Сумма такого рода воздействий должна была выработать у Владимира большой скептицизм

по отношению ко всем и всяческим вероисповедным формам.

Не так давно вышло литературоведческое исследование (Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. 2-е доп. изд. Л., 198), которое раскрыло целый, до сих пор почти неведомый пласт русской народной культуры. Авторы исследуют природу и особенности смеха средних веков. Это ирония и насмешка, которая часто обращается не вовне, не на кого-то, а на самого смеющегося. Это насмешка, которая пародирует действительность, потому что не согласна с ней, и отрицает ее иронией, иногда улыбкой, а то и злым сарказмом.

К сожалению, авторы не рассматривают в своей книге Древнюю Русь того периода, который интересует нас, а между тем афоризм, насмешка, балагурство народного смеха, столь характерные для русского национального миропонимания, звучат даже с древних пергаментных страниц «Повести временных лет».

Летописец усмехается над новгородцами, которые в бане до того допарятся вениками, что еще живы, а оказывается, как бы наивно изумляется летописец, — это «не мученье себе делают, а омовение». «Повесть временных лет» написана в Киеве, а на юге Руси тогда не знали бани с паром, как на севере. Летописец усмехается над соотечественниками, которых на реке Песчаной разбил воевода по имени Волчий Хвост: «пещанцы, волчья хвоста бегают»...

На пирах Владимира, их помнят былины и летописи, исполнялись народными сказителями, придворными княжескими поэтами былины старые и только что сложенные, в которых было место и насмешке над персонажами. Русь издревле ценила и понимала юмор. Насмешка над действительностью, ироническое отношение к ней, смеховая форма ее отрицания особенно характерны для переломных периодов истории. Таким периодом была эпоха расцвета Киевского государства, эпоха сме-

ны ведущих идейных ориентиров, введения христианства.

Так вот, незадолго до крещения Руси Владимир вдруг распорядился собрать самых главных языческих богов и поставить их изображения в одном месте, в центре Киева. Получился некий «славянский пантеон». Оговорим, некоторые исследователи считают, что пантеон этот — то ли уступка киевскому боярству — старой языческой знати столицы, то ли попытка князя обойтись без введения христианства, опорой, так сказать, на традиционные идеологические силы. Но, по имеющимся научным данным, нельзя утверждать, что от Владимира требовали уступок такого рода, а что касается попыток идейно опереться на прежние верования, так в эти годы, в канун принятия христианства, такая попытка, совершенно очевидно, не могла быть удачной. Общество в целом переросло первобытные верования, поклонение духам природы. Владимир видел и понимал все это.

А теперь представим себе Перунов, Стрибогов, Велеса, Мокошь, сведенных в круг. Это прежние племенные боги, их функции перекрещиваются, налагаются друг на друга. Один идол противоречит другому, и уже никому не разобраться, кто тут главней: бог неба или бог солнца? Устраивая эту оригинальную, почти музейную выставку деревянных изваяний, Владимир дал волю насмешке, иронии над противоречивыми и уже неубедительными идеями обветшавшего язычества. Пантеон этот, по существу, служил идее Владимира, идее предстоящего введения христианства. Но столь же ироничен он был и по отношению к новому.

В «Повести» есть подробный рассказ-легенда о «выборе веры» князем Владимиром. Было бы очень интересно разобрать, что в этой легенде вымысел, что факт, но это уведет нас в сторону, мы проследим только линию отношения князя к различным религиям. По легенде, в Киев прибыли проповедники ислама, иудаизма и

католицизма, чтобы склонить князя принять их, конечно же, «истинную» веру. Владимир с ними беседует. Проводит «испытание», оценку различных вероисповеданий, для того чтобы выбрать истинное. Полностью довериться тексту «Повести» мы не можем — он литературная обработка, а точнее, может быть, литературная разработка материалов того широкого общественного движения, которое вызывали слухи о перемене веры, пропаганды множества миссионеров, склонявших к политическим и государственным действиям, которые продиктовало бы принятие того или иного «закона».

Борьба идейных и политических группировок, тенденций и течений была весьма напряженной и острой. Летопись фиксирует и споры, и мнения Владимира, последовательно отвергающего все «законы», кроме греческого.

Пришли, повествует летописец, «болгары магометанской веры». Их изложение вероисповедных норм, прошло через редактуру христианских летописцев и выглядит, понятно, весьма непривлекательно, но для нас главное — аргументация Владимира. Услышав, что по исламу вовсе исключается употребление спиртного, князь ответил: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Хлестко ответил, афоризмом, в рифму. Вот и весь сказ. Надо полагать, что к Владимиру был отправлен проповедник не из последних, надо полагать, что он и политически и теологически свою миссию проводил на высоком уровне, — идут важные государственные переговоры. Владимир же попросту отшучивается от всей аргументации. А ведь он с удовольствием слушал исламского пропагандиста, когда тот рассказывал о многоженстве и других подобных вещах, ибо, сокрушенно замечает летописец, «сам любил жен и всяческий блуд», выбрал же, как известно, христианское единобрачие. Так, может быть, Владимир был горьким пьяницей? Ах, сколько их, горьких пьяниц, оправдывалось потом этой фразой, ставшей крылатой. Нет, пьяни-

цей князь не был. Может быть, такая заниженность аргумента лишь подчеркивает почти оскорбительный отказ Владимира от дальнейшего обсуждения проблемы исламизации?

Нет, просто выбор был сделан давно для Владимира; как ни заставляет его летописец активно участвовать в «выборе веры», вопрос был решен, и ко всей религиозной аргументации князь относится с большой долей иронии.

Кульминационный момент «выбора веры» — проповедь византийского священника. Летопись называет его «философом». Именно это, православное исповедание, изберет Владимир. Тут бы летописцу превознести князя, заставить его умиляться и восхищаться. Однако «речь философа» особенно Владимира не заинтересовала.

Собственно в «речи» аргументации в пользу христианства нет. Ее и не могло быть на единственно доступном летописи уровне — уровне религиозного христианского понимания. В тексте большое, на много страниц, изложение библейской истории от сотворения мира. Из летописи видно: Владимир внимательно слушает грека и время от времени задает ему довольно-таки скептические вопросы. Например, зачем было Христу принимать страдание распятия? Действительно ли сбылись библейские пророчества? Вопросы интересны нам даже не как свидетельства скептического недоверия Владимира рассказу, но как вопросы, волновавшие в связи с предполагаемым принятием новой веры все общество. Так могли спрашивать христиан-проповедников и на улицах Киева. Греческий философ ответов, однако, не дает. Он просто продолжает изложение Библии с того места, где князь его прервал. Владимир тоже не настаивает на ответах. Но, судя по точности вопросов, он прекрасно разбирается в основной проблематике христианства, и речь приведена летописцем более в целях пропаганды вероучения, чем как историческое свидетельство обращения Владимира к вере.

Самое интересное — конец этой длинной лекции. Философ «от грек» был умелым проповедником. В заключение он развернул перед Владимиром икону «Страшного суда», шитую на ткани. В Константинополе умели изумительно расшивать шелками такие иконы. Они выглядели как живопись, только еще ярче, еще красочнее. Икона эта традиционная. На ней изображен тот грозный божий суд, который будет устроен в конце мира всему человечеству. На иконе воскресают и выбираются из гробов мертвецы, море выбрасывает утонувших и проглоченных огромными китами, в центре иконы над престолом парит спускающийся с небес Христос, который вторично приходит на землю, чтобы судить живых и мертвых. Под престолом весы: две чаши — символ суда. На весах взвешиваются добрые дела человека, а на вторую чашу ложатся его грехи. Если перевесит чаша добрых дел, человек отправляется в рай, на вечное блаженство, если же перевесят грехи, то на вечные муки ада.

Два потока грешников и праведников на иконе соответственно направляются: вверх — это праведники, вниз — это грешники. Праведников ведет в золотые двери «небесного Иерусалима» апостол Петр. Грешников пожирает огненная пасть ада, их, скованных цепью, тащат в преисподнюю по огненной реке, а со всех сторон отвратительные бесы погоняют, бьют и толкают, торопят грешников.

Философ закончил свою проповедь именно описанием этого зрелища. Что же Владимир? Он отреагировал вроде бы совершенно банальнейшей, «проходной» фразой. Он сказал, что хорошо тем, кто идет в рай, и горе тем, кто идет в ад. Подвел, так сказать, краткий итог длинной и пышной речи философа. Это ответ человека, во-первых, достаточно хорошо знающего, о чем идет речь, во-вторых, не очень интересующегося предметом беседы, в-третьих, довольно скептично настроенного в отношении этого предмета.

Грек настаивал: «Если хочешь с праведниками стать, то крестись». Ответ Владимира с той же долей легкой иронии: «Подожду еще немного». Насмешка легкая, почти неуловимая, в спокойном осознании своей княжеской власти и над этим «философом», и над этой верой. «Подожду».

Над собой Владимир усмехнулся в самый момент своего личного крещения, в Корсуни, в церкви святого Василия. Вылезая из купели, князь произнес: «Вот теперь я узнал истинного бога». Ни окружающим, ни тем, кто донес эти слова до летописца, и в голову на могло прийти, что Владимир усмехнулся над самим собой. С детства знал он «истинного бога», с детства знал множество других богов, столь же истинных. Взрослый и скептичный мужчина, великий князь иронизировал над собой. Дальше неизбежно следовали государственные акты принятия христианства Русью, установление новых учреждений и введение новых повинностей, включение в структуру государства новой и сложной системы культа. Все это так, это — необходимо нужное дело, но начинается оно странным положением мокрого мужчины, выбирающегося из купели, окруженного к тому же множеством людей. Среди них и чужие попы, и свои бояре, и дружина, и просто близкие люди, Добрыня, славный Добрыня Никитич киевских былин. А этот хоть и родной дядя, хоть и надежный воин и советчик, но он же и душа княжьих пиров, обходительный весельчак и остроумный собеседник, уж Добрыня не упустит ни одной комичной детали этого примечательного и парадного действа.

Перелистаем еще несколько страниц летописи. Лето от сотворения мира 6504-е, а от рождества Христова 996. И Киев, и Новгород, и другие города и поселения на Руси уже испытали на себе таинство крещения, повсюду строятся церкви, продолжается распространение и укрепление позиций православия, и множества византийских «греческих попов», церковников — сила,

которая пытается вмешиваться в государственные дела, постоянно сносится с Константинополем, стремится направлять Русь в фарватер византийской политики. Это тоже один из результатов крещения. Владимир был готов к нему, но вот среди мер пресечения он, как рассказывает «Повесть», избрал и весьма неожиданные.

В эти годы сильно умножились разбои, что, вероятно, было также побочным результатом крещения: часть тех, кто не принял новой веры, попросту ушла в леса, и дороги стали опасны для проезжих. Епископы, сообщает летопись, обратились по этому поводу к Владимиру, который, как видно из текста, отменил казни за разбой. Князь отменил их по требованию того же епископата, видимо, провозглашавшего христианское: «не убий». Епископы спросили Владимира: «Почему не наказываешь разбойников?» Ответ князя великолепен: «Боюсь греха». В первом чтении, в особенности в христианском первом чтении, фраза совершенно в духе религиозных добродетелей, прочно усвоенных недавно крещенным князем.

Подоплека же была иной, не столь благочестиво христианской. Патриархат Константинополя начал переносить на Русь свои порядки. За разбой, за убийство по церковному праву назначалась епитимья (покаяние), это дело для церкви небезвыгодное. Епитимья могла включать в себя «милостыню» — пожертвования в церковь очень немалые, а коль скоро на такую милостыню рассчитывать не приходилось, то епитимья могла состоять из пребывания на весь период покаяния «в церковном доме», в непрерывной работе, на хлебе и воде. Выгоды церкви очевидны, однако с разбоями она справиться, конечно же, не могла. И когда Владимир уступил это государственное право церкви, преступность стала расти. Теперь же князь умывал руки: его «боюсь греха» направлено против церковных поучений, против вмешательства церкви в дела княжьи, государственные. И здесь церковникам пришлось выворачиваться.

«Не убий» — текст евангельский. В конце концов епископы вынуждены были полностью уступить Владимиру и казуистически оправдывали власть князя, снимая противоречие Евангелию тем, что казнить разбойников все же следует, но «по проветке», то есть после расследования дела. Как будто до их вмешательства все обстояло иначе.

Компромиссом это все же стало. Убийство, по Евангелию, есть грех, который искупить можно только раскаянием, возможность откупиться, возместить чью-то жизнь в денежном выражении, христианством отрицается, что и действительно справедливо. Владимир снова стал карать смертью, но виру — штраф за убийство — уже не брал. Выкуп убийцы войдет в правовые нормы Руси, но это будет позднее. И выкуп — вира будет восстановлена, в противоречие с евангельским учением, опять-таки по просьбе епископата. И опять-таки к выгоде церкви. «Пусть так», — ответил Владимир на просьбу епископов вернуть виру. «И жил Владимир, — завершает этот рассказ летописец, — по заветам отца и деда». Напомним, что ни отец, ни дед его христианами не были...

Под тем же 996 годом летопись простодушно сообщает, что на Владимира-христианина огромное впечатление произвели известные новозаветные тексты о том, что христианин не должен заботиться о земном: «продавайте имения ваши и раздавайте нищим», «блаженны милостивые», «не собирайте себе сокровищ на земле» — летопись приводит подборку таких, что и говорить, впечатляющих текстов.

Владимир снова оказался ревностнейшим из христиан, буква в букву исполняющим евангельские предписания. Он послал по Киеву глашатаев объявить свою волю: все бедные, все нищие отныне могли идти и в государственную казну, и на княжий двор и брать там себе все, что надобно: и питье, и пищу, и деньги. Мало этого, Владимир издал приказ: «снарядить телеги», и

по городу стали развозить хлеб, мясо, рыбу, мед в бочках, а возчикам было велено спрашивать, где есть больные и нищие, и те, кто не может ходить, и все, что привезено, раздавать, доставлять на дом...

Долго ли это продолжалось, неизвестно. Князь, конечно, мог себе позволить и не такие расходы. Дело в ином. Действия князя — это своего рода социологический опыт, выявляющий жизненную несостоятельность евангельских идеалов. Христианский тезис был доведен Владимиром до естественного абсурда. И эта впечатляющая демонстрация была направлена против церкви. С одной стороны, дело «нищелюбия», благотворительности — это то, чем церковь всегда занималась. Милостыня, нещедро раздаваемая ею, служила показателем соблюдения евангельских заветов, возвышала религию. Язычество этого не знало, и такая милостыня выглядела весьма привлекательно. Но церковь, как мы знаем, проповедовала одно, а раздавать земные сокровища не собиралась никогда, наоборот, всячески их накапливала. И такая демонстративная акция князя явно противоречила интересам церкви, а кроме того, побуждала и ее последовать евангельскому завету отказаться от богатств, которые она только что и с большим размахом начала приобретать... Словом, действия князя привели к положению совершенно невозможному. Владимир это прекрасно понимал. Он не собирался дискредитировать церковь, наоборот, но показать, что евангельские поучения для князя и для тех, кто ему подвластен, имеют разное значение, показать, что церковь не должна вмешиваться в дела государства сверх тех пределов, которые определит княжеская власть, Владимир сумел. Заодно, заметим, должна была сильно возрасти и популярность самого Владимира, «ласково князя Владимира», как его запомнили русские былины.

Сарказма Владимира, его, насмешки и его иронии не видел и не мог видеть летописец. Он видел и мог видеть только христианскую направленность в действиях кре-

стителя Руси. По сути, летопись права — эта направленность определяла все действия князя, даже его насмешку над христианскими заповедями, которой не мог увидеть ни летописец, ни позднейшие церковные авторы. Реальный Владимир далек от той сусальной фигуры, которая видится в свете церковной лампады.

Владимиру нужна была христианская церковь, и он ее создал, она была нужна в интересах развития всего общества, в интересах развития и укрепления государства. Но Владимир видел и понимал опасность того, что эта церковь, опирающаяся на иноземный патриархат, может стать проводником чужой политики, и он сумел поставить церковь на службу своему государству, сделать ее орудием политики Руси, орудием развития и укрепления феодализма. Сумел сделать это властью, силой государства, силой оружия и, как это ни кажется парадоксальным, силой смеха.

Справка. Византийская империя, константинопольский патриархат восточной православной церкви были жизненно заинтересованы в установлении своего идейного и политического влияния в Русском государстве. Русская церковь, подначальная патриархату, сумела стать фактически автономной. Это не ее заслуга. Церковь опиралась на могущество и государственный суверенитет Руси, в конечном счете на силы народа. В начале XIII века Константинополь был разгромлен христианами-крестоносцами, Русь испытала тяготы татаро-монгольского ига. В XV веке Константинополь был захвачен турками, и в 1448 году русская церковь становится автокефальной. Церковное греческое влияние на Руси сохраняется еще некоторое время, но только в вопросах богословия и культовой практики.

## СОДЕРЖАНИЕ

М 75 **Молодежь. Религия. Атеизм.** Вып. 4 /Сост. М. В. Ганичева. — М. : Мол. гвардия, 1988. — 239 [1] с.

ISBN 5-235-00409-4

Очередной выпуск альманаха посвящен проблемам атеистического воспитания молодежи. Сборник рассчитан на массового читателя.

М $\frac{0400000000-128}{078(02)-88}$ КБ—001—001—88 ББК 86.1

ИБ № 5235

МОЛОДЕЖЬ. РЕЛИГИЯ. АТЕИЗМ. Вып. 4

Заведующий редакцией **С. Дмитриев**
Редактор **И. Никифорова**
Художник **Э. Лехмус**
Художественный редактор **В. Тихомиров**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректор **Т. Контиевская**

Сдано в набор 17.12.87. Подписано в печать 24.03.88. А12528. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,85. Учетно-изд. л. 10,9. Тираж 50 000 экз. Цена 45 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическом объединении ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, Сущевская, 21. Заказ 2606.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44. Заказ 8—159.

ISBN 5-235-00409-4

45 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ


МОЛОДЕЖЬ РЕЛИГИЯ АТЕИЗМ